

Dictum – factum:

от исследований к стратегическим
решениям

ISSN: 2713-2943

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Севастопольский государственный университет
Институт общественных наук и международных отношений
Кафедра иностранных языков

Dictum – factum:
от исследований к стратегическим решениям

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

по материалам

Второй Всероссийской молодёжной научно-практической конференции

с международным участием

“LinguaNet”

(г. Севастополь, 22 – 23 октября 2020 г.)

ВЫПУСК 2

Севастополь-Белгород
2020

The Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation
Sevastopol State University
The Institute of Social Sciences and International Relations
The Department of Foreign Languages

**Dictum – factum:
from Research to Policy Making**

EDITED VOLUME

Proceedings of the Second All-Russian and
International Research-to-Practice Conference

“LinguaNet”

(Sevastopol, October 22 – 23, 2020)

ISSUE 2

Sevastopol – Belgorod
2020

Главный редактор: КОМУЦЦИ Л.В., доктор филологических наук, доцент, СевГУ
Научный редактор: ИВАНЦОВА Ю.А., кандидат филологических наук, доцент, СевГУ

Редакционная коллегия:

БАРАНОВА А.В., кандидат филологических наук, доцент, СевГУ
ДЕЛЬВИГ Н.А., кандидат педагогических наук, доцент, СевГУ
КАБАНКОВА Е.Н., кандидат педагогических наук, доцент, СевГУ
ЛОБКОВ А.Е., кандидат филологических наук, доцент, СевГУ
РУДЕНКО Н.С., кандидат филологических наук, доцент; СевГУ
БРАСЛАВСКАЯ Е.А., старший преподаватель, СевГУ
ЛЫСЕНКО В.В., старший преподаватель, СевГУ

Публикуется по решению кафедры «Иностранные языки» СевГУ (Протокол заседания кафедры № 4 от 20.11.2020 г.).

D53 **Dictum – factum : от исследований к стратегическим решениям = Dictum – factum : from Research to Policy Making** / главный редактор Комуцци Л. В., научный редактор Иванцова Ю. А., ред. колл.: Баранова А. В., Кабанкова Е. Н., Лобков А. Е. [и др.] ; Севастопольский государственный университет, Институт общественных наук и международных отношений. – Севастополь ; Белгород : ПОЛИТЕРРА, 2020 – . – ISSN 2713-2943 (Online). – Текст : электронный.

Выпуск 2 : сборник научных трудов по материалам II Всероссийской молодёжной научно-практической конференции с международным участием “LinguaNet” (г. Севастополь, 22 – 23 октября 2020 г.). – 2020. – 159 с.

В настоящий сборник включены статьи, подготовленные по материалам Второй Всероссийской молодёжной научно-практической конференции с международным участием “LinguaNet”, которая состоялась 22 – 23 октября 2020 г. в Севастопольском государственном университете. Статьи, написанные на русском, английском и немецком языках, отражают результаты исследований по актуальным проблемам гуманитарных и общественных наук.

Все статьи проходят экспертно-техническую оценку редакционной коллегии сборника. При использовании публикуемых материалов ссылка на издание обязательна.

Editor-in-Chief: KOMUTSTSI L.V., Doctor of Science in Philology, Associate Professor, SevSU
Scientific Editor: IVANTSOVA Yu.A., PhD in Philology, Associate Professor, SevSU

Editorial Board:

BARANOVA A.V., PhD in Philology, Associate Professor, SevSU
DEL'VIG N.A., PhD in Pedagogy, Associate Professor, SevSU
KABANKOVA E.N., PhD in Pedagogy, Associate Professor, SevSU
LOBKOV A.E., PhD in Philology, Associate Professor, SevSU
RUDENKO N.S., PhD in Philology, Associate Professor, SevSU
BRASLAVSKAIA E.A., Senior Lecturer, SevSU
LYSENKO V.V., Senior Lecturer, SevSU

Issued by the Decision of the Foreign Languages Department, SevSU (Minutes of Department Meeting No. 4 dated 20.11.2020).

D53 **Dictum - factum : from research to policy making = Dictum – factum : от исследований к стратегическим решениям** / editor-in-chief Komutstsi L. V., scientific editor Ivantsova Yu. A., ed. board: Baranova A. V., Kabankova E. N., Lobkov A. E. [et al.] ; Sevastopol State University, the Institute of Social Sciences and International Relations. – Sevastopol ; Belgorod : PPC "POLITERRA", 2020 – . – ISSN 2713-2943 (Online). – Text : electronic.

Issue 2 : Proceedings of the II All-Russian and International Research-to-Practice Conference "LinguaNet" (Sevastopol, 22 – 23 October 2020). – 2020. – 159 p.

The present volume of conference proceedings contains academic articles presented at the Second All-Russian and International Research-to-Practice Conference "LinguaNet", which was held at Sevastopol State University on October 22 – 23, 2020. The articles presented in Russian, English and German reflect the research findings of innovative investigations that span the topical issues of the Humanities, Arts and Social Sciences.

All the papers have passed through a peer review process before publication. When using a paper published in this volume, please make references to the source.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

О НАУЧНОЙ ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ПОДХОДА К ПРОБЛЕМАМ ОБЩЕСТВЕННО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК: «СРЕДИЗЕМНОМОРСКИЙ ТЕКСТ» КАК СИТУАТИВНЫЙ ПРИМЕР.....	12
--	----

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Аргунов В.В., Федорова К.И.

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ МЕТАФОР В АНГЛОЯЗЫЧНОМ И РУССКОЯЗЫЧНОМ СПОРТИВНОМ ДИСКУРСЕ.....	14
--	----

Баранова А.В.

РАННИЕ ПЕРЕВОДЫ РАССКАЗА ТОМАСА ГАРДИ «В УГОДУ ЖЕНЕ» В РОССИИ: К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДНОЙ МНОЖЕСТВЕННОСТИ.....	20
--	----

Гарсиа Ланда Х.А.

ПОЛИБИЙ О ПОНТЕ ЭВКСИНСКОМ: ИСТОРИЯ ГЕОЛОГИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ.....	26
---	----

Ильичев А.В., Хапаев В.В.

К ВОПРОСУ О ПРЕДНАЗНАЧЕНИИ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ УКРЕПЛЕНИЙ В РАЙОНЕ ГЛАВНОЙ ГРЯДЫ КРЫМСКИХ ГОР.....	35
---	----

Карпунина И.В., Комуци Л.В.

МОДАЛЬНОСТЬ МЕДИАТЕКСТА СОВРЕМЕННОЙ ГЕРМАНИИ.....	41
---	----

Комуци Л.В., Руденко Н.С.

СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ ТЕКСТ КАК ОБЪЕКТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИЗУЧЕНИЯ..	46
--	----

Лобков А.Е.

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ УЧАСТИЯ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ВРАЧЕЙ В КРЫМСКОЙ ВОЙНЕ (1853–1856).....	54
--	----

Малыгина К.А.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИХ СИМВОЛОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ.....	61
--	----

Сессорова С.А.

ИНВЕРСИЯ И ПАРЕНТЕЗА В ДЕТСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ.....	67
---	----

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Глотова А.В., Зубкова М.А.

ФОРМИРОВАНИЕ КРОСС-КУЛЬТУРНОЙ ГРАМОТНОСТИ КАК КОМПОНЕНТ
ИНОЯЗЫЧНОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ ПОДГОТОВКИ
БАКАЛАВРОВ.....72

Жиганов Г.В., Бойко Г.А.

ОЦЕНКА ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕГИОНА ПРИ
ОСУЩЕСТВЛЕНИИ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ.....78

Иваненко В.А.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ОТНОШЕНИИ
ИЗМЕНЕНИЯ КЛИМАТА.....85

Кабанкова Е.Н., Иванцова Ю.А., Лысенко В.В.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД К ПРЕПОДАВАНИЮ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА
СТУДЕНТАМ ИНЖЕНЕРНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ.....89

Левцова Р.С.

РОЛЬ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ И ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОГО
ЗОНИРОВАНИЯ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ЗЕМЕЛЬНЫХ
УЧАСТКОВ ДЛЯ СТРОИТЕЛЬСТВА.....94

Лысенко В.В., Иванцова Ю.А., Кабанкова Е.Н.

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭЛЕКТРОННОГО ОБУЧАЮЩЕГО КУРСА НА
ПЛАТФОРМЕ LMS MOODLE.....101

Маслиева Е.С.

ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ И ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ
ПОТРЕБНОСТЕЙ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА.....106

Михайлова А.Г.

СТРУКТУРА КОМПЕНСАТОРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В УСЛОВИЯХ ОБУЧЕНИЯ
ИНОЯЗЫЧНОМУ ОБЩЕНИЮ.....110

Огурцова Д.А., Кабанкова Е.Н.

РОЛЬ ФОЛЬКЛОРНОЙ СКАЗКИ В ОБУЧЕНИИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ НА
УРОКАХ ЛИТЕРАТУРНОГО ЧТЕНИЯ.....116

Осадчая И.Ю.

СПОСОБЫ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАММАТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА.....121

Павлова Т.А., Rogovenko H.C.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СРЕДСТВ ОНЛАЙН ОБУЧЕНИЯ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ.....125

Потовская К.С.

КОРРЕКТИРУЮЩАЯ ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ И СТРАТЕГИИ ЕЕ ВЫРАЖЕНИЯ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ.....130

Секрет К.А.

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДИСТАНЦИОННОЙ СРЕДЫ ПРИ ОБУЧЕНИИ ГРАММАТИКЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА.....135

Семёнкина И.А.

АНАЛИЗ ВОСПРИЯТИЯ СТУДЕНТАМИ НЕЯЗЫКОВЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ СМЕШАННОГО ОБУЧЕНИЯ В КУРСЕ «АНГЛИЙСКИЙ ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ».....140

Шеметев А.А.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МОДЕЛИ ФАМА-ФРЕНЧА ДЛЯ ФИНАНСОВЫХ РЫНКОВ В КРИЗИСНЫЕ ВРЕМЕНА.....146

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ.....150

CONTENTS

INTRODUCTION

ON THE EXPEDIENCY OF AN INTERDISCIPLINARY APPROACH IN ARTS AND HUMANITIES: “THE TEXT OF THE MEDITERRANEAN” AS A TEST CASE	12
---	----

ARTS AND HUMANITIES

Argounov V.V., Fedorova C.I.

THE PRAGMATIC ASPECT OF CONCEPTUAL METAPHORS IN THE ENGLISH-LANGUAGE AND RUSSIAN-LANGUAGE DISCOURSE OF SPORT.....	14
---	----

Baranova A.V.

RETRANSLATION RESEARCH: A CASE STUDY OF THE FIRST RUSSIAN TRANSLATIONS OF HARDY’S “TO PLEASE HIS WIFE”.....	20
---	----

García Landa J. A.

POLYBIUS ON THE PONTUS: A TALE OF GEOLOGICAL TIME.....	26
--	----

Ilyichov A.V., Khapaev V.V.

ON THE PURPOSE OF THE EARLY MEDIEVAL FORTIFICATIONS IN THE MAIN RIDGE OF THE CRIMEAN MOUNTAINS.....	35
---	----

Karpunina I.V., Komuttsi L.V.

MODALITY OF THE MEDIA TEXT IN TODAY’S GERMANY.....	41
--	----

Komuttsi L.V., Rudenko N.S.

THE TEXT OF SEVASTOPOL AS THE SUBJECT OF INTERDISCIPLINARY RESEARCH.....	46
--	----

Lobkov A.Je.

QUELLEN ZUR GESCHICHTE DER TEILNAHME VON DEUTSCHSPRACHIGEN ÄRZTEN AM KRIMKRIEG (1853–1856).....	54
---	----

Malygina K.A.

SOME THEORETICAL ASPECTS OF TRANSLATING METEOROLOGICAL SYMBOLS IN FICTION.....	61
--	----

Sessorova S.A.

INVERSION AND PARENTHESIS IN CHILDREN’S FICTION.....	67
--	----

SOCIAL SCIENCES

Glotova A.V., Zubkova M.A.

CROSS-CULTURAL LITERACY BUILDING AS PART OF FOREIGN LANGUAGE PROFESSIONAL TRAINING OF BACHELORS.....72

Zhiganov G.V., Boyko G.A.

ASSESSMENT OF THE REGION'S FOREIGN ECONOMIC ACTIVITY IN THE IMPLEMENTATION OF STRATEGIC PLANNING.....78

Ivanenko V.A.

RUSSIAN GOVERNMENT POLICY TOWARDS THE PROBLEM OF CLIMATE CHANGE...85

Kabankova E.N., Ivantsova Yu.A., Lysenko V.V.

AN INTERDISCIPLINARY APPROACH TO TEACHING ENGLISH FOR ENGINEERING STUDENTS.....89

Levtsova R.S.

THE ROLE OF TERRITORIAL PLANNING AND URBAN ZONING IN THE LEGAL REGULATION OF THE PROVISION OF LAND FOR CONSTRUCTION.....94

Lysenko V.V., Ivantsova Yu.A., Kabankova E.N.

STRUCTURAL FEATURES OF THE INTERACTIVE COURSE ON THE LMS MOODLE PLATFORM101

Maslieva Ye.S.

VALUE ORIENTATIONS AND COGNITIVE NEEDS FORMATION IN THE PROFESSIONAL TRAINING OF FOREIGN LANGUAGE TEACHERS.....106

Mikhaylova A.G.

THE STRUCTURE OF COMPENSATORY COMPETENCE IN THE CONTEXT OF FOREIGN LANGUAGE COMMUNICATION TRAINING.....110

Ogurtsova D.A., Kabankova E.N.

THE ROLE OF FOLKTALES IN TEACHING PRIMARY SCHOOL CHILDREN AT THE LITERARY READING LESSONS.....116

Osadchaya I.Yu.

THE WAYS OF CREATING GRAMMAR COMPETENCE OF THE PRE-SERVICE ENGLISH TEACHERS.....121

Pavlova T.P., Rogovenko N.S.

THE USE OF ONLINE LEARNING TOOLS IN A NON-LINGUISTIC UNIVERSITY.....125

Potovskaya K.S.

CORRECTIVE FEEDBACK AND ITS STRATEGIES IN SECOND LANGUAGE TEACHING.....130

Sekret K.A.

USING DISTANCE LEARNING ENVIRONMENT IN TEACHING ENGLISH GRAMMAR.....135

Semyonkina I.A.

STUDENTS' PERCEPTIONS OF BLENDED LEARNING: ANALYSIS IN THE CASE OF “ENGLISH FOR SPECIAL PURPOSES”.....140

Shemetev A.A.

USING THE FAMA-FRENCH MODEL FOR FINANCIAL MARKETS IN TIMES OF CRISIS.....146

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS.....155

ПРЕДИСЛОВИЕ

О НАУЧНОЙ ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ПОДХОДА К ПРОБЛЕМАМ ОБЩЕСТВЕННО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК: «СРЕДИЗЕМНОМОРСКИЙ ТЕКСТ» КАК СИТУАТИВНЫЙ ПРИМЕР

Перед читателями – второй выпуск сборника «Dictum – factum». Большинство статей написано авторами из Севастополя, которые представили свои доклады на конференции “LinguaNet”, проведенной 22 – 23 октября 2020 года, накануне выхода сборника, в Севастопольском государственном университете. Значительную часть статей подготовили молодые исследователи из Якутска, Ярославля, Саранска, Москвы, Санкт-Петербурга, тем самым существенно расширив географию нашего сборника. Редакторы, которые были и организаторами конференции, с радостью отмечают и участие в этом форуме двух авторов из университетов Канады и Испании.

Соответствуя междисциплинарному характеру конференции, сборник представляет результаты актуальных (признаем, в разной степени) исследований, выполненных в широком спектре гуманитарных и общественных наук. Тематически Первый раздел автору этого предисловия ближе. Лингвистическая часть его представлена весьма содержательными, интересными статьями по когнитивной лингвистике, художественному и специальному переводу, по модальности медиатекста. В этом же разделе образовалась группа из четырех текстов, написанных филологами и историками об одном большом объекте – о мире Средиземноморья. Тем читателям, которые живут не в Севастополе, надо сообщить, что этот мир, в разных его аспектах, не так давно стал общей темой коллективного исследования ученых и студентов Института общественных наук и международных отношений СевГУ. Пока они ведутся довольно разрозненно, и авторы статьи «Севастопольский текст как объект междисциплинарного исследования» (Л.В. Комуцци и Н.С. Руденко) предложили в ней теоретическую модель анализа этого локального текста как органической части Средиземноморского гипертекста для обсуждения, дополнения и уточнения как гуманитариями разных направлений, так и, надеемся, географами, климатологами, специалистами по компьютерной инженерии и т.д. Можно позиционировать данную статью как программную для севастопольских и не только исследователей этого «сверх-текста», поэтому разъясним кратко ее логику.

Мир или пространство городского или локального текста культуры, настаивал известный филолог, академик Топоров, складывается не только из литературных текстов, но и из других «субстратных элементов»: из элементов географии и климата, топографии, материальной и духовной культуры: «характера застройки, домов, улиц и т.п.», «мифов и преданий, дивинаций и пророчеств, литературных произведений и памятников искусств, философских, социальных и религиозных идей, фигур <...> русской истории и литературных персонажей, всех вариантов спиритуализации и очеловечивания города»¹. Всеохватность локального сверх-текста не означает, что филолог должен отказаться от своего метаязыка описания, от эстетизирующего подхода к нему. Неспроста философы, к примеру, склонны эстетизировать историографический дискурс: известны фразы Гегеля “ирония истории” и Маркса о том, что история свершается сначала в виде трагедии, а затем повторяется в виде фарса. Междисциплинарный подход, при котором один объект изучается специалистами двух или более разных дисциплин, соответствующими методами, может сделать этот объект «стереоскопическим», и методы филологического анализа при этом имеют все шансы вскрыть глубинные, когнитивные и эстетические аспекты не только литературных текстов.

¹Топоров В.Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» // Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Издательская группа «Прогресс» - «Культура», 1995. С. 259 - 367. URL: http://philologos.narod.ru/ling/topor_piter.htm (дата обращения: 18.01.21).

Понятия локального или городского текста и текста культуры были введены и концептуально обоснованы советскими филологами. Филология, точнее, теория литературы не в первый раз находит объект изучения и методологию, способные втягивать в свою орбиту другие дисциплины и определять развороты гуманитарного знания. В качестве примера приведем русский формализм, оказавший сильнейшее влияние на развитие западного структурализма в его семиологическом варианте. Именно в его рамках появилась теория нарратива, которая произвела «нарративный поворот» гуманитарных наук в 1980-х, превратив узко литературоведческое понятие нарратива в универсальный инструмент исследований, от лингвистики, теории гендера, социологии, истории и политологии до криминалистики, бизнес-технологий и др. Поэтому есть основания надеяться, что и *понятие локального (регионального, городского) текста* также перейдет свои литературные рамки и станет объектом междисциплинарных исследований, которые будут, с помощью своих методов анализа, заполнять многочисленные «слоты» этого гиперфрейма.

Иными словами, авторы статьи надеются, что их попытка синтезированного теоретического взгляда на Средиземноморье как текст и на Севастопольский текст как значимый локус геоисторического и лингвокультурного пространства России и Средиземноморья придаст новый стимул частным исследованиям.

Нельзя не отметить, что статьи историков В.В. Хапаева и А.В. Ильичева, филолога-германиста и лингвокультуролога А.Е. Лобкова и известного в Европе нарратолога, филолога-англиста из университета Сарагосы Хосе Анхела Гарсиа Ланды непроизвольно подтверждают возможность коллективного междисциплинарного изучения Средиземноморского текста в его локальном (Севастопольском, в частности), синхроническом и диахроническом измерениях. При этом статья испанского автора о геологической истории и «глубоком времени» Полибия напрямую перекликается с концепцией геоистории Фернана Броделя, которую интерпретируют, исходя из своих задач, авторы охарактеризованной выше статьи.

Тексты второй части сборника посвящены проблемам педагогики и методики, в частности, актуальной теме дистанционного образования. Выделим статью И.А. Семенкиной, представившей результаты исследования восприятия дистанционного обучения студентами СевГУ. Кстати, педагоги, экономисты, аналитики государственных политических тенденций, специалисты по градостроительству и урбанистике, группа которых представлена в сборнике, также невольно создают «кусочки мозаики» (по Броделю), которые, пусть фрагментарно, вносят свои информационные данные в общую научную картину динамики событий, протекающих на фоне хода большой истории.

Следующий выпуск сборника мы планируем сделать также междисциплинарным, но тематически единым, посвященным разным аспектам жизни Средиземноморского макрорегиона как модели культуры и как гиперфрейма.

Людмила Владимировна Комуци
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры «Теория и практика перевода»,
Института общественных наук и международных отношений,
Севастопольский государственный университет

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

УДК 81'37

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ МЕТАФОР В АНГЛОЯЗЫЧНОМ И РУССКОЯЗЫЧНОМ СПОРТИВНОМ ДИСКУРСЕ

Аргунов Василий Васильевич

аспирант

Федорова Клавдия Ивановна

научный руководитель

THE PRAGMATIC ASPECT OF CONCEPTUAL METAPHORS IN THE ENGLISH-LANGUAGE AND RUSSIAN-LANGUAGE DISCOURSE OF SPORT

Vasily V. Argounov

postgraduate student

Claudia I. Fedorova

scientific advisor

АННОТАЦИЯ. В настоящее время теория концептуальной метафоры направлена на изучение особенностей их формирования и употребления в различных дискурсах. Актуальным представляется исследование типов и систематических иерархических взаимоотношений между метафорами в англоязычном и русскоязычном спортивном дискурсе. Когнитивное моделирование и многоаспектный анализ концептуальных метафор выявляет их прагматический эффект, оказываемый на реципиентов дискурса. Концептуальные метафоры употребляются для достижения степени экспрессивности и образности текста, передачи новых смыслов в спортивных новостях.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, теория концептуальной метафоры, спортивный дискурс, конвенциональная метафора, креативная метафора, концептуальная метафора.

ABSTRACT. Currently, the theory of conceptual metaphor focuses on description of their specific characteristics, including their creation and use in various discourses. The study of the English-language and Russian-language sports discourses can demonstrate the types and systematic hierarchical relationships between metaphors. Cognitive modelling and comprehensive analysis of conceptual metaphors can reveal their pragmatic effect on the recipients of sports discourse. Conceptual metaphors are used to achieve the degree of expressiveness and imagery of the text, and to create and convey new meanings in sports news.

Keywords: cognitive linguistics, theory of conceptual metaphor, sports discourse, conventional metaphor, creative metaphor, conceptual metaphor.

Discussions regarding conceptual metaphors have dominated research in recent years. Prior works in cognitive linguistics generally confirm that conceptual metaphors are cognitive (not linguistic) phenomena. The academic community has extensively studied conventional metaphors (that is, lexicalized metaphors) in various discourses. However, little research has been conducted to analyze creative metaphors in value-laden domains. This paper reveals the types and pragmatic effects of creative metaphors used in the English-language and Russian-language sports discourses.

A linguistic metaphor is understood as an external manifestation of a conceptual metaphor in human mind [7, p. 34]. Conceptual metaphors are formed and fixed in the human conceptual system; they are verbalized at the surface level of the language and form an opposition that include creative (novel) and conventional (lexicalized) metaphors [5]. Widely accepted, conceptual metaphor is a (basic) mental operation, a way of knowing, categorizing, conceptualizing, evaluating, and explaining the world [8].

The basic and key metaphor of sports discourse is SPORT IS WAR, because wide audience determines the use of basic archetypes, which are presented in the text as conceptual metaphors. S.A. Koudrin outlines some of the basic metaphors of sports discourse, such as SPORT IS WAR, TEAM IS MECHANISM, FOOTBALL IS ADVENTURE, FOOTBALL IS BUILDING, TEAM IS BUILDING, TEAM IS SOCIETY, TEAM IS ORGANISM, SPORT IS ART [3].

In sports discourse, conceptual metaphors are often placed in strong positions of the text (title, subtitle, beginning and ending of the sports articles):

“Invoking Norse gods, Iceland celebrates Viking conquest of Portugal” [14].

In this context we see conceptual metaphors (*invoking Norse gods, Viking conquest*) (creative metaphor - PLAYERS ARE VIKINGS). These conceptual metaphors are based on the forms of commonplace knowledge and focus the readers' attention on the country of the national team, their historical past (Old Norse religion; the Viking age). The basic conceptual metaphor SPORT IS WAR determines the use of a creative metaphor (*Viking conquest*): “conquest” – “sth. conquered; esp.: territory appropriated in war” [10].

In the next context the author specifies this creative metaphor, thus, further developing it:

“With some invoking the Norse god Thor, Icelanders draped in blue and red celebrated a famous draw” [14].

In the text we see the development of the conceptual metaphor given in the title (*with some invoking the Norse god Thor*). This creative metaphor conceptualizes the Iceland's celebration of the draw against Portugal at EURO 2016. Thor is a deity common to all the early Germanic peoples, associated with lightning, strength and protection of humankind. Therefore, the results of the match are metaphorically understood as the sacred victory against the enemies (elaborations of the metaphor SPORT IS WAR).

“This is but the first chapter of #EuroSaga. Now, our players frolic in the French fields and regain their heavenly energy,” the Reykjavik Grapevine tweeted” [14].

However, in this context we find creative metaphors that develop the story metaphor (SPORT IS STORY). Participation of the national team is metaphorically presented as a “chapter” (the main division in books). The creative metaphor is verbalized by the use of a hashtag #EuroSaga (creative metaphor SPORT IS SAGA). Phrases preceded by a hash sign are used on social media to identify messages on a specific topic [12]. Since saga is mainly the medieval literature of the ancient inhabitants of Norway and Iceland, this determines the author's metaphorical lexical choice – “heavenly energy”. Old Norse literature indicates people's beliefs in supreme beings.

“We also have to thank Motherwell fans for bringing the “Icelandic thunder clap” to our shores after playing Stjarnan in the 2014 Europa League” [15].

In the next context we also see an elaboration of the war metaphor (SPORT IS WAR) (creative metaphor *bringing the “Icelandic thunder clap” to our shores*). “Icelandic thunder clap” is a famous football cry performed by Icelandic fans: a huge number of people clap and shout out “Huh!”. This conventional metaphor conceptualizes the cry as a “thunder clap” in a literal sense of the phrase (“a crash of thunder”). Moreover, this *thunder clap* was “brought to our shores”, i.e. this metaphor refers to the Viking expansion. Therefore, the football cry is metaphorically presented as a kind of culmination of the Viking raids on the British shores (creative metaphors PLAYERS ARE VIKINGS, SPORT IS CONQUEST).

“Iceland cast their Euro 2016 spell with grand deeds and small egos” [11].

Moreover, apart from the Viking age and sagas, Iceland is known for its fairytales. In this context we see the use of a creative metaphor (*cast their Euro 2016 spell*), which is a specific subcase of a story metaphor (conceptual metaphors: SPORT IS STORY, SPORT IS FAIRYTALE). The relationship between story and fairytale metaphors is a categorial relationship between more and less specific mappings (story is a general metaphor; fairytale is a more specific subcase). The conceptual metaphor allows the readers to conceptualize Iceland as a country, which can cast a spell. By creating a mental space where spells are real, the degree of expressiveness and imagery is achieved. The background knowledge of the national team's country is used as the basis for elaborating the creative metaphors in sports discourse.

*“...Iceland's chief football plotters Heimir Hallgrímsson and Lars Lagerback tried to explain **the spell that is being cast** by their football that summed up the fantastic collaboration of minds, ideals and experiences at the **heart** of it all” [11].*

In this context we see an elaboration of the conceptual metaphor analyzed above. The metaphor describes the actions of the main Icelandic coaches as an attempt to explain the spell, the magic, caused by Icelandic football at EURO 2016. This implies (metaphorically) that the national team is a “caster of spell”; “the spell” is team's participation in the tournament, which made the global audience fall in love with Icelanders (creative metaphor – SPORT IS FAIRYTALE).

*“Рассказать обычно о самой необычной команде в современном футболе невозможно - в любом случае будет **saga**” [4]. / It is usually impossible to tell about the most unusual team in modern football – every time, there's a **saga**.*

In this context we see a creative metaphor (*saga*), which is an elaboration and a specific subcase of the general metaphor SPORT IS STORY (creative metaphor - SPORT IS SAGA). The sport news about Iceland's national football team at EURO 2016 are conceptualized as a medieval prose narrative in Old Icelandic – “saga”. This implies that the news about Icelanders is interpreted as stories of heroic achievement.

*“Теперь же мы имеем дело с истинно **исландской одой**...” [4]. / Now we are dealing with a truly **Icelandic ode**...*

The creative metaphor (*исландской одой*) allows the readers to conceptualize the news about the national team as a classical poem meant to be sung – “ode” (creative metaphor SPORT IS ODE, which is a specific subcase of a general metaphor SPORT IS STORY).

*“...о команде, которая стала автором **главной сказки** на чемпионате Европы во Франции” [2]. / ... about the team that became the creator of **the main fairytale** at the European Championship in France.*

There we see the verbalization of a creative metaphor (*главной сказки*) (conceptual metaphors: SPORT IS FAIRYTALE, SPORT IS STORY). By using this creative metaphor, some of the relevant meanings of the source domain FAIRYTALE are mapped in target domain SPORT. Just as fairytales are poetic stories about fictional events involving magical and imaginary beings, the participation of Iceland's national team is metaphorically presented as something unreal, fascinating, and amazing.

*“В самом начале **крестового похода Исландии** никто еще не догадывался, где тот **финиш**, который подведет черту под **вдохновенной и наиболее самобытной сказкой** европейского форума во Франции [2]. / At the very beginning of the **Icelandic crusade**, no one had a clue where the **finish** line was that would draw the line under **the inspired and most distinctive fairytale** of the European forum in France.*

The conceptual metaphor *крестовый поход Исландии* should metaphorically convey the meaning of a conquest in the context of Iceland's participation in the tournament (creative metaphor SPORT IS CONQUEST). Metaphorically, Icelanders' faith in themselves and in their success encourages them to go on a “crusade”.

The creative metaphor SPORT IS FAIRYTALE is also verbalized (*вдохновенной и наиболее самобытной сказкой*). Moreover, we see a conventional metaphor of sports discourse (*финиш*) (conceptual metaphor SPORT IS JOURNEY).

“Сенсация чемпионата – **грозные викинги** - полюбились всем болельщикам” [1]. *The sensation of the championship – the **formidable Vikings** – have been loved by all fans.*

In this context we see the use of a creative metaphor (*грозные викинги*). The conceptual metaphor presents Icelandic players as formidable Vikings. The adjective *грозные* achieves the degree of imagery – Icelanders are understood as formidable in football (figuratively meaning “in battle”: conceptual metaphor SPORT IS WAR). This implies that the team is capable of making the opposite side fear (creative metaphor PLAYERS ARE VIKINGS).

“Вот вообще - с минуту казалось, что “**ледяная сказка**” от Исландии закончилась. Но ровно минуту – **викинги** скучать на этом чемпионате не дают” [1]. *It’s even – for a minute it seemed that Iceland’s “**ice-fairytale**” was over. But exactly a minute – and the **Vikings** don’t let you get bored in this championship.*

The creative metaphor (*ледяная сказка*) is inverted in commas in order to highlight the readers’ attention on this metaphorical use, thus, achieving more correct interpretation by recipients of sports discourse (conceptual metaphors SPORT IS ICE-FAIRYTALE, SPORT IS FAIRYTALE). This metaphor is a wordplay on the etymology of the word “Iceland” (Icelandic “Ísland” – lit. Eng. “ice country”). Moreover, Iceland is commonly known for its beautiful glaciers.

“Но **исландские викинги** не сдаются, и всю концовку сезона Сигурдссон вновь был в основе. А потом ... не только **заткнул пасть “Трем львам”**, но и взял приз лучшему игроку исторического матча [6]”. / *But the Icelandic Vikings do not give up and Sigurdsson was back in starters for the rest of the season. And then... he not only **shut the mouth of the “Three Lions”**, but also took the prize for the best player in the historic game.*

The creative metaphor (*исландские викинги*) is verbalized (PLAYERS ARE VIKINGS). Moreover, the conceptual metaphor (*заткнул пасть “Трем львам”*) is used as a synonym to “win”. This creative metaphor involves a metonymy (*Трем львам*). It is a respectful nickname for the England team, with its emblem depicting three lions. England is commonly thought as an inventor of football and it has one of the strongest national teams. In this context the Icelandic footballer metaphorically “shuts the mouth” of the aforementioned “three lions”. Thus, the degree of expressiveness and imagery is achieved.

“... **средние, простые, боевые, слишком много о себе не думающие парни ... способны обыграть набор знаменитых, но обособленных, извините, “понторезов”. Или, если хотите, сытых котов**” [6]. / ... average, simple, combative guys, who don’t put themselves on a pedestal ... are able to beat a set of famous, but divided “showoffs”. Or, if you like, “well-fed cats”.

The analyzed metonymy (*три льва*) is continued with a creative metaphor: lions metaphorically turn into “well-fed cats”. The lion is a predator and symbolizes power, courage. On the contrary, “well-fed cats” tend to be inactive. The author focuses the readers’ attention on the excessive glory of English footballers and their refusal to fight for new results.

“*Fresh from filming the second series of TV, ... actor Joi Johannsson ... heads to the French capital with his son hoping to find a couple of tickets for **another potential Icelandic blockbuster**” [13].*

In the next context we see the use of the creative metaphor SPORT IS BLOCKBUSTER (*another potential Icelandic blockbuster*), which is an elaboration of the broader metaphor SPORT IS TV SHOW. Latter metaphor shares similar frames with SPORT IS STORY metaphor and has certain pragmatic effect on the readers.

“*It’s a **fairytale** which has made the whole nation happy,” said Iceland international goalkeeper Gunnleifur Gunnleifsson...*” [13].

The creative metaphor *fairytale* is used by goalkeeper Gunnleifur Gunnleifsson in his comment. However, it doesn’t lose its pragmatic effect on the recipients. This metaphor presents the participation of Icelandic players as a fairytale that made Icelanders happy. As fairytales, this successful participation in the tourney is something that people from one nation share.

As we mentioned above, conceptual metaphors are often given in the title and at the beginning of the text:

“Euro 2016: **Viking Quest 2.0 - Iceland on the rise?**” [9].

“And while there is no actual silver screen production called **Viking Quest**, it can very well be the name given to a stunning and scarcely believable on-going real life **conquest** that has been unfolding dramatically over the last couple of weeks” [9].

Further in the text we see:

“And it was probably this very lack of trepidation that turned out to be Iceland’s biggest **weapon**... This **conquest** was alive and kicking!” [9].

In these contexts, we see the use of the creative metaphor SPORT IS CONQUEST (*Viking Quest 2.0, conquest, weapon*). The participation of the Icelandic players is metaphorically verbalized as a conquest of Europe by the Vikings. This creative metaphor is a blend, which can be presented as follows:

Table 1. Icelandic Vikings blend

Generic: journey to Europe	Source: Vikings	Target: Icelandic players	Blend: Icelandic players as Vikings
Icelanders	Vikings	Icelandic players	Icelandic players as Vikings
Participation	Participation in conquest	Participation in tourney	Participation in tourney as participation in conquest
Win	Gain territory	Gain title	Gaining title as gaining territory
Loss	Death	Elimination from tourney	Elimination from tourney as death
	Viking expansion	Participation in Euro-2016	Participation in Euro-2016 as Viking expansion of Europe

Conceptual metaphor *Viking Quest* refers to a fantasy television show (SPORT IS TV SHOW) about a Viking hero who travels by sea in the mid-10th century CE.

“...a **David and Goliath battle** set to take place in every sense of the word...” [9]

We see the biblical metaphor (*David and Goliath*), which is highly conventional and means an incredible victory.

The next conceptual metaphor is a development of the mentioned Icelandic Vikings blend:

“If after tonight, Iceland returns home, they do so, each player having achieved **Nordic God status**” [9].

This creative metaphor refers to Viking’s religion and beliefs, which encouraged such personal characteristics, as courage and fearlessness in battle. The analyzed metaphors in this article describe sport in terms of war (SPORT IS WAR metaphor).

Comparative study of conceptual metaphors in two languages reveals systematic relationships between different types of metaphors. Some of the creative metaphors are universal in nature, they are present both in English-language and in Russian-language sports discourses. As the analysis has shown, conceptual metaphors in sports discourse are used to achieve the degree of expressiveness and imagery of the text. In English-language and Russian-language sports discourses conventional metaphors SPORT IS JOURNEY, SPORT IS STORY, SPORT IS WAR are verbalized. Moreover, the specific subcases of the general metaphors are used to form creative metaphors SPORT IS CONQUEST, SPORT IS FAIRYTALE, PLAYERS ARE VIKINGS, SPORT IS TV SHOW. These creative metaphors achieve strong pragmatic effect and construct and convey new meanings. Football is an exceedingly dynamic sport, which produces numerous creative metaphors. Future research should concentrate on determining the correlations between conceptual metaphors’ cognitive significance and their relevance in sports discourse.

References:

1. Газубей А. Сенсация Евро-2016: Исландия выносит Англию! // КП в Украине. 28 июня 2016. URL: <https://kp.ua/sport/543531-sensatsyia-evro-2016-yslandyia-vynosyt-anhlyui> (дата обращения: 27.09.2020).
2. Куванжи С. Итоги Евро-2016. Исландия // Sport Arena. 5 июля 2016. URL: <https://sportarena.com/football/euro2016/itogi-evro-2016-islandiya/> (дата обращения: 27.09.2020).
3. Кудрин С.А. Базовые метафоры спортивного дискурса как лингвокультурный феномен // Вестник центра международного образования МГУ. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. М.: Центр международного образования МГУ им. М.В. Ломоносова. 2010. № 2. С. 77-82.
4. Михашенок А. Остров искренности. Сборная Исландии на чемпионате Европы-2016 // Чемпионат.com. 8 июня 2016. URL: <https://www.championat.com/football/article-3286259-sbornaja-islandii-na-evro-2016.html> (дата обращения: 27.09.2020).
5. Новицкая И.В. Теория концептуальной метафоры и развитие альтернативных концепций в рамках когнитивного направления метафорологии (по материалам современной англистики) // Язык и культура. 2019. №46. С. 76-101.
6. Рабинер И. Исландия доказала: футбол жив! // Спорт-Экспресс. 29 июня 2016. URL: <https://www.sport-express.ru/football/euro/2016/reviews/1016215/> (дата обращения: 27.09.2020).
7. Скребцова Т.Г. Когнитивная лингвистика: курс лекций // СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011. 256 с.
8. Чудинов А.П. Становление и эволюция когнитивного подхода к метафоре // Новый филологический вестник. 2007. №1. С. 8-27.
9. Bhattacharjee G. Euro 2016: Viking Quest 2.0 – Iceland on the rise // Sportskeeda. 4 Jul, 2016. URL: <https://www.sportskeeda.com/football/viking-quest-2-0> (date of access: 02.12.20).
10. Dictionary by Merriam-Webster / Merriam-Webster, 2020. URL: <https://www.merriam-webster.com> (date of access 27.09.2020).
11. Lawrence A. Iceland cast their Euro 2016 spell with grand deeds and small egos // The Guardian. June 28, 2016. URL: <https://www.theguardian.com/football/2016/jun/28/iceland-euro-2016-england-france> (date of access 27.09.20).
12. Lexico Dictionary / Oxford University Press, 2020. URL: <https://www.lexico.com> (date of access 27.09.2020).
13. Masters J. How Iceland's heroes inspired a nation ahead of France tie // CNN Sports. 30 June, 2016. URL: <https://edition.cnn.com/2016/06/30/football/iceland-euro-2016-france/index.html> (date of access: 02.12.20).
14. Robert Z. Invoking Norse gods, Iceland celebrates Viking conquest of Portugal // Reuters. June 15, 2016. URL: <https://www.reuters.com/article/us-soccer-euro-ice-reaction/invoking-norse-gods-iceland-celebrates-viking-conquest-of-portugal-idUSKCN0Z11H0> (date of access 27.09.20).
15. Stevens T. Iceland fans on Euro 2016: 'It's turning into a nationwide romance – we're in love' // The Guardian. 2 Jul, 2016. URL: <https://www.theguardian.com/football/2016/jul/02/iceland-fans-euro-2016-romance-france-england> (date of access 27.09.20).

УДК 821.161.1

**РАННИЕ ПЕРЕВОДЫ РАССКАЗА ТОМАСА ГАРДИ «В УГОДУ ЖЕНЕ» В
РОССИИ: К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДНОЙ МНОЖЕСТВЕННОСТИ**

Баранова Анастасия Викторовна
кандидат филологических наук, доцент

**RETRANSLATION RESEARCH: A CASE STUDY OF THE FIRST RUSSIAN
TRANSLATIONS OF HARDY'S "TO PLEASE HIS WIFE"**

Anastasiia V. Baranova
PhD in Philology, associate professor

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена сравнительному литературному анализу первых русских переводов рассказа английского писателя Томаса Гарди, выполненных в начале XX века. Целью исследования является выявление специфики передачи образов главных героев произведения в переводах Н.И. Суворовой (1902) и М.Д. Полторацкой (1912). Автор исследования приходит к выводу, что несмотря на то, что оба перевода содержат сокращения и не передают авторский стиль повествования, образы главных героев в переводе Н.И. Суворовой в большей степени соответствуют образам оригинального текста.

Ключевые слова: переводная множественность, малая проза, Томас Гарди, русская переводная литература.

ABSTRACT. The paper deals with comparative literary analysis of the first Russian translations of Hardy's short story "To please his wife". The aim of the research is to identify specific features of both translations in terms of rendering the images of the main characters and the plot. The translated texts under consideration are the first translation made by Suvorova N.I. (1902), which was followed by the version of Poltorazkaya M.D. (1912). It is concluded that both translation works are shorter than the source text and do not render the author's style. However, Suvorova N.I. succeeded more in conveying the images of the main characters.

Keywords: retranslation, short story, Thomas Hardy, literature translated into Russian.

Вопрос появления, взаимодействия и бытования в литературном пространстве нескольких переводов одного художественного произведения, так или иначе, затрагивается во многих фундаментальных научных работах, посвященных искусству перевода, диалогу культур и рецептивной эстетике [1; 2]. В настоящее время в России разработаны теоретические основы этого явления в трудах таких ученых как Чайковский Р.Р., Лысенкова Е.Л., Шерстнева Е.С. В их исследованиях определены основные «постулаты» переводной множественности, выявлены причины и условия появления новых переводов и выдвижения канонического перевода [6; 7]. Такая теоретическая база способствовала дальнейшему развитию этого направления сравнительного литературоведения. В диахроническом аспекте переводная множественность позволяет раскрыть новые грани оригинального текста, новые смыслы и уровни произведения, не проявленные в предыдущих переводах. Причины такого постепенного «раскрытия» текста могут быть, как субъективного (личность, талант переводчика), так и объективного (исторический, литературный, социальный контексты) характера. В таких случаях сравнительный анализ переводов различных периодов очевидным образом подтверждает эволюцию переводческой и, как следствие, читательской рецепции иностранного текста [3; 8].

При сравнении переводных текстов, созданных в один исторический период, влияние внешних, контекстных факторов равнозначное, а, следовательно, может в меньшей степени учитываться в процессе анализа переводов. Исследования переводной множественности в синхроническом аспекте в большей мере сфокусированы на критериях качества работы

переводчиков, что имеет практическую значимость для совершенствования навыков литературного перевода.

Исследование, результаты которого приводятся в этой статье, обращено к двум русским переводам рассказа Томаса Гарди «В угоду жене». Использование библиографического метода и метода литературного сравнительного анализа обусловлено целью работы: выявить степень точности и полноты передачи образов героев рассказа английского прозаика в текстах двух русских переводчиц.

Рассказ Т. Гарди «To please his wife» появился в 1891 г. в журнале «Black and White», позже автор включил его в цикл новелл «*Life's Little Ironies*» [11]. Первый перевод этого рассказа, выполненный Н.И. Суворовой, был опубликован в 1902 году в журнале «Живописное обозрение», в год возобновления издания под редакцией Петра Васильевича Быкова. Журнал публиковал беллетристику и поэзию, в нем печатались произведения Н.С. Лескова, К.Д. Бальмонта, Ф.К. Сологуба, З.Н. Гиппиус, а также переводы иностранных писателей. Таким образом, редакторский выбор для перевода малой прозы Гарди в год восстановления издания журнала косвенно свидетельствует о популярности творчества Гарди в среде русских читателей начала XX века.

Десять лет спустя, в 1912 г., Мария Дмитриевна Полторацкая перевела новеллу во второй раз. Новый перевод увидел свет в литературно-художественном еженедельнике «Север» в 1912 г. Так появляется первый повторный перевод в истории русской переводческой рецепции прозы Гарди. Хотя, как отмечают западные литературоведы, этот рассказ «редко читают и еще реже упоминают» [10], в России именно он оказался одним из часто переводимых, и был переведен в третий раз уже в советский период [4].

Напряженность событий в рассказе, незаконченность трагичного финала, скорее всего, стали причиной выбора этой новеллы «To Please His Wife» для перевода и публикации в русских массовых периодических изданиях. Тема женской зависти, жадности, одна из универсальных в литературе, сочетается в ней с не менее универсальной темой материнства и женского одиночества. Притчевый характер сюжетной линии рассказа отмечает в своем исследовании А. Кассис [10]. Однако общий тон повествования не назидательный, а скорее сострадательный, в нем чувствуется характерная для Гарди печаль о предопределенности трагедии в жизни человека. Неординарность темы и напряженность повествования стала не только причиной выбора рассказа для перевода, но и причиной появления повторных переводов.

Второй причиной переводной множественности мог стать внешний фактор, связанный с «короткой жизнью» журнальных изданий в начале XX века. По-видимому, появление перевода Полторацкой обусловлено не желанием улучшить перевод Суворовой, а незнанием о его существовании.

Сравнение двух переводов и оригинального текста Гарди приводит к выводу, что текст Суворовой содержит меньше сокращений, чем текст Полторацкой. В обоих переводах сокращены отступления рассказчика, которые не относятся непосредственно к сюжету, но создают образ рассказчика, еще заставшего «старую добрую Англию», напр., такие: *-if anything near this ancient port could be called fashionable; (there were guineas on the earth in those days)*. Образ рассказчика (хотя и не так явно выраженный, как в других рассказах Гарди) в русском тексте исчезает, также как и нивелируется атмосфера давности событий, которую автор последовательно создает в своих рассказах.

Следует отметить, что в отношении фрагментов для сокращения, русские переводчицы принимали неодинаковые решения. Так в переводе Суворовой сокращена сцена в церкви, тогда как в переводе Полторацкой она передана дословно:

Оригинал	Перевод Суворовой	Перевод Полторацкой
Her eyes were mostly fixed on that step, where Shadrach had knelt in the	Ее глаза были устремлены на то место, где Шадрач	Ее глаза постоянно были прикованы к той ступени, где Томас стоял тогда, в полном

bloom of his young manhood: she knew to an inch the spot which his knees had pressed twenty winters before; his outline as he had knelt, his hat on the step beside him [14]. стоял молодым, она расцвете своей молодой силы и энергии; она знала в точности где он становился на то самое место, куда опустились его колена двадцать лет перед тем, видела очертания его склонившейся фигуры, помнила даже его шляпу, лежащую на полу подле него [13].

В то же время, Полторацкая в другом случае не просто сократила, а пропустила важный, с точки зрения раскрытия образа Джолифа, фрагмент:

Shadrach was not endowed with the narrow shrewdness necessary for developing a retail business in the face of many competitors. Did a customer inquire if the grocer could really recommend the wondrous substitute for eggs which a persevering bagman had forced into his stock, he would answer that 'when you did not put eggs into a pudding it was difficult to taste them there'; and when he was asked if his 'real Mocha coffee' was real Mocha, he would say grimly, "as understood in small shops" [14]. – **Пер. Суворовой:** Шадрач не обладал ловкостью, необходимой для развития мелочной торговли в виду многих конкурентов. Когда покупатель спрашивал его, может ли он ручаться за средство, заменяющее яйца, которое ему навязал странствующий торговец, то тот отвечал: «не положив яиц в пудинг, трудно чувствовать их вкус там», - и на вопрос, что настоящее ли это кофе из Мокка, он отвечал сурово: «как обыкновенно в маленьких лавках» [12, с. 71].

Этот отрывок характеризует героя, как честного открытого человека, неспособного на мелкий обман, важного качества, для удачной торговли некачественным товаром в провинциальном городе.

Сравнивая оригинальный текст с его переводами, нельзя не отметить и явные грамматические ошибки в переводе Суворовой, и лексические неточности («вольности») в переводе Полторацкой. Так в переводе Суворовой пассивный залог в оригинальном тексте превращается в определение, несущее активное значение, что полностью нарушает логику высказывания.

Оригинал	Перевод Суворовой	Перевод Полторацкой
<i>She was assured that all hopes of the return of Shadrach and his sons was vain, and she reluctantly consented to accept the asylum of the Lester's house [14].</i>	<i>Она была уверена, что надежда на возвращение Шадрача с сыновьями была напрасна, но согласилась неохотно воспользоваться приютом Лестер [12, с. 87].</i>	<i>Ее убедили, что всякая надежда на возвращение Томаса и ее сыновей потеряна, и наконец, она с отвращением согласилась принять предложенное ей убежище в доме Лестеров [13].</i>

Этот же пример наглядно показывает, как подмена наречия «неохотно» на выражение «с отвращением» в переводе Полторацкой добавляет главной героине чувство непримиримой ненависти и неприятия своей бывшей подруги, тогда как в оригинальном тексте, скорее, видится ее отчаяние.

С точки зрения выбора переводческих стратегий, обе переводчицы не придерживались ни одной, раз и навсегда выбранной стратегии. Дословный, а иногда и буквальный перевод, нарушающий нормы русского языка и осложняющий читательское восприятие, сочетается с «вольными» фрагментами перевода. Иногда подобный вольный выбор эквивалента искажал образы персонажей в русском переводе, изменяя общую тональность повествования. Примеры буквального перевода встречаются и в тексте Суворовой:

Why, dear Joanna, do you know you can count to three hundred in that heap? It is a fortune [14]. – **Пер. Суворовой:** Да, знаешь ли, Жанна, ты можешь сосчитать до 300 в этой массе. Ведь это состояние! [12, с. 74]; *However, we'll do the best we can with it.* – **Пер. Суворовой:** Мы постараемся на эти деньги сделать все хорошее, что можем [12, с. 74]; *Never mind, let them work a little,' their fond mother said to herself* [14]. – **Пер. Суворовой:** Пусть их работают, - рассуждала про себя их любящая мать [12, с. 74].

И в тексте Полторацкой:

A son of the town, his parents had died when he was quite young, on which account he had early gone to sea, in the Newfoundland trade [14]. – **Пер. Полторацкой:** Уроженец города, он совсем еще юношей лишился своих родителей, вследствие чего рано отправился в море на ньюфаундленский промысел [13]; *...the sailor ..., and, having no especial errand or appointment, turned back towards Emily's house.* – **Пер. Полторацкой:** Моряк..., не имея в данную минуту никакого дела или назначения, вернулся к дому Эмили [13].

Сравнительный анализ показывает, что в переводе Суворовой буквализмов встречается больше, чем в переводе Полторацкой. Безусловно, подобные английские кальки осложняют восприятие русского текста и не позволяют назвать текст перевода высокохудожественным. Однако несмотря на то, что перевод 1912 г. почти лишен подобных «изъянов», в художественном отношении стиль переводчика еще более слаб:

Оригинал

Перевод Полторацкой

<i>'There's a dear,' he said</i>	Ну вот и милочка, что послушались
<i>He talked with this and that townsman as he walked</i>	По дороге из церкви он разговаривал то с тем, то с другим из своих сограждан...[13]
<i>Emily declared that she had never supposed that she could live to be so happy</i> [14].	Эмили принуждена была сознаться, что никогда не думала, чтобы настало время, когда она почувствует себя такой счастливой [13].

Известно, что многие литературные критики и теоретики художественного перевода XIX в., пытаясь дать определение «хорошему» переводу, говорили о необходимости «прозрачности» или «невидимости личности переводчика» в переводимых текстах. Так, В. Г. Белинский писал об искусстве перевода как о передаче произведения по принципу «как бы написал его по-русски сам автор», правда, позже он уточняет, что в этом случае самому переводчику необходимо обладать писательским талантом, равным переводимому им автору. По-видимому, именно писательского таланта не хватило обеим переводчицам для передачи слога Гарди, духа произведения, всего того, что составляет писательскую индивидуальность. При этом, перевод Суворовой оказался более близок к тексту, не смотря на некоторые сокращения и лингвистические ошибки. Перевод Полторацкой при сохранении основных сюжетных линий и образов героев является более «вольным».

«Субъективный фильтр» Полторацкой, помимо явно несовершенного художественного стиля, несколько по-другому расставил акценты в образах главных героев. Прежде всего, Полторацкая изменяет имя главного героя, моряка, впоследствии мужа главной героини. В тексте Гарди его зовут Шэдрач Джолиф (Shadrach Joliff). Это довольно редкое имя Гарди выбрал неслучайно, оно означает «под командованием полосатого тунца» (Commanded by Aku) и, с одной стороны, подчеркивает подчиненное положение героя в семье, а с другой, «предвещает» его трагическую гибель в море. Очевидно, что такое имя ничего не значит для русского читателя, тем не менее, Суворова переносит имена всех персонажей без изменений путем транслитерации, тогда как Полторацкая нарекает главного героя типичным английским именем Томас.

В передаче имен собственных в целом в переводе Полторацкой наблюдается некоторая непоследовательность. Так, она переводит типичное английское название улицы High street как «Высокая улица», тогда как традиционно названия улиц (в случае, если они не «говорящие») просто транслитерируют. Однако такая «тщательность» при переводе вдруг исчезает, и церковь св. Джэймса (St. James's Church) становится просто церковью, хотя в

произведениях Гарди, имена библейских персонажей часто несут скрытый смысл, который может считываться читателями [9].

Продолжая расставлять свои акценты в образах главных героев, Полторацкая опускает фрагмент общения Шэдрача с покупателями в его лавке, который ярче любых авторских слов представляет тип прямодушного, честного человека, привыкшего к физическому труду и не созданного для торговли. Переживание Эмили по поводу «потери Шэдрача» (her loss of Shadrach) в переводе Полторацкой становятся переживаниями по поводу «*неверности Томаса*» и его «*измены*». Так мужскому образу добавляются качества прямо противоположные тем, которыми наделил его автор. В оригинальном тексте автор описывает развитие непростых отношений между тремя героями, которые стали результатом роковых случайностей и недомолвок, что привело к свадьбе нелюбящих друг друга Жанны и Шэдрача. «Несчастливые совпадения и случайности» являются важным элементом авторского нарратива и отражают характерное гардиевское восприятие жизни как предопределенного и неизбежного несчастья. В версии Полторацкой отношения между героями напоминают тривиальный любовный треугольник, в котором Жанна «*отбила*» (слово из перевода) жениха у своей подруги. Таким образом, авторский тон напряженного трагизма снижается до стиля деревенской байки.

В передаче образа главной героини также чувствуется переводческая субъективность. Полторацкая подчеркивает завистливый характер Жанны, используя синонимичный ряд там, где у автора его нет:

Оригинал	Перевод Суворовой	Перевод Полторацкой
This was her purgation for the sin of making them the slaves of her ambition [14].	Это было ей очищением за грех, что она сделала их рабами своего честолюбия. [12, с. 87].	Может быть, горе это послано было ей в искупление за грех тщеславия и зависти, за то, что она принесла их в жертву своему корыстолюбию [13].

При формальной близости к тексту оригинала, перевод Полторацкой отражает негативное отношение переводчицы к главной героине через некоторые немногочисленные «отступления» от текста оригинала. Так, во фрагментах, относящихся к взаимоотношениям между бывшими подругами, переводчица добавляет в характер Жанны больше ненависти и нетерпимости, чем есть в оригинале:

Оригинал	Перевод Суворовой	Перевод Полторацкой
But she met constant repulses [14].	но ее услуги были постоянно отвергаемы [12, с. 87].	но постоянно встречала с ее стороны грубые отказы [13].

В тексте Гарди Жанна после долгих уговоров Эмили «*неохотно*» (reluctantly) принимает ее предложение переселиться в ее дом. В переводе Полторацкой она это делает «с *отвращением*». Столь небрежный выбор эквивалента свидетельствует о нежелании переводчицы проникнуть в психологическое состояние героини. Сложившееся отношение к персонажу подсознательно выражается в этих несоответствиях тексту оригинала. Оно также проявляется в использовании одного и того же эпитета в трех разных ситуациях: так «*модные дома*», «*богатые экипажи*» и даже «*высокомерное шуриание юбки Эмили*» (fashionable houses; wealthy carriages; arrogant rustling of Emily's skirts) превратились в «*щеголеватые*», что совсем не соответствует оригиналу. Для Жанны даже шуриание юбки ее бывшей подруги кажется «высокомерным», тем самым автор передает субъективное восприятие главной героини, отражающее ее завистливую натуру. Но этот тонкий психологический подтекст не прочитывается в переводе Полторацкой.

Выполненный сравнительный анализ двух переводов рассказа Гарди «В угоду жене», выполненных почти в одно время в начале XX века в России, приводит нас следующим выводам. Во-первых, появление последующих переводов не всегда обусловлено

потребностью принимающей культуры в раскрытии новых смыслов и граней оригинала. Незнание о существовании предыдущего перевода может быть единственной причиной, побудившей М.Д. Полторацкую или ее редактора представить русскому читателю рассказ знаменитого английского прозаика. Во-вторых, сравнительный анализ текстов Полторацкой и Суворовой в сопоставлении с особенностью их бытования в русской переводной литературе позволяет предположить, что полнота раскрытия и точность передачи образов и отношений между ними, при прочих почти равных факторах, во многом влияют на «живучесть» перевода. Ни тот, ни другой перевод нельзя назвать адекватным с точки зрения передачи авторского стиля повествования. Художественный уровень обоих переводов достаточно низкий, что ставит их в разряд «массовой продукции», которая составляла большую часть переводной литературы того времени [5]. Тем не менее, перевод Суворовой точнее и полнее транслирует образы и настроение, созданные автором. Возможно, поэтому перевод Суворовой пережил уже в наше время второе рождение, появившись в интернете в современной, а также в оригинальной орфографии, и представляет альтернативу советскому, еще более позднему переводу.

Список литературы:

1. Алексеев М.П. Сравнительное литературоведение: учебное пособие. Л.: Наука, 1983. 443 с.
2. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. М.: Худож. лит., 1975. 502 с.
3. Баранова А.В. Переводная множественность и эволюция переводческой интерпретации образа главной героини в русскоязычных переводах романа Томаса Гарди «Тэсс из рода д'Эрбервиллей» // Вестник Томского государственного университета. 2018. №432. С. 5-13.
4. Парчевская Б.М. Томас Харди: Библиографический указатель / сост. Б.М. Парчевская. М.: Книга, 1982. 120 с.
5. Топер П.М. Перевод в системе сравнительного литературоведения. М.: «Наследие», 2000. С.107.
6. Чайковский Р.Р., Лысенкова Е.Л. Неисчерпаемость оригинала. Сто переводов «Пантеры» Р.М. Рильке на 15 языков/ Р.Р. Чайковский, Е.Л. Лысенкова. Магадан: Кордис, 2001. 186 с.
7. Шерстнева Е.С. Переводная множественность как категория переводоведения: история, статус, тенденции // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 73-1. С. 526–532.
8. Шерстнева Е.С. Переводная множественность в контексте эволюции переводческой рецепции оригинала: культурологический и этический аспекты // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т.42. №3. С. 96-102.
9. Шими́на Е. В. Библейская символика в романе Томаса Харди «Джуд незаметный» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2009. №1. С. 217.
10. Cassis A.F. A Note on the Structure of Hardy's Short Stories//Colby Library Quarterly. 1974. Series10. No.5. March. P.287-296.
11. Purdy, R.L. Thomas Hardy: a Bibliographical Study/Richard Little Purdy. London, NY: Oxford UP, 1954. 388 p.

Список фактических источников:

12. Гарди Т. В угоду жене. пер. Н.И. Суворовой [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/g/gardi_t/text_1902_v_ugodu_zhene-oldorfo.shtml (дата обращения 28. 08 2016).
13. Гарди Т. В угоду жене: рассказ. Пер. М. Полторацкой //Север. 1912. №19/22. С.12-16. №23/26. С.6-12.

14. Hardy T. To please his wife [Электронный ресурс]. Сайт общества Томаса Гарди (Thomas Hardy Society). URL: <http://www.hardysociety.org/resources/short-stories> (date of access 27.06.2016).

УДК 930.2:003.072(38)

ПОЛИБИЙ О ПОНТЕ ЭВКСИНСКОМ: ИСТОРИЯ ГЕОЛОГИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ

Хосе Анхел Гарсиа Ланда

доктор философии по английской филологии

POLYBIUS ON THE PONTUS: A TALE OF GEOLOGICAL TIME

José Angel García Landa

PhD in English Philology

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются авторские отступления на тему гидрографии Черного моря (Понт Эвксинский) в четвертой книге Всеобщей истории Полибия. Наблюдения греческого историка за влиянием длительного воздействия рек и морских течений на геологические трансформации рельефа сделали его предвестником геологической теории униформизма. Размышления Полибия о гносеологических требованиях к надежности знаний в сфере естествознания представляют ранний подход к научному методу в геологии и к системному изучению глубокого времени и длительных геологических процессов в естественной истории.

Ключевые слова: Полибий, гидрография, геологическое время, Черное море, научный метод, естественная история, глобализация, греческая историография.

ABSTRACT. This paper examines Polybius' digression on the hydrography of the Black Sea (Pontus Euxinus) in Book IV of the *Histories*. The Greek historian's observations on the long-term action of rivers and sea currents in the transformation of large-scale geographical features make him a noteworthy precursor of geological uniformitarianism. His insightful reflections on the epistemological requirements of reliable knowledge on natural phenomena provide an early approach to the scientific method in geology, and to the systematic study of deep time and long-term geological processes in natural history.

Keywords: Polybius, Hydrography, Geological time, Black Sea, Uniformitarianism, Scientific method, Natural history, Globalization, Greek historiography.

The Greek historian Polybius (202c. – 118c. BC) first entered public life in a rather unpromising way, as an official Greek hostage in Rome, but he achieved an illustrious career as a Roman ambassador and diplomat, and an apologist of the Roman empire as well as a major historiographer. The extant books of his *Histories* or *Universal History* cover approximately the period of formation of the Roman empire (under the Republic) between the years 220-145 BC. This is a fascinating work, relevant in many respects to our understanding of the events he describes, of Polybius' own time, and of historical and political processes generally, even to the present day [6]. In the *Universal History*, Polybius is not just a historian: he has been read as a political theorist attentive to social, historical, cultural and political processes. He develops an elaborate theory of the processes of formation and decadence of states and societies, half-way between anthropology and political theory, so insightful as to make him a proto-evolutionist, at least in the sense of cultural evolution.² As a political thinker, he is a precursor of Machiavelli, a disillusioned skeptic and a

² [8]. The reference list includes other notes and articles of mine on various aspects of Polybius' historical and evolutionist perspective, among them an earlier paper in Spanish on his geological observations.

possibilistic pragmatist [9]. He has been seen as a forerunner of Locke's and Montesquieu's constitutionalist theories in his analysis of the ideal balance of powers in the state (with the Roman republic praised as an ideal pattern). As a historiographer, his narration of specific events and observations on historical processes are complemented by an acute methodological awareness as to the nature of his discourse—that is, by insightful reflections not just on history, but on historiography as well. Oscar Wilde [28] saw in Polybius the culmination of the development of a critical perspective on history among Greek historians [10].

Polybius considers peace as one of the highest goods of mankind, but not the highest: sometimes wars have to be fought in order to avoid servitude. War is often waged in Polybius' *Histories*, rather more than would seem to be strictly necessary, and the book is an eye-opener on the real nature of classical Greece—rife with the most appalling brutality and barbarity, and very far from the philosophical paradise of artists and thinkers idealized by a whole tradition of Western classicism. Polybius considered that the Roman dominion around the Mediterranean (the First Globalization, as one might put it) was the crucial event in recent history, and a major step in the progress of humankind.

There is this analogy between the plan of my History and the marvellous spirit of the age with which I have to deal. Just as Fortune made almost all the affairs of the world incline in one direction, and forced them to converge upon one and the same point; so it is my task as an historian to put before my readers a compendious view of the part played by Fortune in bringing about the general catastrophe. It was this peculiarity which originally challenged my attention, and determined me on undertaking this work. (*Histories* [21] 1.4)

Polybius devoted his work to the analysis of this major development, emphasizing that the very existence of a universal history (and the possibility of its telling) rests on the historical fact of a world-encompassing political order.

The severity of the Roman rule and its obvious exploitative dimension might lead us to question the virtues Polybius sees in it (quite apart from the obvious reason that he became one of its beneficiaries). But one must keep in mind the long nightmare of the age of wars preceding it, the permanent conflicts, lootings and massacres described by Polybius as the ordinary state of affairs among the hundreds of peoples, tribes, races, city-states, fortified towns and micro-kingdoms in the period immediately preceding the Roman expansion. The quasi-Hobbesian state of permanent war pictured in the *Histories* brings home a vivid sense of the meaning of progress. Polybius shows how the *pax romana* was a beneficial factor of social integration and a positive development for the Mediterranean region, in spite of its being achieved *manu militari*.³

Polybius writes of course as a man of his times, the spokesman for a culture based on slavery. As he notes in Book IV,

The Pontus therefore being rich in what the rest of the world requires for the support of life, the Byzantines are absolute masters of all such things. For those commodities which are the first necessities of existence, cattle and slaves, are confessedly supplied by the districts round the Pontus in greater profusion, and of better quality, than by any others: and for luxuries, they supply us with honey, wax, and salt-fish in great abundance; while they take our superfluous stock of olive oil and every kind of wine. (Ch. 38, "Byzantium")

Slaves, like cattle, are necessities, not luxuries [27, p. 487]. Without slaves, there is no Rome, without Rome there is no *pax romana* or Polybius, and no History to tell. So, it goes, and universal history is not universally pleasant.

³ In his materialist theory of imperialism, Gustavo Bueno [3] usefully distinguishes between *generative empires* and *predatory empires*. One might argue that these are ideal poles, but Bueno emphasizes the generative nature of the Roman (or the Spanish) empire, mixing races, promoting commerce and spreading the language, the laws and the civilising institutions of the metropolis.

A man of his times indeed; but Polybius was a man with an understanding of events far superior to his contemporaries. Here we must leave aside his insightful examinations of military campaigns, and his influential views on the reasons of the Roman dominion (Book VI), which according to him was based the strength of the Roman constitution and its balance of powers—an account which is one of the milestones of Western political theory. We will not go into his wide-ranging reflections on anacyclosis, according to which all cultures go through formative phases, followed by growth and development, splendor and power, decadence and a return to either chaos or subordination to another dominion.⁴ We will focus now on another of his great intuitions (in the sense of penetrating and *reasoned* insights).

One might say that these intuitions are far in advance of his times, were it not the case that Polybius moves his times forward with them. I will refer now to his notion of geological time, and his suggestions on how one might attempt its measurement. If it makes sense to say that Polybius, a man of his times, is ahead of his times, it is because his understanding of phenomena, the interpretive analyses he offers, and the explanations and corollaries he suggests, are valuable in themselves, but are usually left isolated and undeveloped by a consistent intellectual tradition, and are ignored even by those who (in a certain sense) retake a similar line of reasoning.

Polybius writes in the wake of the explorations in natural philosophy of the Peripatetic school — notably Aristotle's *Meteorology* (I.i) and the oceanographic writings of Strato of Lampsacus (see [27, p. 486], [25, p. 51-52, 130-1], as well as seafarers' narratives and other geographical accounts (some of them known to us through Strabo's *Geography*). Polybius takes Aristotle's and Strato's reasoning one step further, to emphasize the importance of collecting data in a more scientific way, something which is possible *now*, he says, with what we might call the "information highway" provided by universal history and by the universal empire. This shows a high awareness of the political and institutional foundations of knowledge. And, interestingly, Polybius suggests a mathematical method of calculation, once these data are available, which may be used to predict future developments within a uniformitarian evolutionary paradigm.⁵ This insight has no parallel or progeny, to my knowledge, for many centuries. Actually, it is only with the scientific revolution in the 17th century, with Edmund Halley's reflections on deep time and the saltiness of the oceans, that we find once again an advanced scientific reasoning on this matter that can be matched with the scientific proposals of Polybius, and take them one step further.⁶ Between Polybius and Halley there are many intervening centuries of Biblical narrative which, providing as it did an authoritative and "satisfactory" explanation of the history of the world and its dynamics, did not incite much further reflection on the subject. Religious authorities did not encourage scientific inquiry or speculation; they often discouraged such research, and sometimes suppressed discordant doctrines violently — witness Giordano Bruno or Miguel Servet.

Nevertheless, there is no sharp dichotomy between prescientific and scientific conceptions, as every age has its own science—and indeed most science is scientific in its own time and obsolete science in subsequent periods. In the Bible we find an influential philosophy of time, or at least a map of time or a template of temporal thinking which can be summarized in the image of an *arrow of time*. Human (and natural) history is conceived as a sequential process of unique events between

⁴ In [8] I comment further on Polybius as an early theorist of cultural and political evolutionism, a classical precursor of Vico.

⁵ Geological uniformitarian theories such as Lyell's [17] provide a reasonable analogue to the Aristotelian paradigm of endless time and continual change assumed by Polybius. There are of course inconsistencies in which Aristotle and Polybius incur, as the evolutionary insights in their theories are ultimately inconsistent with the assumed eternity of the world (stated for instance in Aristotle's *Met.* II.iii, rejecting universal evolution). But such inconsistencies are present also in modern science; only think, at a different scale, of Newton's or Einstein's static universes lacking a historical development.

⁶ [16]. Stephen Jay Gould [15] sees in Halley the first scientific approach to the problem of deep time and its measurement through an experimental study of the salinity of the seas. Halley's theory, however, ignores certain cyclical aspects relative to the deposition of salts (as noted by Gould), and his contribution is not therefore much more exact or elaborate than that of Polybius. See also [18].

the Creation and the Apocalypse. This conception is potentially in contrast not so much with Greek cosmogonies, which are also mythical and therefore basically narrative and sequential, but rather with the teachings of the philosophical schools of Greece, which were more attentive to the observation of cycles and regularities—for instance in the influential Aristotelian formulation, which emphasized the eternity of the cosmos and of the Earth.

Stephen Jay Gould wrote a magnificent book, *Time's Arrow, Time's Cycle: Myth and Metaphor in the Discovery of Geological Time* [14], on the complex dialectics between *the arrow of time* and *the cycle of time*, and he emphasizes the complex dynamics of both of these principles in any approach to natural history. Thus, for instance, we can find in Ecclesiastes, in the Bible itself, a cyclical hydrographical observation: "All the rivers run into the sea; yet the sea is not full; unto the place from whence the rivers come, thither they return again" (1.7; King James Bible)—clearly related to the book's dominant emphasis according to which all phenomena follow a recurring cycle and there is nothing new under the sun.

Polybius himself proposed, on the one hand, an *anacyclosis* of political societies, involving a recurring pattern of civilizations being slowly built up from the catastrophic ruins of previous civilizations. But, on the other hand, his vision of nature gives a prominent role to the change, slow but constant, of landscapes and geographical features. It is this notion that brings him close to the theories of deep time—geological time—and evolutionary gradualism, at least in matters of geology, while in matters of human history his thought tends towards abstractive anthropology and cyclical thinking. Both dimensions, cyclical returns and slow but irreversible change, are present in his thought, at the human and the natural level too.

One must therefore be attentive to the complex dynamics of evolutionary thinking, and to its cross-currents, in Polybius and elsewhere. Gould points out, with regard to Halley's reasoning on the age of the Earth, that his great contribution to modern geology originated not just in his fight against the Biblical literalism of Creation and its concomitant chronology—a brief cosmic history of *circa* 7,000 years—but also, quite significantly, in his opposition to the Aristotelian doctrines regarding the cyclical eternity of natural processes. In order to counter this Aristotelian notion, it was necessary for Halley not just to propose the existence of a long and deep temporal scale, and reasonings which would also overturn the Biblical narrative, but also to find a mode of geological measurement capable of measuring a constant but limited development. His explanation had to combine the extremely lengthy duration and slowness of geological processes with the notion of a duration which is, in the last analysis, a limited one. This dialectic between cyclical and constant processes on the one hand, and unique and unrepeatable processes on the other, results in a kind of conciliation between the one-directional paradigm of Biblical history and the cyclical thought of the Greek philosophers. Gould also finds some elements of this conciliation, and therefore a significant contribution to geological thought, in a work which has been most discredited by geologists as it is animated by a more direct Biblical literalism—the quite obviously obsolete *Telluris Theoria Sacra* (1681-89) by Halley's contemporary Thomas Burnet.

A comparable will to conciliate or at least make compatible cyclical processes with one-directional historical processes is perceptible in Polybius—in the sense that, for him, limited and observable geological cycles result at length in vast transformations of the landscape which are only to be understood and made evident through a deductive and comparative reasoning. And, conversely, apparently singular and unrepeatable events in human history (those constituting the history of battles and empires) can be perceived from the superior reasoning of the historian as episodes of a cyclical process which escapes the perception of those who live the experience of those events. Perhaps Polybius was not fully satisfied with Aristotelian notions about the eternity of the world, as they may appear to be incompatible with the geological processes that may be deduced from observation. Or perhaps he was only trying to conciliate that cyclical thinking with other philosophical theories more favourable to a natural history of singular events—for instance the Stoic notion of a final conflagration which would consume the world. Be as it may, his thought evinces the dialectical restlessness which leads the natural philosopher to go beyond evident

phenomena, in order to perceive historical cycles which are invisible to recorded history, and, conversely, to deduce gradualistic geological processes of enormous length, in contrast with the apparently cyclical and recurrent patterns of natural phenomena.

The geological reflections of Polybius appear in a digression of Book Four of the *Histories*—on the occasion of a description of Byzantium and its strategic importance. He comments on the geographical grounding of this strategic situation on the Bosphorus, going into details which show why, because of the configuration of the coast and the direction of the currents, a city on the western shore of the Bosphorus has a strategic situation from the standpoint of navigation which is lacking in another city facing it on the eastern shore. All through the *Histories*, Polybius shows, in his analyses of campaigns and his descriptions of battles, a highly conscious attention to the configuration of the terrain, its peculiarities and accidents, and the consequences they have for human action. His firsthand experience, coming from his extensive journeys, complements his knowledge of previous writers, and goes together with truly exceptional capacities for observation and reasoning.

The geostrategic analysis of the situation of Byzantium is fascinating enough in itself because of its originality, but all the more so once we consider the geological reflections it leads to. Of course, there are several limitations and inaccuracies in Polybius' account. Walbank [27, p. 490] cites research from 1872 (by Commander W. J. C. Wharton, of the Royal Navy) to conclude that although Polybius' observations on the continuous flow of water from the Black Sea to the Aegean can be confirmed, his explanation for it is not wholly adequate: while the excess of water received from the large rivers draining into the sea of Azov and the Black Sea does play a part, other concurrent factors must be taken into account, and that overall "the prevalence of north-east winds the the Black Sea . . . was the most important factor" (Walbank quotes the 7th ed. of *Black Sea Pilot*, 1920). More recent research (in the 1980s-1990s) revealed a major circumstance ignored by Polybius and by his commentators, including Walbank: the superficial current of the Bosphorus flowing from the Black Sea (Pontus Euxinus) to the Sea of Marmara (Propontis) and thence to the Aegean is compensated to a large extent by a submarine current, invisible to navigation, flowing in the opposite direction, from the Sea of Marmara to the Black Sea.⁷

It may seem strange that Polybius does not allude to the tradition, mentioned by his probable source Strato of Lampsacus, to the effect that

the Pontus originally had no outlet, but eventually the water piled up and forced a passage through at the Bosphorus in a catastrophic episode (for a Samothracian legend about this cf. Diod. V.47.3-4); similarly, at the Pillars of Hercules.⁸

The rationale behind this legend would seem to be quite consonant with his theory, but it is worth noting that although *the opposite* theory (i.e. the Mediterranean flooding the Black Sea region through the Bosphorus) has also had much support from some modern geologists as well as Biblical scholars, the evidence is not conclusive—see Flood (sic) et al. [5]. Polybius' disregard of this tradition may stem from its catastrophic overtones—as he tends to emphasize the slow but continuous gradualism of phenomena in a long period of geological time. As a skeptical naturalist, he emphasizes throughout his distrust of tales and legends, and his reliance on observation of phenomena which are active *now*:

⁷ "A high velocity surface current with relatively fresh Black sea water overlies a current running in the opposite direction, which transports the more saline bottom water of the Sea of Marmara which is of Mediterranean origin to the Black Sea" [4, p. 1]. See also [2]. This submarine current has a riverlike structure, creating an underwater delta on the Black Sea shelf [4, p. 29], and further contributing to the silting of the Black Sea—but it still holds that the overall flow of water runs from the Black Sea to the Mediterranean, as assumed by Polybius. See also [5].

⁸ Walbank [27, p. 490]. Strato's theory reaches us through Strabo's *Geography* [26, 1.3]. For Diodorus Siculus' account, see his *Library of History*, V, 47-84: http://penelope.uchicago.edu/Thayer/E/Roman/Texts/Diodorus_Siculus/5D*.html

These are the true causes of the outflow of the Pontus, which do not depend for their credit on the stories of merchants, but upon the actual observation of nature, which is the most accurate method discoverable. [21, 4.39]

In 4.40 Polybius draws an opposition between the state of information and knowledge in the past, when one had to rely on improbable tales of doubtful authority (he quotes Heraclitus to this effect), and the wealth of information available in his own time thanks to present communications and to his proposed paradigm of universal history.

ἐπεὶ δ' ἐπὶ τὸν τόπον ἐπέστημεν, οὐδὲν ἀφετέον ἀργὸν οὐδ' ἐν αὐτῇ τῇ φάσει κείμενον, ὅπερ οἱ πλείστοι ποιεῖν εἰώθασι τῶν συγγραφέων, ἀποδεικτικῇ δὲ μᾶλλον τῇ διηγῆσαι χρηστέον, ἵνα μηδὲν ἄπορον ἀπολείπωμεν τῶν ζητούμενων τοῖς φιληκόοις. [20, 4.40.1]

Foucault's translation of this passage is more adequate here than Shuckburg's "my object is rather to give information":

Puisque nous nous sommes arrêté sur ce point, il ne faut rien laisser en friche, ni nous contenter de la simple affirmation, comme ont l'habitude de le faire la plupart des historiens, mais il faut plutôt avoir recours à un exposé appuyé sur de bonnes preuves, afin de ne laisser de côté aucun problème dans l'esprit de ceux qui s'intéressent à nos recherches [23, p. 78].

A trustworthy exposition providing proof, based on reliable information and ascertainable data should be the aim of the historian.⁹ It is this reliance on present observations and ascertainable facts that can provide the basis for reliable historiography and a true science of nature:

πειρατέον δὲ δι' αὐτῆς τῆς ἱστορίας ἱκανὴν παρίσταναι πίστιν τοῖς ἀκούουσι. (*Historiae*, [20, 4.40.3])

Shuckburgh's translation of a key phrase, "I must try to make my narrative in itself carry conviction to my readers", is again perhaps less forceful than Roussel's, "Il nous faut essayer au contraire de faire en sorte que l'exposé même des faits engendre la certitude dans l'esprit de nos lecteurs" [22, p. 325] or Foucault's: "mais il nous faut essayer de donner aux lecteurs par le canal de la seule histoire une confiance suffisante" [23, p. 40]. This is a call for critical rationalism which encompasses both the reliability of historical accounts and the scientific description of their geographical setting.

While Strato of Lampsacus is an obvious source for Polybius' hydrographic theories, it is worth noting that Polybius seems to place somewhat more emphasis on uniformitarianism. Lyell [17, p. 21] recognizes a classical precedent for his uniformitarian theory in Strabo, but he does not perceive that affinity in Strato (quoted through Eratosthenes in Strabo's passage in question, concerning the change in the level of the seas). While Lyell does not refer to Polybius, the development of a uniformitarian paradigm may well be indebted to this passage in the *Histories*, given that Polybius seems to play down the catastrophic element in Strato, as well as in the received myths, in order to emphasize the constant action of causes which may still be seen at work in the present. As a matter of fact, the passage in Strabo quoted by Lyell as a precedent "to derive our explanations from things which are obvious, and in some measure of daily occurrence" goes on to list a series of rather catastrophic and relatively infrequent events, "such as deluges, earthquakes, volcanic eruptions, and sudden swellings of the land beneath the sea" (Lyell [17] p. 21), rather than the constant, everyday and almost imperceptible effects of rivers, sea currents and silting stressed by Polybius as major agents of geological transformation:

And, in fact, it is evident that it is already taking place. The Maeotic lake is already so much choked up, that the greater part of it is only from seven to five fathoms deep, and accordingly cannot any longer be passed by large ships without a pilot. And having moreover been originally a sea precisely on a level with the Pontus, it is now a

⁹ For some textual problems concerning this passage see Foucault [23, p. 78 n.2]. On Polybius' theory of knowledge see further Díaz Tejera's introduction [24]. Walbank notes that Polybius uses *apodeiktikós* "to mean 'supported by full reasons, tracing cause and effect' (cf. iii. 31. 1), and opposes 'apodeictic' narrative to an account consisting of mere assertions (iv. 40. 1)" [27, p. 216].

freshwater lake: the sea-water has been expelled by the silting up of the bottom, and the discharge of the rivers has entirely overpowered it. The same will happen to the Pontus, and indeed is taking place at this moment; and though it is not evident to ordinary observers, owing to the vastness of its basin, yet a moderately attentive study will discover even now what is going on. (*Histories* [21] 4.40)

Polybius goes on to suggest a way in which the length of these processes might be measured, alluding to the low saltiness of the Sea of Azov ("the Maeotic lake"), which he sees as a kind of small scale model of the Black Sea, in a more advanced phase of evolution through silting.¹⁰ The Black Sea shows an incipient stage of the same—and Polybius stresses the proportional relationship between these phenomena:

ἐξ ὧν δῆλον ὡς, ὅταν ὁ χρόνος, ἐν ᾧ πεπληρῶσθαι συμβαίνει τὴν Μαιῶτιν, τοῦτον λάβῃ τὸν λόγον πρὸς τὸν χρόνον, ὃν ἔχει τὸ μέγεθος τοῦ κοιλώματος πρὸς τὸ κοιλῶμα, τότε συμβήσεται καὶ τὸν Πόντον τεναγῶδη καὶ γλυκὺν καὶ λιμνῶδη γενέσθαι παραπλησίως τῇ Μαιώτιδι λίμνῃ. (*Historiae* [20] 4.42.4)

As noted by Walbank,

the phrase πρὸς τὸν χρόνον is essential to the sense: 'from this it is clear that when the time required to fill the Palus Maeotis bears the same relation to the time <then> that the size of its basin bears to <that of> the basin <of the Pontus>, then the Pontus too will become, like the Palus Maeotis, a shallow freshwater lake'. In the phrase πρὸς τὸν χρόνον the last word indicates the period of time up to (and measured by) the moment indicated by ὅταν [27, p. 494].

This proportionality seems to be essential to Polybius' insight on geological time, and to our claim that he should be seen as a precedent to Lyell's uniformitarianism. The major causes that lead to the formation and transformation of phenomena are not exceptional or catastrophic (though catastrophes do happen), but rather slow, constant and unendingly at work. This might make them invisible at the human scale, but similar phenomena at different degrees of development, or at different sizes, may be usefully compared in order to ascertain the long-term operation of these constant causes. Thus, the annual swelling of small rivers in Greece (*Histories* 41.9) can be used as an analogy for the effect of larger bodies of water, or the Palus Maeotis (Sea of Azov) may be seen as a small-scale model of the Black Sea at another stage of development.

Polybius stops short of proposing mathematical calculations to measure these effects and try to make predictions, but his emphasis on a mathematical proportion and relative size (or proportional salinity) is nonetheless insightful and intellectually daring—providing a foretaste of much later attempts at a mathematical naturalism and the scientific measuring of geological time, such as we find in Halley. Without going so far as to claim this emphasis on mathematical proportion as a fully worked-out plan for an experiment (possibly doomed to failure anyway) it still remains that geological phenomena, while extremely slow, are conceived by Polybius to be observable in their transformations, although observation is indirect and based on reasoning rather than direct observation, establishing analogies between different phases of development of ongoing phenomena:

though it is not evident to ordinary observers (...) yet a moderately attentive study will discover even now what is going on (*Histories* [21] 4.40)

This mode of reasoning is to be seen, as well, in his explanation of the formation and different situations of sandy deposits in front of river mouths, with the Danube and the Black Sea sandbanks ('the Breasts') as a prominent example (*Histories* [21] 4.41.1-6).¹¹

¹⁰ Compare Gould's comment on Halley's theory: "The cleverness of Halley's argument lies in his recognition that lakes, properly classified and divided, serve as smaller systems representing the same process he proposed for oceans" [15, p. 171].

¹¹ The fact that, as noted by Shuckburgh [21], the Breasts which posed such hazards to ancient navigators have long since disappeared shows the complex dynamics of geological processes, however cogent the explanations of the main forces underlying them.

In sum, Polybius' explanation is not only innovative—with due allowance of the precedents in Aristotle and Strato—and clarifying; it is also *a theory*, a term which should be understood here as pointing not so much to the possibility of experimental and predictive testing based on measurements (something which is merely adumbrated in Polybius' formulation), but mainly to a high degree of methodological self-consciousness as to principles and general laws, which allow general and encompassing explanations of similar phenomena. His awareness in this respect extends to an assessment of the value of hypotheses as they relate to observations guided by the theory itself, and a critique of non-systematic and *ad hoc* explanations based on doubtful or legendary sources:

But I have another and higher object also in thus speaking: which is to prevent our ignorance from forcing us to give a childish credence to every traveller's tale and marvel related by voyagers; and that, by possessing certain indications of the truth, we may be enabled by them to test the truth or falsehood of anything alleged by this or that person. (*Histories* [21] 4.42)

Polybius is aware that he is explaining phenomena in a different, non-traditional, more elaborate way—an elaboration which is made possible by the new and expanding networks of communication and the access they enable to a wealth of information made possible by his great all-embracing topic, the growth of a Mediterranean world order under the Roman Empire. This awareness of the historicity of knowledge and science, and their reliance on networks of information and communication, and, ultimately, on a world-encompassing political order, is a major contribution to critical history and to the philosophy of science. His glimpses into the long span of geological processes and the possibility of a scientific approach to their study provide a striking instance of the solidity of his outlook on what can be achieved through this systematization of knowledge—valuable insights both on the possibility of reliable knowledge of natural phenomena, and on the intellectual and historical circumstances that make such scientific knowledge possible.

References:

1. Aristotle. *Meteorology*. 350 BC. Trans. E. W. Webster. Online text at The Internet Classics Archive. 1994-2009. URL: <http://classics.mit.edu/Aristotle/meteorology.1.i.html> (date of access: 10.03.2019).
2. Bosphorus. Online text. Wikipedia: The Free Encyclopedia. URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/Bosphorus> (date of access: 10.03.2019).
3. Bueno G. *España frente a Europa*. Print. 3rd ed. Barcelona: Alba. 2000.
4. Di Iorio D. and Yüce H. *Observations of Mediterranean Flow into the Black Sea*. (SACLANT Undersea Research Centre Report SR-269). Online text. San Bartolomeo: NATO SACLANT Undersea Research Centre. 1997. Online at ResearchGate. DOI: 10.1029/1998JC900023 URL: <https://www.researchgate.net/publication/235020103> (date of access: 10.03.2019).
5. Flood R.D., Hiscott R.N. and Aksu A.E. Morphology and evolution of an anastomosed channel network where saline underflow enters the Black Sea. *Sedimentology* No.56(3). 2009. Pp. 807–839. Online text at Wiley. URL: <https://doi.org/10.1111/j.1365-3091.2008.00998.x> (date of access: 10.03.2019).
6. García Landa J.A. *Lecciones de Polibio*. Online text. Vanity Fea 26.01.2007. URL: <http://garciala.blogia.com/2007/012603-lecciones-de-polibio.php> (date of access: 10.03.2019).
7. García Landa J.A. *Benefit of Hindsight: Polibio, Vico, Wilde y el emergentismo crítico / Benefit of Hindsight: Polybius, Vico, Wilde, and Critical Emergentism*. Online text. SSRN 09.11.2007. URL: <http://ssrn.com/abstract=1027923> (date of access: 10.03.2019).
8. García Landa J.A. *Evolución, anaciclosis y dialéctica social de la historia*. Online text. Vanity Fea 05.09.2012. URL: <http://vanityfea.blogspot.com.es/2012/09/evolucion-anaciclosis-y-dialectica.html> (date of access: 10.03.2019).

9. García Landa J.A. Maquiavelismo religioso en Polibio. Y el triunfo de la demagogia. Online text. Vanity Fea 27.10.2012. URL: <http://vanityfea.blogspot.com.es/2012/10/maquiavelismo-religioso-en-polibio-y-el>. (date of access: 10.03.2019).
10. García Landa J.A. Retroperspectiva y perspicacia: El emergentismo crítico de Polibio a Wilde. In *Otium cum dignitate: Estudios en homenaje al profesor José Javier Iso Echegoyen*. Ed. J. A. Beltrán et al. Print. (Monografías de Filología Latina, 16). Zaragoza: Universidad de Zaragoza. 2013. Pp. 677-88.
11. García Landa J.A. Anclaje narrativo y círculo hermenéutico en un texto de Polibio. Online text. Vanity Fea 05.01.2013. URL: <http://vanityfea.blogspot.com.es/2013/01/anclaje-narrativo-y-circulo.html> (date of access: 10.03.2019).
12. García Landa J.A. Lógica de la narratividad según Polibio. Online text. SSRN 29.11.2015. URL: <http://ssrn.com/abstract=2695867> (date of access: 10.03.2019).
13. García Landa J.A. Polibio y el tiempo geológico. Online text. ResearchGate 29.01.2015. URL: <https://www.researchgate.net/publication/271515661> (date of access: 10.03.2019).
14. Gould S.J. *Time's Arrow, Time's Cycle*. Print. Cambridge (MA): Harvard UP. 1987.
15. Gould S.J. On Rereading Edmund Halley. In *Gould, Eight Little Piggies: Reflections in Natural History*. Print. Harmondsworth: Penguin. 1994. Pp. 168-80.
16. Halley E. A short Account of the Cause of the Saltness of the Ocean, and of the several Lakes that emit no Rivers; with a Proposal by help thereof, to Discover the Age of the World. *Philosophical Transactions of the Royal Society* 29 (issue 344, 01.01.1714). Pp. 290-300. Online PDF (01.01.1997). URL: <https://doi.org/10.1098/rstl.1714.0031> (date of access: 10.03.2019).
17. Lyell C. *Principles of Geology, Being An Attempt to Explain the Former Changes of the Earth's Surface by Reference to Causes Now in Operation*. 3 vols. 2nd. ed. London: John Murray. 1832. Vol. 1. Online at Google Books. URL: <https://books.google.es/books?id=mmIOAAAQAAJ> (date of access: 10.03.2019).
18. McGillivray R. Ocean Salinity as a Failed Scientific Clock. In *the Age of the Earth and the Formation of the Universe* (Timothy H. Heaton Honors Seminar website). 2005. URL: http://apps.usd.edu/esci/creation/age/content/failed_scientific_clocks/ocean_salinity.html (date of access: 10.03.2019).
19. Polybius. Wikipedia: The Free Encyclopedia. Online text. URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/Polybius> (date of access: 10.03.2019).
20. Polybius. *Historiae*. c. 120 BC. Greek text. Ed. Theodorus Büttner-Wobst after L. Dindorf. Leipzig. Teubner. 1893-. Online text at Perseus Digital Library, Tufts University. URL: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3atext%3a1999.01.0233> (date of access: 10.03.2019).
21. Polybius. *Histories*. Trans. Evelyn S. Shuckburgh. 1889. Rpt. 1962. Online at Perseus Digital Library. URL: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus:text:1999.01.0234> (date of access: 10.03.2019).
22. Polybe. *Histoire*. Ed. and trans. Denis Roussel. Print. (NRF - Bibliothèque de la Pléiade). Paris: Gallimard. 1970.
23. Polybe. *Histoires: Livre IV*. Bilingual ed. Ed. and trans. Jules de Foucault. Print. (Collection des universités de France). Paris: Les Belles Lettres. 1972.
24. Polibio. *Historias*. Introd. A. Díaz Tejera. Ed. and trans. Manuel Balasch Recort. 3 vols. Print. Madrid: Gredos. 1981-82.
25. Roller D.W. *Eratosthenes' GEOGRAPHY: Fragments Collected and Translated, with Commentary and Additional Material*. Online text. Princeton and Oxford: Princeton UP. 2010. URL: <https://www.temehu.com/imazighen/berberdownloads/eratosthenes-geography.pdf> (date of access: 10.03.2019).
26. Strabo. *Geography*. c. 20 AD. Ed. and trans. H. C. Hamilton and W. Falconer. 1903-1906. Online at Perseus Digital Library. URL:

<http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3atext%3a1999.01.0239> (date of access: 10.03.2019).

27. Walbank F.W. A Historical Commentary on Polybius. Volume 1: Commentary on Books I-VI. Print. New York: Oxford UP. 1999.

28. Wilde O. The Rise of Historical Criticism. 1879. Online text at Celt (Corpus of Electronic Texts). 1997-2009. URL: <http://www.ucc.ie/celt/published/E800003-001/> (date of access: 10.03.2019).

УДК 94(475)“05–06”+902

К ВОПРОСУ О ПРЕДНАЗНАЧЕНИИ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ УКРЕПЛЕНИЙ В РАЙОНЕ ГЛАВНОЙ ГРЯДЫ КРЫМСКИХ ГОР

Ильичев Антон Владимирович
магистрант

Хапаев Вадим Вадимович
научный руководитель:

ON THE PURPOSE OF THE EARLY MEDIEVAL FORTIFICATIONS IN THE MAIN RIDGE OF THE CRIMEAN MOUNTAINS

Anton V. Ilyichov
graduate student

Vadim V. Khapaev
scientific advisor

АННОТАЦИЯ. В статье изучено предназначение оборонительных стен, остатки которых обнаружены на горных перевалах Главной гряды от Ласпи до Демерджи. Проанализированы дискуссии в историографии по данному вопросу. Сопоставлено время постройки «длинных стен», упомянутых в трактате Прокопия Кесарийского «О постройках» с военно-политической обстановкой на Черноморском театре боевых действий в VI – начале VII вв. Изучена история персидского флота в Раннем Средневековье. Сделан вывод, что оборонительная система, выстроенная в Раннем Средневековье на Главной гряде Крымских гор, была предназначена для отражения удара персов со стороны моря, в то время как клисуры в предгорьях были призваны защищать крымских горцев (готов и алан) от нападения кочевников со стороны степи.

Ключевые слова: военная история, византийско-персидские войны, строительство, «длинные стены», Прокопий Кесарийский, флот, Северное Причерноморье.

ABSTRACT. The article examines the duty of defensive walls located on the mountain saddles of the Main Ridge of the Crimean Mountains from Laspi to Demerdzhi. Historiographic disputes on this subject are analyzed. The time of the “long walls” (mentioned in the treatise by Procopius of Caesarea “On Buildings”) construction is compared with the political and military environment in the Black Sea theater of operations in the 6th – early 7th centuries. The history of the Persian fleet in the Early Middle Ages is elucidated. It is concluded that the defensive system, built in the Early Middle Ages on the Main Ridge of the Crimean Mountains, was intended to repulse the Persian charge from the seaward, while the klisurs (defensive walls on the passes) in the foothills were being used to protect the Crimean highlanders (the Goths and the Alans) from the steppe nomads raids.

Keywords: military history, Byzantine-Persian wars, construction, “long walls”, Procopius of Caesarea, fleet, the Northern Black Sea Region.

Время правления Юстиниана I (527–565) стало первым в истории Византии периодом удачной реконкисты – отвоевания значительной части захваченных варварами территорий, ранее входивших в состав Римской империи. Однако эти победы были одержаны на западном стратегическом направлении: в Северной Африке, Италии, Испании и Западных Балканах. На восточном стратегическом направлении империя вела тяжелую и затратную позиционную войну с Персией, в ходе которой стороны не столько боролись за территории, сколько за региональное лидерство [23, с. 51].

Основным театром боевых действий между ромеями и персами стала расположенная на юго-восточном побережье Черного моря область Лазика [12, с. 53–54], [15, с. 129–130]. Оспаривая друг у друга права на этот небольшой регион, стороны боролись и за его побережье. Персы стремились стать Черноморской державой, ликвидировать византийскую монополию на обладание здесь торговым и военным флотом, иметь возможность блокировать Босфор с моря, создавать угрозу обширным византийским побережьям, где находилось множество важнейших городов и портов империи, иметь возможность напрямую контактировать с врагами ромеев, жившими на берегах Черного моря. В первую очередь – с аварами.

Соответственно, византийцы самоотверженно сражались за то, чтобы не подпустить персов к черноморским берегам, что могло серьезно ухудшить их стратегические позиции, создавало неприемлемую угрозу столице, а значит, самому существованию империи. Прорыв персов к Черному морю вынудил бы отвести на Черноморский театр военные силы, которые вели войны за отвоевание земель бывшей Западной Римской империи.

Войны за Лазик продолжались с перерывами с 541 по 562 год, и на тот момент Византийцам удалось сохранить ее за собой [23, с. 327], что, учитывая вышесказанное, было огромным успехом.

Однако пока шли персидские войны, все черноморское побережье империи десятилетиями находилось под угрозой вражеской десантной операции. Поэтому усилия Юстиниана по созданию оборонительных рубежей на Черном море необходимо рассматривать в контексте этой угрозы. На территории Крымского полуострова, по сообщению Прокопия Кесарийского, была создана масштабная эшелонированная система береговой обороны. Ее передовой линией были прибрежные крепости – Херсон, стены которого были отремонтированы, новые кастроны на Южном берегу – Алустон и в селении Горзувиты, город Сугдея (которую Прокопий не упомянул), Боспор, где также был выполнен ремонт оборонительных стен [14, с. 249]. Это давало возможность имперскому флоту, взаимодействуя с гарнизонами вышеназванных крепостей (возможно, в их число входил и порт Символ в Балаклавской бухте), обеспечивать оборону побережья. Вторым эшелоном обороны призваны были стать расположенные в горах «длинные стены».

При работе с письменными и археологическими источниками, изучении историографии использованы как общенаучные (анализ, синтез, обобщение, метод аналогий), так и ряд общеисторических методов научного познания. Историко-генетический метод позволил проследить логику создания и трансформации ранневизантийской системы обороны Таврики. Изучение историографии проведено на основе принципов историзма и объективности, с целью формирования непредвзятого подхода к аргументам дискутировавших сторон.

В отечественной исторической науке существует две основные гипотезы о локализации в Крыму «длинных стен» Прокопия Кесарийского.

1. Южнобережная. Ее сторонниками были крымские ученые – археолог О.И. Домбровский и эпиграфист Э.И. Соломоник. Эта гипотеза была обоснована исследователями в совместном труде «О локализации страны Дори» [17]. Они полагали, что стены были возведены в период единой Римской империи и впоследствии укреплены во время правления Юстиниана I. В поддержку этой теории выступил также Веймарн Е.В. [3; 4].

2. Юго-западная. Ее сторонниками были живший в Ленинграде историк и археолог А.Л. Якобсон [21] и геолог из Новосибирска, авторитетный археолог-любитель Л.В. Фирсов [20]. Они поставили под сомнение выводы О.И. Домбровского и Э.И. Соломоник, отметив, что Южнобережье не обладает достаточным количеством плодородных земель для размещения там значительного готского населения. Поэтому, не было смысла защищать Южный берег от нападения степняков со стороны Крымских гор.

Л.В. Фирсов в этой связи отмечал, что обнаруженные на южных перевалах Яйлы «стены обращены лицевым панцирем не к нагорью, как должно было бы быть, находись Дори на Южном берегу, а в сторону Южного берега» [20, с. 112]. Из этого он сделал, на наш взгляд, абсолютно верный вывод: эти «сооружения защищали не Южный берег от нагорья, а нагорье от Южного берега. Если в них видеть длинные стены Юстиниана, то Дори, несомненно, надо помещать за перевалами, к северу и северо-западу от них» [20, с. 112].

Соответственно, эти сооружения, датировка которых из-за скудости сопутствующего материала крайне затруднена, были исключены из числа претендентов на статус «длинных стен» Прокопия, которые было предложено искать в Крымском предгорье, как защиту от вторжений степняков с севера. Сторонниками этой версии стали М.А. Тиханова [19], А.Л. Якобсон [21], Д.Л. Талис [18].

Современные исследователи: В.Л. Мыщ [13], В.А. Сидоренко [16] и О.В. Вус [5] локализуют «длинные стены» в районе Внутренней гряды Крымских гор на протяжении 36 км от Каламиты до Баклы, где обнаружены остатки монументальных оборонительных сооружений, полностью соответствующие ранневизантийской технике кладки. По мнению В.Л. Мыща, эти стены были сооружены в VI веке в годы правления Юстиниана I для защиты готского населения от угрозы с севера. На рубеже VI–VII вв. эта оборонительная система была усилена крепостями-убежищами на горах-останцах, что было продиктовано недостатками «длинных стен» как оборонительных сооружений: в случае прорыва на одном из участков вся система становилась бесполезной. Поэтому были сооружены крепости Каламита, Эски-Кермен, Мангуп, Сюйрен, Тепе-Кермен, Чуфут-Кале, Бакла [13, с. 69–70].

В результате описанной выше поляризации мнений, в историографии не рассматривался вопрос о возможности организации византийцами круговой обороны крымской горной страны – и с юга, и с севера. Поэтому, проблема предназначения южнобережных укреплений и их возможной взаимосвязи с укреплениями в районе речных долин Внутренней гряды остался не до конца изученным.

В связи с этим необходимо рассмотреть геополитическую ситуацию на Черноморском театре военных действий (ТВД) в VI–VII веках, чтобы понять цель сооружения цепочки прибрежных крепостей и оборонительных стен на перевалах, ведущих с Южного берега на Яйлу.

Как было сказано выше, Византия и Персия в VI веке вели борьбу в юго-восточной части Черноморского ТВД за Лазику, обладание которой сохраняло за ромеями монопольное положение в Черноморском бассейне, а прорыв персов на черноморские берега создавал для империи неприемлемую угрозу. В связи с этим рассмотрим вопрос о наличии у Персии военно-морского флота и о способности и желании шахов обрести боеспособную эскадру на Черном море.

В историографии история вооруженных сил Сасанидского Ирана, как правило, изучается лишь в ракурсе развития сухопутных сил. Во многом это связано с влиянием парфянской традиции на военную систему Персии, в соответствии с которой основной упор делался на развитие легкой и тяжелой кавалерии (см. напр.: [6], [26]).

История раннесредневекового персидского флота привлекла внимание российских исследователей лишь недавно. В 2017 г. опубликована статья российского историка В.А. Дмитриева «К истории военно-морского флота в сасанидском Иране» [8], а через два года вышла в свет его монография «Военный флот Сасанидов» [7]. Зарубежные исследователи к этой теме обратились раньше. Отметим в этой связи труды «Сасанидские

армии. Иранская империя начала III – середина VII века» Д. Николе [26], и «Классические корабли Ислама. От Месопотамии до Индийского океана» Д. Аджиуса [22]. Новейшие исследования В.А. Дмитриева расширяют и углубляют наши знания об этой проблеме.

Строительством военно-морского флота Сасаниды озаботились вскоре после прихода к власти в Персии в III в. н.э. Его применение в военных кампаниях прослеживается уже в начале правления новой династии. Так, в «Книге деяний Ардашира сына Папака» упомянута переброска сил сына Хафтвада (Хафтвад – один из ярых противников Ардашира I) через Персидский Залив для сражения с Ардаширом I (224–241) [10, с. 74].

Впоследствии, когда Персия была уже полностью объединена под властью Сасанидов, главной целью ее военно-морского флота стала борьба с угрозой арабских вторжений. В сохранившихся источниках содержится множество упоминаний об атаках арабов на территорию Ирана. Для ликвидации этой угрозы шахи возвели несколько укрепленных городов на берегах Персидского залива [24, с. 32–34]. Они рассматривались не только как часть оборонительной системы державы, но и как военно-морские базы, призванные контролировать, и как форпосты сухопутных линий снабжения и связи [29, с. 32].

В IV веке набеги арабов на территорию Сасанидов значительно усилились, что вынудило Шапура II (309–379) организовать карательную экспедицию против неприятеля. Выбив арабов из Ирана, шах переправил свое войско на кораблях на вражескую территорию, где продолжил поход. Экспедиция Шапура II дала положительные результаты, и на некоторое время арабская угроза отошла на второй план. О стабилизации положения в регионе упомянул римский историк Аммиан Марцеллин [11, с. 310].

Новая активизация военно-морского дела в Сасанидском Иране прослеживается в VI веке, что связано с византийско-персидскими войнами. В 575 году союзники ромеев аксумские эфиопы инициировали военную кампанию против Йемена. Йеменская знать обратилась за помощью к Сасанидам. Шах Хосров I Ануширван (531–579) согласился защитить Йемен. На юг Аравийского полуострова было отправлено 8 военных кораблей с 800 воинами на борту. Позднейшие арабские источники расходятся во взглядах на то, кем были солдаты, отправленные на помощь Йемену. Ат-Табари (838–923) отмечал, что это были осужденные на смерть заключенные, обладавшие необходимыми качествами и боевым опытом для такой операции [28, с. 245]. Согласно ас-Саалиби (961–1038), десант состоял не только из осужденных, но также включал в себя отряды дейлемитов и подразделения, присланные из Хазарского каганата [25, с. 617]. Из 8 кораблей до Йемена дошли 6. Объединившись с местными войсками, персам удалось разгромить эфиопов. Впоследствии Йемен вошел в состав Сасанидского государства.

Таким образом, очевидно, что, обладая в VI веке боеспособным океанским флотом и ведя войну на побережье Черного моря, Хосров I не мог не стремиться к созданию черноморской эскадры, учитывая те военно-политические преимущества, которые она давала. О наличии этих намерений у персидского командования мы узнаем не из персидских хроник, а от византийских очевидцев – Прокопия Кесарийского (ок. 500 – ок. 565) и Агафия Миринейского (536–582).

Прокопий сообщает о группе послов, прибывших из Лазики к Хосрову I. Они просили установить над своей территорией персидский протекторат в обмен на уникальную возможность: «К персидской державе вы присоедините очень древнее царство, и таким образом вы расширите пределы своей власти и получите возможность через нашу страну соприкоснуться с Римским морем, построив суда в котором, о царь, ты без труда сделаешь доступным себе дворец в Византии. Никаких препятствий [у тебя] на пути не будет» [15, с. 127].

Агафий Миринейский писал о персидской угрозе на Черном море следующее: «... он (император Юстиниан) испытывал и опасения, что если персы одержат верх в войне и овладеют всей страной (Лазикой), то у них уже не будет никаких препятствий к тому, чтобы,

плавать без всяких опасений по Черному морю, вторгаться во внутренние области Римской империи» [12, с. 53].

Реализовать свои амбиции стать черноморской державой персам при Хосрове I не удалось. Византийские полководцы выбили сасанидские войска из Лазики в ходе военной кампании 540–550-х годов. Но угроза Черноморскому региону со стороны Сасанидов не исчезла. Мир между Византией и Персией нарушался еще не раз. Развязав войну против Фоки (602–610) и продолжив ее против Ираклия I (610–641), Хосров II (591–628) в 622 г. захватил Малую Азию, вышел к черноморским берегам на обширном пространстве и создал здесь военно-морские силы: то ли из захваченных византийских кораблей, то ли из вновь построенных [27, с. 42]. Оттеснить персов от черноморских берегов Ираклию удалось лишь к 628 году [6, с. 320], и для этого понадобилось в 626 г. вступить в морское сражение. Об этом пишет современник событий – армянский историк Себеос (нач. VII в. – 661): «Он (Хозрем) приказал войскам своим на кораблях плыть к Византию. Устроивши корабли, они приготовились к морской битве с византийцами. Против него вышли из Византии морские войска. Посреди моря произошла битва, от которой со стыдом воротилось воинство персидское. Вместе с кораблями погибло около 4000 человек, и они более не дерзали на подобное предприятие» [9, с. 100]. В дальнейшем не раз возникала угроза прорыва в Черное море арабов: в 674–678 и 717–718 гг., во время морских осад Константинополя арабами.

Вышесказанное позволяет предположить, что обострение к середине VI века угрозы закрепления Персии на Черном море вынудило Юстиниана I заняться укреплением всего черноморского побережья империи – оборонительных стен в Лазике и Юго-Западной Грузии, реставрацией укреплений Херсона и Боспора, строительством крепостей Алустон и в Горзувитах, сооружением стен Анхиала и т.д.

Таким образом, необходимость обезопасить территорию Таврики от возможного персидского десанта, привела к началу крупной реорганизации обороны Таврики и Черноморских побережий. В условиях дефицита финансовых и людских ресурсов, новая оборонительная система должна была стать с одной стороны эффективной, а с другой стороны, экономичной. Она представляла собой серию крепостей, дозорных пунктов и стен, которые должны были сдерживать противника силами небольшого гарнизона, просуществовав до VII века. С началом персидского вторжения в империя в 602 г. эта оборонительная линия была прорвана во многих местах. Поэтому, в правления Ираклия I (610–641) она была полностью реорганизована [1, с. 455].

Учитывая, что византийцы никогда не дислоцировали в Черном море значительных сил флота, предпочитая, его базирование в Мраморном море [2, с. 283], побережье империи следовало укрепить эшелонированной системой береговой обороны. При попытке вражеской атаки гарнизоны прибрежных кастронов и клисур должны были продержаться до подхода имперского флота.

Византийский флот был немногочисленным. С одной стороны – в силу упомянутой выше необходимости экономить; с другой стороны, держать огромный флот у империи не было необходимости. В рассматриваемый период, кроме ромеев, не было ни одной мощной морской державы. Сасанидский Иран использовал флот в основном для переброски личного состава, но боевых кораблей, которые могли бы соперничать с дромонами, у персов не было.

Небольшой византийский флот был рассредоточен в VI – пер. пол. VII в., в основном, в Средиземном море, базируясь в Равенне, Александрии и Карфагене, а также в Константинополе и его окрестностях [2, с. 267].

На основе вышеизложенного сделаны следующие выводы.

1. Вопрос о предназначении, локализации и тактике использования упомянутых Прокопием «длинных стен» остается нерешенным и остро дискуссионным.

2. Вопрос о наличии связи между клисурами на перевалах Главной и Внутренней горных гряд нуждается в дальнейшем изучении.

3. Наиболее остро стоит вопрос о датировке укреплений на Главной гряде.

4. Проблему организации обороны побережья Крыма необходимо рассматривать в комплексе, с учетом выстроенных или отремонтированных Юстинианом прибрежных крепостей и укреплений горных на перевалах.

5. Единственным логичным объяснением предназначения двух оборонительных эшелонов на южном оборонительном рубеже византийской Таврики является:

а) наличие в VI в. и позднее угрозы вторжения персов с моря;

б) потребность в организации тактической обороны побережья Таврики в ожидании подхода морем основных сил империи;

в) обеспечение возможности организации обороны на Яйле в случае необходимости оставления византийцами и готами-федератами укреплений на побережье, что давало возможность защитить страну Дори (межгорную долину между Внутренней и Внешней грядами) от захвата ее персами в возможном взаимодействии с кочевниками степи.

6. На основе сопоставления письменных источников, наиболее вероятным временем сооружения системы обороны страны Дори являются 540–560 годы, после того, как персы нарушили подписанный с византийцами «вечный мир», и до ухода из жизни Прокопия Кесарийского, сообщившего об их строительстве [6, с. 234].

7. Новые археологические исследования остатков оборонительных сооружений на Яйле, выявление датирующего материала позволят подтвердить или опровергнуть выдвинутую в настоящей статье гипотезу.

Список литературы:

1. Банников А.В., Морозов М.А. Византийская армия (IV–XII вв.) // СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2013. 688 с.
2. Банников А.В., Морозов М.А. История военного флота Рима и Византии (от Юлия Цезаря до завоевания крестоносцами Константинополя) // СПб.: Евразия, 2014. 592 с.
3. Веймарн Е.В. Еще раз о таврическом лимесе // АДСВ. 1973. Вып. 10. С. 255–258.
4. Веймарн Е.В. От кого могли защищать готов в Крыму «длинные стены» Прокопия? // АДСВ. 1980. Вып. 17. С. 19–33.
5. Вус О.В. Ранневизантийский limes в Северном Причерноморье: организация и структура инженерной обороны // ВВ. 2013. Т. 72 (97). С. 227–246.
6. Дмитриев В.А. «Всадники в сверкающей броне»: Военное дело сасанидского Ирана и история римско-персидских войн // СПб.: Петербургское Востоковедение, 2008. 368 с.
7. Дмитриев В.А. Военный флот Сасанидов // СПб.: Евразия, 2019. 160 с.
8. Дмитриев В.А. К истории военно-морского флота в сасанидском Иране // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2017. - С. 34–44.
9. История императора Иракла. Сочинение епископа Себеоса, писателя VII века СПб.: Императорская Академия Наук, 1862. 249 с.
10. Книга деяний Ардашира сына Папака. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1987. 163 с.
11. Марцелин А. Римская история. М.: АСТ: Ладомир, 2005. 631 с.
12. Миринейский А. О царствовании Юстиниана. М: Академия наук СССР, 1996. 255 с.
13. Мыц В.Л. Укрепления Таврики X–XV вв. // К.: Наукова думка, 1991. 160 с.
14. Прокопий Кесарийский. О постройках // Вестник древней истории. 1939. № 4. С. 203–283
15. Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Пер., статья, комм. А. А. Чекаловой. СПб.: Алетейя, 1998. 578 с
16. Сидоренко В.А. «Готы» области Дори Прокопия Кесарийского и «длинные стены» в Крыму // МАИЭТ. 1991. Вып. II. С. 105–118.

17. Соломоник Э.И., Домбровский О.И. О локализации страны Дори // Археологические исследования средневекового Крыма. 1968. С. 11-44.
18. Талис Д.Л. Некоторые проблемы раннесредневековой Таврики и литература последних лет // ВВ. 1961. Т. 19. С. 240-259.
19. Тиханова М.А. Дорос-Феодоро в истории средневекового Крыма // МИА. 1953. № 34. С. 320-333.
20. Фирсов Л.В. О положении страны Дори в Таврике // ВВ. 1979. Т. 40. С. 104-113.
21. Якобсон А.Л. Византия в истории раннесредневековой Таврики // СА. 1954. Т. 21. С. 148–163.
22. Agius D.A. Classic Ships of Islam. From Mesopotamia to the Indian Ocean. Leiden / Agius D.A. // Boston: Brill, 2008. 505 p.
23. Baker G.P. Justinian: The Last Roman Emperor // Cooper Square Press, 2002. 384 p.
24. Hamzae Ispahanensis Annalium libri X / Ed. I.M.E. Gottwaldt. T. II. Translatio latina. Lipsiae: Sump-tibus Fr. Chr. Guil. Vogelii, 1848. 200 p.
25. Histoire des rois des Perses par Abou ManSour 'Abd al-Malik ibn Mohammad ibn Isma'il al-Tha'alibi. Texte arabe publié et traduit par H. Zotenberg. P.: Imprimerie Nationale, 1900. -759 p.
26. Nicolle D. Sassanian Armies. The Iranian Empire early 3rd to mid-7th centuries AD // Stockport: Montvert Publications, 1996. 74 p.
27. Oman G. Milaha // The Encyclopaedia of Islam. New Edition / Ed. by C.E. Bosworth etc. Vol. VII. MIF -NAZ. Leiden; N.Y.: E.J. Brill, 1993. P. 40–54.
28. The History of al-Tabari (Ta'rikh al-rusul wa'l-mulük). Vol. 5. The Sasanides, the Byzantines, the Lakhmids and Yemen / Transl. and annot. by C.E. Bosworth. N.Y.: State University of New York Press, 1999. 458 p.
29. Whitehouse D., Williamson A. Sasanian Maritime Trade / Whitehouse D., Williamson A // Iran. 1973. Vol. 11. P. 29–49.

УДК 811.11

МОДАЛЬНОСТЬ МЕДИАТЕКСТА СОВРЕМЕННОЙ ГЕРМАНИИ

Карпунина Ирина Владимировна
старший преподаватель, аспирант
Комуцци Людмила Владимировна
научный руководитель

MODALITY OF THE MEDIA TEXT IN TODAY'S GERMANY

Irina V. Karpunina
senior lecturer
Liudmila V. Komutstsi
scientific advisor

АННОТАЦИЯ. Динамичное развитие медиалингвистики, возникновение новых медиажанров и медиаформатов привлекают все большее внимание лингвистов к изучению медиатекста и его категорий. К числу малоизученных проблем относятся языковые средства выражения модальных значений медиатекста, которые определяют важнейшие категории его интерпретации – оценочность и ценностное содержание. В данной статье рассматриваются некоторые теоретические аспекты модальности немецкоязычного текста и, с помощью функционально-семантического анализа, выявляются средства эпистемической модальности информационных текстов, опубликованных на веб-сайтах газет *Frankfurter Allgemeine*

Zeitung и *Die Welt* в 2020 г. Результаты анализа показывают multifunctionality модальности, которая акцентирует оттенки значений лексических и грамматических средств текста.

Ключевые слова: медиадискурс, информационный текст, текстовая модальность, эпистемическая модальность, модальные глаголы.

ABSTRACT. The dynamic development of media linguistics, the emergence of new media genres and media formats have attracted linguists to the study of media texts and their categories. Language forms of expressing various modal meanings determine evaluativity and the value content, the two categories of crucial importance for a media text. These forms, however, have remained substantially underinvestigated. Using the functional-semantic analysis, the authors examine some of the theoretical aspects of modality specific for a German-language text and identify the forms of the epistemic modality in a number of newspaper articles published on the *The Frankfurter Allgemeine Zeitung* and *Die Welt* web-pages in 2020. The results of the analysis show the multifunctionality of modality in conveying subtle shades of meanings carried by lexical and grammatical forms of the text.

Keywords: media discourse, information text, text modality, epistemic modality, modal verbs.

Медиадискурс представляет большой интерес для лингвистов, изучающих особенности передачи модальности в языке, жанровые и стилистические особенности текста, а также для социологов, исследующих способы воздействия подобных текстов на публику. Зачастую, прибегая к тем или иным оценочным или модальным словам, журналисты высказывают свое мнение о событии с целью имплицитного воздействия на аудиторию.

Целью нашего исследования является раскрытие особенностей выражения модальности на примере информационных текстов современного медиадискурса Германии. Эмпирическая часть нашей работы посвящена анализу средств выражения модальности в информационных текстах онлайн изданий *Frankfurter Allgemeine Zeitung* и *Die Welt*, опубликованных в ноябре 2020 года. Основными методами, используемыми в настоящей работе, являются метод функционально-семантического анализа модальных средств текста и метод контекстуального анализа.

Понятие модальности является достаточно широким, зачастую даже противоречивым, в связи с чем возникает множество трактовок данного явления как отечественными, так и зарубежными авторами. Начать ее рассмотрение мы считаем необходимым с трактовки академика В.В. Виноградова: предложение отражает «действительность в ее практическом общественном осознании, выражает отнесенность содержания речи к действительности и поэтому с предложением, с разнообразием его типов тесно связана категория модальности» [2, с. 55]. Модальное значение как указание на отношение к действительности является составной частью каждого предложения, которая, облекаясь в одну из существующих в данной системе языка интонационных схем, представляет синтаксические значения, образующие категорию модальности.

Согласно мнению немецких лингвистов, представленному в грамматике издательства DUDEN, предложение считается модально окрашенным при наличии следующих факторов: говорящий представляет некоторое обстоятельство возможным или необходимым относительно норм, желаний, обстоятельств, знаний, сопровождающих речь [9, с. 170].

Модальность является категорией речи и, соответственно, самой сущностью коммуникативного процесса [3, с. 113], языковой универсалией, включающей в себя широкий круг явлений, неоднородных по смысловому объему, грамматическим свойствам и по степени оформленности на разных уровнях языковой структуры [4, с. 303]. Категория модальности рассматривается в рамках парадигмы коммуникативной и когнитивной лингвистики по причине ее тесной связи с ментальными процессами при создании текста и с его восприятием. Модальность является отражением человеческого мышления в языке.

Некоторые зарубежные авторы рассматривают модальность как грамматическую категорию, родственную категориям времени и вида, имеющим непосредственное отношение к характеристике события. Модальность же относится к пропозиции, описанию события, а также выражает отношение говорящего к событию действительности [7, с. 62].

Принято выделять объективную модальность – она передает отношение к действительности – и субъективную, которая формулирует отношение автора к высказыванию (Бондарко, Шведова), затрагивает степень уверенности, или же определяет вероятность «достоверности мысли, отражающей данную ситуацию», оценивает «содержание высказывания с точки зрения достоверности, вероятности, предположительности и т. д.» [1, с. 67]. Последнюю И.Р. Гальперин предлагает разделить на фразовую и текстовую. В то время как фразовая модальность выражается грамматическими или лексическими средствами, то текстовая, помимо упомянутых средств, реализуется в характеристике героев, в «своеобразном распределении предикативных и релятивных отрезков высказывания, в предложениях, в умозаключениях, в актуализации отдельных частей текста и в ряде других средств» [3, с. 126].

Что касается области нашего исследования – медиадискурса, то здесь текстовая модальность проявляется весьма отчетливо, выражая разнообразные типы значений, свойственные медиатексту. А.В. Бондарко выделяет шесть типов модальных значений, имеющих различные способы выражения: оценка с точки зрения реальности/нереальности, оценка с точки зрения необходимости/желательности, оценка степени уверенности, целевая установка говорящего, значение утверждения/отрицания и эмоциональная/качественная оценка [1, с. 67-68]. Для медийного текста для того, чтобы он эффективно выполнял свои функции, первостепенное значение приобретают способы выражения оценочности и ценностного содержания.

К настоящему моменту нет однозначного мнения по вопросу разграничения понятий аксиологической (ценностной) модальности, характеризующей высказывания с точки зрения определенной системы ценностей, и оценочной модальности. Под аксиологической модальностью принято понимать модальность, характеризующую суждение с точки зрения той или иной ценности. К основным средствам ее выражения относится лексика с оценочным компонентом значения и ключевые слова-символы, выражающие ценностную установку автора [6, с. 63]. Аксиологическая (ценностная) модальность рассматривается во многих работах (Ш. Балли, Е.М. Вольф, Л.В. Татару, В.Н. Телия, Я.В. Киселева, А.И. Приходько, А.Д. Швейцер), однако, вопрос о соотношении понятий «ценность» и «оценка» до сих пор остается открытым.

Для задач нашего исследования особый интерес представляет классификация модальностей немецкого исследователя К. Коломо, взявшего за основу работу британского лингвиста Ф. Палмера. Ученый выделяет событийную модальность (Ereignismodalität), включающую деонтическую (deontische), телеологическую (teleologische), булетическую или волевою (buletische, volitive), сиркумстантную (zirkumstantielle), абилитивную модальности или модальность способности (abilitative), алетическую (alethische) модальность и модальность пропозиции (Propositionsmodalität), объединяющую эвиденциальную (Evidentialität) и эпистемическую (epistemische) модальности [7, с. 62-67]. Помимо перечисленных, А. Йенти выделяет также динамическую модальность [10, с. 12-13].

В связи со значимой ролью в медийном тексте, раскрывающейся при передаче автором информации о том или ином событии, эпистемическая модальность представляет для нас особый интерес. Важное значение при этом имеют знания говорящего о том, что передается в сообщении и его отношение к этому с учетом того, что известно говорящему, т.е. фактов, и чему имеются определенные доказательства. Семантика эпистемической модальности фиксирует имеющиеся знания говорящего о достоверности информации. Для данного типа характерно использование модальных глаголов müssen и können как в

индикативе, так и в Konjunktiv II, а также dürfen и sollen в Konjunktiv II, werden только в индикативе. При наличии отрицания, возможно, использования глагола brauchen [7, с. 62-67].

В более узком смысле эпистемическая модальность показывает, какова вероятность того, что то или иное событие произошло, происходит или произойдет. Оценка дается с точки зрения автора текста с помощью особых языковых средств, так или иначе называющих источник информации и определяющих его надежность: вводные конструкции, перифразы и аллюзии.

Выражению модальности в языке служат различные лексические средства, такие как модальные слова и наречия (hoffentlich, leider, angeblich, zum Glück и т.д.), модальные частицы (ja, denn, noch и т.д.), инфинитивные конструкции (haben, sein, bleiben, es gilt, es gibt + zu + Infinitiv) и модальные глаголы (können, wollen и др.) [10, с. 17].

Рассмотрим несколько материалов из электронных версий издательств *Frankfurter Allgemeine* и *die Welt*, посвященных назначению Энтони Блинкена на должность министра иностранных дел США, чтобы выявить особенности выражения в них модальности.

Модальные слова неоднородны, их можно разделить на единицы, характеризующие модальность действительности и единицы, выражающие модальность недействительности. К первым можно отнести angeblich, vermutlich, wahrscheinlich и др.

Например, «*Ein Vertrauter Bidens sagte, Blinken sei Bidens „wahrscheinlichste Wahl“ für das Amt*» [8]. / Согласно информации от доверенного лица Байдена, Блинкен – наиболее вероятный кандидат на должность. В приведенном примере модальное слово служит выражению степени уверенности в полученной информации. Оттенки уверенности/неуверенности автора, выражаемые модальными средствами, представляются своеобразными инструментами отсылки автора к иным источникам информации, как способ снятия ответственности, а значит, как способ скрытой оценочности.

Ко второй группе можно отнести: sicher, bestimmt, offenbar и ряд других.

Например, «*Der designierte amerikanische Präsident Joe Biden hat offenbar erste Entscheidungen über sein Kabinett getroffen*» [8]. / Избранный американский президент Джо Байден, очевидно, принял первые решения по составу своего кабинета;

«*Das Außenministerium vertraut er mit Antony Blinken offenbar einem früheren Mitarbeiter von Barack Obama an*» [8] / Министерство иностранных дел он, очевидно, доверяет Энтони Блинкену, бывшему сотруднику Барака Обамы.

В статье автор часто прибегает к использованию модального слова *offenbar*, подчеркивая высокую степень вероятности происходящего. Субъективная модальность представленных отрывков демонстрирует имплицитную оценку автора, его убежденность, которую он стремится передать читателю. Автор одновременно стремится к объективности суждения, пытаясь при этом обозначить свою позицию [6, с. 61].

Еще более высокая степень уверенности характерна для модального глагола *sollen*. Модальный глагол *sollen* является одним из главных маркеров уверенности, опознающих различные оттенки значения – от распоряжения об обязанности и назначений до совета и просто мнения.

Позиция в заголовке дополнительно усиливает степень убедительности высказывания «*Dieser Mann soll Joe Bidens Außenminister werden*» [8]. / «Этот мужчина станет министром иностранных дел Джо Байдена».

Sollen также используется для передачи информации от третьих лиц в косвенной речи, что часто можно наблюдать в информационных текстах: «*Antony Blinken soll Berichten zufolge wohl neuer US-Außenminister werden*» [11]. / Согласно сообщениям, Энтони Блинкен станет новым министром иностранных дел США.

Эпистемическое толкование глаголов *wollen* и *sollen* обусловливается мнением третьего лица, автор которого для *wollen* известен (сам субъект действия), для *sollen* автор мнения не известен. К примеру, на основании приведенных ниже отрывков мы можем получить информацию об источнике представленного суждения:

«Biden will die vielfältigste Regierung in der modernen Geschichte bilden» [8]. / Байден построит самое разностороннее правительство в современной истории.

«Biden will die Außenpolitik seines Landes neu ausrichten.» [11]. / Байден по-новому организует внешнюю политику своей страны.

«Biden wolle Antony Blinken zum Außenminister ernennen, berichtete die Nachrichtenagentur Bloomberg» [8] / Байден назначит Энтони Блинкена министром иностранных дел – сообщает информационное агентство Bloomberg.

При эпистемическом толковании модального глагола dürfen можно выделить значения «просьбы / возможности», и «предположения», как в нижеследующем примере. Форма конъюнктив II (dürfte) стилистически маркируется как «вежливая».

«Vielfalt dürfte also das Motto sein» [11] / Итак, девизом будет «разнообразие».

Представленный материал позволяет заключить, что модальность в информационном тексте выражает широкий спектр значений: передача степени уверенности, вероятности, осторожности и вежливости. Подводя итоги, можно сказать, все описанные средства характерны для информационных текстов. Модальность представляется важнейшей частью не только дискурса современных медиа, но и коммуникации в целом. Модальность – многофункциональная категория, отражающая малейшие оттенки значений с помощью разнообразных лексических и грамматических средств.

Список литературы:

1. Бондарко А. В. Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. Л.: Наука, 1990. 263 с.
2. Виноградов В. В. Исследования по русской грамматике. Избранные труды. М.: Наука, 1975. 559 с.
3. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: КомКнига, 2006. 144 с.
4. Ляпон Н. В. Модальность // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 685с.
5. Сапига Е.В., Репина М.В. Особенности выражения модальности в немецком газетном интервью // Культурная жизнь Юга России. 2014. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-vyrazheniya-modalnosti-v-nemetskom-gazetnom-intervyu> (дата обращения: 20.11.2020).
6. Татару Л.В. Нарративная модальность американских и российских таблоидных историй // Новый филологический вестник. 2012. №.1 (20). С. 56-67.
7. Colomo K. Modalität im Verbalkomplex. Bochum.: Bochumer Linguistische Arbeitsberichte, 2011. 350 S.
8. Dieser Mann soll Joe Bidens Außenminister werden // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 23.11.2020. URL: <https://www.faz.net/aktuell/politik/von-trump-zu-biden/usa-joe-biden-will-antony-blinken-zum-aussenminister-ernennen-17066146.html> (дата обращения: 23.11.2020).
9. Duden «Grammatik der deutschen Gegenwartssprache» / hrsg. u. bearb. von F. Münzberg, unter Mitarb. von S. Schmadel 9. Aufl. Bd. 4. Mannheim; Wien; Zürich: Bibliographisches Institut, 2016. 1344 S.
10. Jäntti A. Probleme der Modalität in der Sprachforschung. Jyväskylä.: University of Jyväskylä, 1989. 159 S.
11. Mierdorf N. Antony Blinken soll Joe Bidens Außenminister werden // Die Welt. 23.11.2020. URL: <https://www.welt.de/politik/ausland/article220775700/Joe-Biden-will-offenbar-Antony-Blinken-als-Aussenminister-nominieren.html> (date of access: 23.11.2020).

УДК 801.7+930.23

**СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ ТЕКСТ
КАК ОБЪЕКТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИЗУЧЕНИЯ**

Комуцци Людмила Владимировна
доктор филологических наук, профессор
Руденко Наталья Сергеевна
кандидат филологических наук, доцент

**THE TEXT OF SEVASTOPOL
AS THE SUBJECT OF INTERDISCIPLINARY RESEARCH**

Liudmila V. Komutstsi
Dr. of Science in Philology, associate professor
Natalia S. Rudenko
PhD in Philology, associate professor

АННОТАЦИЯ. «Севастопольский текст» – понятие, которое пока не было введено в научную практику. В данной статье оно определяется как многомерное, полифоническое лингвокультурное явление, органически связанное с богатейшей историко-культурной средой Средиземноморского мира. Задача статьи – теоретически обосновывать его междисциплинарный статус и принцип изучения, методологически информированный теориями нарратива, литературоведения и историографии. Помимо, собственно, нарративных, филологических категорий пространственно-временной перспективы или хронотопа, точки зрения и ритма повествования, мы опираемся на семиотическую концепцию городского текста В.Н. Топорова, дискурсивную концепцию метаистории Хайдена Уайта, геоисторическую философию истории Фернана Броделя. Авторы надеются, что предлагаемое рабочее определение Севастопольского текста откроет научную дискуссию среди ученых-гуманитариев, изучающих мир Средиземноморья, исходя из частных задач, определяемых спецификой их исследований и дисциплин.

Ключевые слова: Севастопольский текст, Средиземноморье, риторика историографического дискурса, геоисторическая среда, нарратив, текст культуры.

ABSTRACT. “The Sevastopol text” seems to be a concept that has not yet become a well-established term within scientific discourse. It is defined in the article as a multidimensional, polyphonic linguocultural phenomenon, organically connected with the rich historical and cultural environment of the Mediterranean world. The purpose of the article is to present a system of theoretical arguments for its interdisciplinary status and principles of study, which are informed by the theories of narrative, literary criticism and historiography. Aside from the categories of spatio-temporal perspective, or chronotope, the point of view, the rhythm of narration and some other operative terms of a merely narratological and philological nature, we draw on the semiotic concept of the urban text coined by V.N. Toporov, on Hayden White’s discursive conception of metahistory and Fernand Braudel’s geohistorical philosophy of history. The proposed working definition of the Sevastopol text is expected to become a subject of discussion among the scholars involved in the gripping world of the Mediterranean to solve their specific tasks with specific methods and approaches used in their disciplines.

Keywords: The Sevastopol text, the Mediterranean world, the rhetoric of historiographic discourse, geohistorical environment, narrative, the text of culture.

То, что история и культура Крыма органично связаны с историей и культурой Средиземноморья и мировой историей в целом, – мысль очевидная. Очевидно и то, что Севастополь являет собой один из центров развития цивилизационных процессов в этом широком контексте. Не удивительно, что об этом городе и окружающем его регионе

создавались и продолжают создаваться тексты научных, художественных, документальных и прочих жанров на разных языках. Эти тексты, начиная с древнегреческих эпиграфических источников (присяги херсонеситов, торговых проксений, надгробных надписей, граффити на керамических изделиях, посвященных богам) и фрагментарных описаний Херсонеса в сочинениях древнегреческих авторов [9] до новейших произведений историков, политологов, культурологов и авторов других родов деятельности из разных стран, порождают многомерную, многожанровую, многоязычную интертекстуально-дискурсивную среду, которая формирует «Севастопольский текст» как органическую часть гипертекста Средиземноморья.

При этом, как особый объект научного исследования Севастопольский текст пока не введен в научную практику, хотя сама категория городского текста русской литературы не является новшеством. Ее ввел академик В.Н. Топоров, который охарактеризовал текст Петербурга как «мощное полифоническое резонансное пространство, в вибрациях которого уже давно слышатся тревожные синкопы русской истории и леденящие душу “злые” шумы времени» [14]. Это «сфера смыслов» и «сверх-текст», вбирающий в себя как универсальные свойства дискурсов русской истории, культуры и литературы, так и неповторимо петербургские их признаки и функции. Последние, заключает академик, таковы: Петербургский текст есть «квинтэссенция жизни в “лиминальном” состоянии, на краю, над бездной, на грани смерти», в которой в то же время намечаются «пути к спасению» и содержится «пророчество на тему русской истории» [ibid.]. Еще не начав свое исследование Севастопольского текста, мы видим, что ему присущи схожие свойства и функции – Севастополь и Петербург родственны как приморские города, в которых сферы политической, экономической, военно-государственной, культурной жизни и истории достигают такой интенсивной лиминальности и символичности, что провоцируют рефлексия, действительно способную дать ответы на важные вопросы и помочь найти пути спасения.

Концепция В.Н. Топорова широко разрабатывается в российском литературоведении – проводится картографирование литературного пространства, на котором уже означены Московский текст, Саратовский, Сибирский, Кавказский, Крымский и другие «локальные тексты». Диссертационное исследование А.П. Люсого информирует: «локализация национального семиозиса в России отличается от региональных исследований на Западе тем, что каждый локальный текст представляет собой не какую-то сугубо региональную точку зрения, а попытку концептуального раскрытия всей России» [12, с. 13]. Для задач данной статьи работа А.П. Люсого тем более интересна, что одним из «локальных текстов», охарактеризованных в ней и в отдельной монографии [11], является текст Крыма. Этот же объект исследован в монографии С.О. Курьянова о его генезисе и функционировании в русской литературе X – XIX веков [8]. Анализ мифопоэтической концептуализации Крыма в поэзии Семёна Боброва, А.С. Пушкина, М. Волошина, в прозе В. Набокова, И. Шмелева и других авторов подтверждает, что «Крымский текст генетически является южным полюсом Петербургского текста» и соотносится с разными его уровнями [12, с. 293, 305], представая в разных своих инвариантах как оппозиция «земной Рай (Таврида) – эсхатологический мир, апокалиптический Ад». Только Севастополь на литературной карте Крыма в названных исследованиях особо не обозначен.

Убедительна также общая текстологическая концепция А.П. Люсого, в которой «локальные тексты» предстают не как отдельные локусы на пространственно-временной карте русской литературы, а как «процессуальные семиотические, находящиеся в постоянной продуктивной метаморфозе среды» и «узловые точки» ее развития. Обоснована исследователем и целесообразность данной концепции необходимостью определения специального метаязыка ее описания, сообразного литературоведческой методологии в ее семиотическом и культурологическом измерениях [12, с. 13].

Вдохновляющий пример междисциплинарного, но исходно филологического подхода к такому, казалось бы, глубинно-провинциальному, действительно локальному тексту, как небольшой город Балашов в Прихопёрском крае Саратовской области, дал его исследователь, филолог широкого профиля В.С. Вахрушев. В серии историко-литературоведческих статей и в книге «Большой, как солнце, Балашов...» он ввел представление о «Балашовском тексте» как части обширного провинциального текста (в Англии он называется текстом “локальным”). Балашов существует в виде отдельных фрагментов устных и письменных высказываний, реалий, памятников прошлого и тому подобных явлений». Читателю предлагается взглянуть «на местный ... материал ... с точки зрения региональной и одновременно в плане “космическом”. Только тогда может возникнуть стереоскопический взгляд на мир» [4, с. 5, 8]. Свою методологию В.С. Вахрушев называл историко-литературным краеведением и использовал ее, чтобы доказать «космическую» связь значимых локально краеведческих, исторических, биографических, архивных фактов о городе и крае, литературных текстов, в которых отражается Балашов, с ходом Российской и мировой истории. Само заглавие книги отражает его идейную установку – это строка из стихотворения Бориса Пастернака «Балашов» из его сборника «Сестра моя – жизнь» о революционном лете 1917 года, когда поэт приезжал в этот небольшой городок к любимой женщине и отразил смятение своих чувств в лирическом дневнике путешествия. Сравнение глухого провинциального городка с Солнцем и развернутая космическая метафора из другого топографически привязанного стихотворения, «Распад» (название железнодорожной станции под Балашовом), передают тревогу, восторг и исторические предчувствия лирического героя в «Поволжье мира» [ibid., с. 118-119]:

У звезд немой и жаркий спор:

Куда девался Балашов?

В скольких верстах? И где Хопёр?

И воздух степи всполошен:

Он чует, он впивает дух

Солдатских бунтов и зарниц...

Вписав Балашовский текст в контекст мировой культуры, филолог показал его как значимый своеобразный мир, семиотическую среду в ее пространственно-временном, одновременно синхроническом и диахроническом аспектах. Представляется, что Севастопольский текст с его несоизмеримо более значимой для Российской и мировой истории семиосферой культурных кодов (Лотман) достоин несоизмеримо большего внимания как единый объект междисциплинарного изучения.

Поставив таким образом проблему, далее мы рассмотрим некоторые важные для определения расширенного понимания городского, в нашем случае Севастопольского, текста методологические основания, которые позволяют данному понятию «не выйти из теоретических берегов» и остаться поддающимся филологически и, главное, текстологически информированному изучению.

Продуктивной основой для осмысления городского текста как нечеткого множества текстов разных функциональных сфер, созданных в течение долгого исторического периода, является нарратив, точнее, нарративный текст. Следует пояснить, что мы имеем в виду, в первую очередь, нарратив как универсальный инструмент знания, как способ объяснения событий, произошедших и происходящих в реальном мире, через наложение на них текстовой нарративной формы. Это общее понимание, принятое в современной, постнеклассической теории нарратива, которая стала огромным полем взаимодействия и взаимоотрицания множества векторов научной мысли, действующих в разных дисциплинах. Классический, структурный и коммуникативный, инструментальный анализ литературных повествовательных текстов при этом сохраняется и продолжает развиваться с учетом новых достижений когнитологии или без них, но практика нарративного анализа уже сильно расширила границы объекта, подключив к художественному тексту журналистские,

социальные, историографические, политические, бытовые и иные тексты, которые так или иначе отражают истории, влияющие на частные жизни людей и на глобальные тенденции жизни человечества.

Обращение к некоторым не литературным подходам к нарративу, в частности, социологическому и медиа-коммуникативному, показывает, что, адаптируя нарратив к своим целям, они игнорируют его эстетический потенциал. Однако, мы настаиваем, что анализ риторических приемов, с помощью которых устанавливается связь между текстовым самовыражением, как в эссе или автобиографии, изложением теории, фактов и нарративностью, важен. Этот принцип утверждает и Вернер Вольф, один из основателей новой интермедиальной нарратологии: *применение техник нарративного анализа к нелитературному материалу может быть продуктивным именно в отношении текстовых повествовательных техник и при полном понимании литературоведческих истоков самой теории нарратива* [17, с. 159]. Акцент на текстовое, дискурсивное измерение научных сочинений поставили еще раньше, в 1970-х годах, американские теоретики нарратологической критики исторического сознания – Артур Данто и Хайден Уайт [5; 15]. Благодаря им историография стала, по выражению С. Зенкина, «главным институциональным конкурентом художественной словесности» и «привилегированным материалом» изучения дискурсивной и нарративной природы научных сочинений [6].

Данто показал, что история описывается и реконструируется как система дискурсов, простейшей формой которых является хроника. Даже «простое» сообщение фактов хронистом обретает оценочность уже благодаря тому, что он *отбирает их для сообщения*. Дискурс собственно историка еще в большей мере является оценочным и идеологическим, поскольку он маркирован специфичными предложениями, которые “содержат ссылку, по крайней мере, на два разделенных во времени события” – на явно описываемые события прошлого и на имплицитные их последствия [5, с. 139]. Автор исторического описания знает, что произойдет, и это придает его тексту проспективность и ретроспективность, то есть свойства нарратива. Взаимосвязь двух событий – эксплицитного и обусловленного им имплицитного – реализует собой традиционную схему нарративной репрезентации реальности.

Книга Х. Уайта «Метаистория», посвященная, как гласит подзаголовок, «историческому воображению в Европе XIX века», напрямую обращается к эстетическому и нарративному измерению историографического дискурса [15]. Ключевым в ней является понятие *emplotment* – «осюжетивание» объективных (референтных) событий авторами исторических трактатов. Поднявшись над отдельными текстами философов истории XIX в., Уайт охарактеризовал их особый «историографический стиль», то есть «постоянный вид использования языка, с помощью которого объект исследования преобразуется в предмет дискурса» [ibid., с. 11]. *Emplotment* Уайта означает, что историк следует не синтагматике исторических событий, а своему «историческому воображению» – траектории мысли, в чем-то схожей с поэтическим актом, только он порождает не художественный вымысел, а нарративную репрезентацию, отражающую реальность. Такой дискурсивный акт связан с понятием мимесиса, он вводит события не в историческое, а в повествовательное время. Кроме того, методологический прорыв Уайта определялся тем, что он уподобил исторические трактаты и сами исторические события литературным жанрам – Роману, Комедии, Трагедии и Сатире – и выделил типы тропов, характерных для текстов выдающихся историков XIX в.: метафору, метонимию, синекдоху и иронию. Наложение идеальных схем четырех литературных жанров на хронологию исторического процесса обеспечивает связность повествования с его началом, серединой и концом, а тропически ориентированный стиль сближает исторический нарратив с поэтическим. При этом исторический нарратив – это не «языковая игра» с историческими фактами, а претендующее на объективность, идеологически определенное высказывание.

Задача описания Севастопольского текста в его историческом измерении, в его органических связях с историей и культурной средой Средиземноморья неизбежно диктует обращение исследователя к историческим трактатам. Самым информативным и многомерным из них является, конечно, фундаментальный труд французского историка, представителя школы «Анналов», Фернана Броделя «Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II» [2]. Бродель выбрал в качестве «исторического поля» (выражение из «Метаистории» Уайта) отрезок XVI века длиной в пятьдесят лет, и с помощью своего геоисторического метода создал «панорамный взгляд» на мир Средиземноморья, вместивший его географию, гидрографию, экономику, климатические факторы, торговые и миграционные процессы, социальную жизнь и другие «уровни истории» [2, с. 21]. Это новаторский подход к истории, принципиально отличный от концепции Уайта, который позволяет нам увидеть субстратные уровни его среды, а также понять, как акцентирование *пространственно-временного ритма* истории, «ритма великого дыхания» Средиземного моря, а не событий, позволяет показать важнейшие ее аспекты крупным планом.

Главным эстетическим и одновременно методологически обусловленным принципом исследования Броделя является изучение «величавой и медленной истории» – его «структур» – длительных периодов истории, больших циклов, которые требуют не «вертикальных» переходов от одного исторического уровня к другому, а рассмотрения «горизонтальных» связей между разными явлениями одного временного поля. Структурам противопоставлены «конъюнктуры» – краткосрочные периоды (*le temps bref*), собственно события, которые Бродель снисходительно, но образно, называет «пылью повседневности», «маленькими кусочками мозаики» [2, с. 17].

Для нарратолога чрезвычайно интересно заметить, что различению главных понятий Броделя – «*la longue durée*» (периода большой длительности) и «*le temps bref*» (краткосрочных периодов) – в анализе художественных нарративов соответствует категория темпоральности, точнее, различение разных темпов повествования. При ускорении темпа в художественном тексте происходит стяжение времени, создается общий план «с птичьего полета», и события предстают схематично – одним абзацем можно описать события целого года или века. Примерное соответствие времени реального и художественного замедляет темп – это происходит в «сценах», диалогах. Мир истории тогда изображается средним планом. Наконец, крупный план изображения останавливает ход повествования, создавая сильный психологический эффект погружения в мысли и эмоции персонажа, в его внутренний мир. Но крупные планы большой длительности в истории Броделя выполняют не психологическую или художественную, а методологическую функцию. Его описания – а это именно описания гор, равнин, морских путей, населения, образа его жизни и т.д. – как будто не повествовательны. Автор декларирует в Предисловии свой отказ от традиционного принципа «реалистической» событийности, иронически отстраняется от него, называя «героем повествования» Средиземноморье, а его историю – «обманчиво привлекательным сюжетом». Отказ от «осюжетивания» отдельных событий дает сильный эстетический эффект: стиль его трактата, уподобляясь своему денотату (= герою) в очень высокой степени поэтичен, просто эпичен – полон метафор, эпитетов, изобразителен, синтаксически вариативен и отмечен неспешным повествовательным ритмом:

«Но, к несчастью или к счастью, нашему ремеслу чужда восхитительная гибкость романа <...> Проще было бы описать неразрывную связь истории и пространства на другом примере, нежели Средиземноморье, тем более что в человеческом измерении биография Внутреннего моря в XVI столетии выглядит еще внушительнее, чем сегодня. Ее герой сложен, громоздок, неординарен <...> к этому герою неприменим добросовестный рассказ о событиях, как они происходили» [2, с. 15-16].

В первом Предисловии Бродель пытается охарактеризовать свой объект анализа – Средиземное море как «исторический персонаж». Задача представляется невыполнимой,

ведь ко времени написания книги в распоряжении его автора была «невообразимая масса» источников по Средиземноморью, как исторических, так и написанных географами, геологами, этнографами и т.д. Но для панорамного подхода Броделя все они оказывались «кусочками мозаики», хотя и имеющими отголоски в современности, но все же соотносимыми всего лишь с индивидами, с «деяниями государей и толстосумов» и быстротечным ритмом их повседневной жизни [2, с. 16-17]. Внимания историка больше достойно длительное время «структур», организующее порядок устойчивых отношений социальной жизни, который может быть «и опорой, и препятствием исторического движения» [1]. Самым сильным препятствием является «почти неподвижная история ... беспрестанно воспроизводимых циклов» взаимодействия человека с «географической средой»¹². Над ней протекает «медленный ритм» социальных структур истории, истории обществ и цивилизаций. Наконец, традиционная «история в ее индивидуальном измерении» ощущается как «пульсирующие колебания поверхности» [2, с. 20].

Во втором предисловии Бродель характеризует свой метод – метод фундаментального различения «глубинной» (географической и цивилизационной) и «поверхностной» событийной историй – как ценное средство познания и исследования [2, с. 25]. Это различие показывает, что трактат Броделя – все же историческое повествование, только актуальным повествовательным временем является время геоисторическое, медленный ритм которого определяет динамические взаимодействия цивилизационных циклических изменений и «пульсирующих» событий. Понимая революционность своего решения подняться над традиционным объектом истории – над отдельными событиями – и над мозаикой трудов по географии, социологии, и других наук, Бродель занял контролирующую пространственно-временную перспективу, которая позволила ему синтезировать их и ввести в проблемное поле философии истории.

Как видим, философия истории Броделя дает еще один продуктивный вектор для наших рассуждений о принципе определения любого объекта лингвокультурной среды Средиземноморского мира и, в частности, Севастопольского и Крымского текста как его органической части. Любое частное исследование этого текста становится «кусочком мозаики» на сложном полотне и, в идеале, каждый лингвист, историк, литературовед, социолог, политолог или представитель иной научной дисциплины вносит новый информационный фрагмент в его ткань, которая никогда не будет заполнена до конца. При этом каждое частное исследование опирается на частный метод, органичный его цели и предмету. Тем не менее, если такое исследование принимает во внимание междисциплинарные связи с другими областями знания, если оно сочетает узко дисциплинарный метод с пониманием универсальных категорий знания, релевантных для общего объекта, оно неизбежно расширяет как границы взгляда на этот объект, так и целевую аудиторию.

Мы уже писали выше, что для многих ученых-гуманитариев объединяющей их исследования методологией стала теория нарратива. Мы рассмотрели лишь две влиятельные концепции философии истории, одна из которых вводит в историографию нарративные категории сюжета и дискурса (стиля), а другая – категории пространственно-временной среды (хронотопа по Бахтину) и темпоральности. При этом, последняя (Броделевская) не отрицает «событийные сюжеты», а вплетает их в монументальный, циклический ритм исторического повествования, героем которого оказывается все-таки человек, а анти-героем (закулисным «деятелем», который в нарратологии называется актором) – географическая среда. Есть и социальная теория нарратива, принципы которой сформулировал Джером Брунер. Он представил нарратив как инструмент когниции, осмысления жизни («Нарратив

¹² Это понятие Бродель характеризует в сноске к Первой главе своего трактата, «Роль среды» [2, с. 30]. Географическая среда для него наполнена историческим содержанием как «настойчивый, умелый ... деятель», незаметно действующий «за кулисами истории человечества». Детерминируя, тормозя образ жизни людей, она в то же время толкает их на преодоление «тисков Природы».

имитирует жизнь, жизнь имитирует нарратив» [3, с. 10], индивидуальной идентичности и ее активного конструирования. Социологический подход показывает, что нарративы пронизывают социальное пространство, функционируя в нем в разных формах (типах) – как персональные (автобиографические), публичные (коллективные), концептуальные (научные) и метанарративы – глобальные драмы эпохи [16]. И это далеко не вся информация о том, как нарратив трактуется и используется в других общественно-гуманитарных науках.

Для филолога названные категории сюжета, стиля, пространственно-временной среды мира истории (текстового пространства), героя и антигероя, как и другие категории текста, являются традиционными инструментами анализа. Хотя нарративный анализ нехудожественных текстов еще не стал общепринятой, утвердившейся практикой в России, такие исследования уже есть [см. 7, 13 и др.]. Кроме того, у филологов есть еще множество специфических методов, разработанных в разных областях теории языка и теории дискурса, и они применяются к широкому спектру коммуникативных сфер, от художественной, публицистической, медийной, научной, официально-деловой до разговорно-бытовой. Соответственно, для филологов текстовый подход к такому своеобразному объекту, как текст Севастополя в контексте Крыма и макрорегиона Средиземноморья является оптимальным.

Исследователи исторических, политических, социальных, экономических и иных закономерностей, исследователи культуры имеют дело не только с текстами-источниками, но и с невербальными текстами – памятниками, археологическими находками, музейными архивами и экспонатами, планами городской застройки и прочими материальными объектами, а также ритуалами, танцами, театральными системами и т.д. Природно-климатическая среда, геологический и ботанический миры, географические карты региона изучаются в рамках соответствующих, естественно-научных дисциплин. Возможно, не все гуманитарии и естественники знают, что в семиотике все эти объекты, как культурные, так и природные, суть *тексты*, знаковые системы, только их коды присущи иным, не вербальным средам. Из этого, широкого понимания текста исходил В.Н. Топоров, тексты как знаки культуры всесторонне описал и Ю.М. Лотман в своей концепции семиосферы и моделей культуры. Оба эти филолога – крупнейшие представители Московско-Тарутской семиотической школы 1960-80х годов (Топоров – Московской, а Лотман – Тартуской, если точнее). Лотман, в частности, дал такое определение текста культуры: «текст предстает перед нами не как реализация сообщения на каком-либо одном языке, а как сложное устройство, хранящее многообразные коды, способное трансформировать получаемые сообщения и порождать новые, как информационный генератор, обладающий чертами интеллектуальной личности» [10, с. 132].

Итак, Севастопольский текст, текст Крыма и гипертекст Средиземноморского мира, как и любой «локальный» сверх-текст, представляет собой один из великих текстов культуры – сложную семиотическую и дискурсивную систему текстов, созданных в ходе его истории и существующих как природные реалии. Это семиосфера, в которой действует модель культуры, имеющая общие характеристики с моделями культур России и зарубежных стран Средиземноморья и свои отличительные признаки, которые делают данную семиосферу уникальной. Она хранит и продолжает генерировать тексты, сообщающие нам «большие данные» информации на разных языках-кодах. Эти тексты складываются в мозаику фрагментов общей картины мира, они создают полифонию голосов, услышать и расшифровать которые – задача не только филологов, но и представителей разных научных дисциплин. Охватить всю картину даже коллективными интеллектуальными усилиями – задача, которую вряд ли можно когда-то завершить, но если принять исходно различие между медленным ритмом геоистории Средиземноморья и коллективными или индивидуальными ритмами жизней и деяний его представителей, если видеть, как конкретные истории вплетаются в ритм великого исторического повествования,

исследователь имеет больше шансов взглянуть на наш объект, или на актора Средиземноморского метанарратива, стереоскопически и эстетически.

Список литературы:

1. Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории. Под ред. И.С. Кона, РИО БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000 (переиздание 1963). С. 115–142. <http://abuss.narod.ru/Biblio/braudel.htm> (дата обращения: 19.01.21).
2. Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. В 3х частях. Ч. I. Роль среды. М.: Языки славянской культуры, 2002. 496 с.
3. Брунер Дж. Жизнь как нарратив // Постнеклассическая психология. 2005 № 1. С. 9–29.
4. Вахрушев В.С. «Большой, как солнце, Балашов...» (очерки по истории и культуре среднего Прихопёрья). Балашов: Издательство «Николаев», 2007. 268 с.
5. Данто А. Аналитическая философия истории / Пер. с англ. А.Л. Никифорова и О.В. Гавришиной под редакцией Л.Б. Макеевой. М.: Идея-Пресс, 2002. 289 с.
6. Зенкин С. Критика нарративного разума. «НЛО». 2003/1. № 59. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2003/1/kritika-narrativnogo-razuma.html> (дата обращения: 15.01.2021).
7. Комуцци Л.В. Эстетика публицистического нарратива // Эстетика журналистики / А. И. Беленький [и др.]; под ред. М. А. Бережной. – СПб.: Алетейя, 2018. С. 85 - 102.
8. Курьянов С.О. «...Тайный ключ русской литературы»: генезис, структура и функционирование Крымского текста в русской литературе X-XIX веков. Симферополь: Бизнес-информ, 2014. 424 с.
9. Лесная Е.С. Херсонес Таврический и Эгейская Греция: письменные и эпиграфические источники по истории взаимоотношений // Причерноморье. История, политика, культура. Вып. VIII (III). Серия А. 2012. С. 189–195.
10. Лотман Ю.М. Семиотика культуры и понятие текста // Избранные статьи. Т. 1. Таллинн: Александра, 1992. С. 129–132.
11. Люсый А.П. Крымский текст в русской литературе. СПб.: Алтейя, 2003. 314 с.
12. Люсый А.П. Русская литература как система локальных текстов. Дисс. ... д. филол. наук. Москва, 2017. 341 с.
13. Татару Л.В. Нарратив и культурный контекст. М.: URSS, 2011. 288 с.
14. Топоров В.Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» // Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. – М.: Издательская группа «Прогресс» - «Культура», 1995. С. 259–367. URL: http://philologos.narod.ru/ling/topor_piter.htm (дата обращения: 18.01.21).
15. Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века / Пер. с англ. под редакцией Е.Г. Трубиной и В.В. Харитонова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. 528 с.
16. Somers M.R., Gibson G.D. Reclaiming the Epistemological ‘Other’: Narrative and the Social Constitution of Identity // Craig Calhoun (ed.), Social Theory and the Politics of Identity. Oxford UK & Cambridge USA: Blackwell, 1994. P. 37–99.
17. Wolf W. Narratology and Media(lity): The Transmedial Expansion of a Literary Discipline and Possible Consequences / Current Trends in Narratology, ed. Greta Olson. Berlin: De Gruyter, 2011. P. 145–180.

УДК 94(47).073.5+355.415.6«1853/1856»

**ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ УЧАСТИЯ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ВРАЧЕЙ В
КРЫМСКОЙ ВОЙНЕ (1853–1856)**

Лобков Александр Евгеньевич
кандидат филологических наук, доцент

**QUELLEN ZUR GESCHICHTE DER TEILNAHME VON DEUTSCHSPRACHIGEN
ÄRZTEN AM KRIMKRIEG (1853–1856)**

Alexander Je. Lobkov
PhD (Kandidat der Philologie), dozent

АННОТАЦИЯ. Служба немецких врачей в Российской империи в годы Крымской войны 1853–1856 гг. относится к числу неизученных ее эпизодов. На военно-медицинскую службу в годы войны поступили около 80 немецких докторов и хирургов. Этот факт до сих пор остается малоизвестным общественности России и Германии. Сохранившиеся воспоминания и письма врачей, а также ряд других материалов, опубликованных в немецкой прессе в середине 50-х – начале 60-х гг. XIX в., являются ценным источником сведений об условиях приема немецких врачей на русскую службу, об их деятельности по уходу за больными и ранеными, об организации и работе российской медицинской службы в годы Крымской войны. Изучение этих материалов позволяет в некоторой степени восстановить картину службы немецких врачей в русской армии, прояснить неясные моменты в организации медицинской помощи больным и раненым в Крымскую войну и наметить пути дальнейших исследований.

Ключевые слова: Крымская война, Севастополь, история медицинских взаимоотношений, Ф.С. Гойдтнер, Г. Хауф, К.А. фон Шёнхуб, А. Рауш

ZUSAMMENFASSUNG. Im Beitrag geht es um den Dienst der deutschen Ärzte im Russischen Zarenreich während des Krimkrieges 1853–1856. Die Gesamtzahl der in den russischen Militärdienst getretenen deutschen Doktoren und Wundärzte belief sich auf ca. 80 Mann. Diese Tatsache scheint in der russischen und in der deutschen Öffentlichkeit viel zu wenig bekannt zu sein und das Thema des Einsatzes von deutschsprachigen Ärzten selbst bleibt noch unerforscht. Sowohl Erinnerungen und Briefe der Ärzte, als auch andere Materialien, die in der deutschen Presse der Mitte der 50er – Anfang der 60er Jahre des XIX. Jahrhunderts veröffentlicht wurden, sind eine wertvolle Quelle über die Bedingungen des Dienstesintritts von deutschen Ärzten und der von ihnen gespielten Rolle in der Krankenpflege sowie über die Organisation und Tätigkeit des russischen medizinischen Dienstes im Krimkrieg. Die Einbringung dieser Dokumente in den wissenschaftlichen Umlauf ermöglicht es, das Bild des Dienstes deutscher Ärzte in der russischen Armee zu einem gewissen Grad zu rekonstruieren, die Gestaltung des russischen Militärsanitätswesens während des Krimkrieges zu präzisieren und die Richtungen der weiteren Forschung festzulegen.

Schlüsselwörter: Krimkrieg, Sewastopol, Geschichte der russischen Medizin, Geschichte der medizinischen Wechselbeziehungen, F.S. Geudtner, H. Hauff, K.A. von Schönhub, A. Rausch.

ABSTRACT. The service of German doctors in the Russian Empire during the Crimean war (1853–1856) is one of its little-known and unexplored episodes. About 80 German doctors and surgeons joined the medical service of the Russian army during the war. The preserved memoirs and letters of physicians, as well as a number of other materials published in the German press in the late 1850s and early 60s are a valuable source of information about the conditions of admission of German doctors to the Russian service and their work in hospitals, as well as about the organization and activity of the Russian medical service during the Crimean war. The study of the sources enables us to restore to some extent the picture of the service of German doctors in the Russian army, to clarify specific moments in the organization of medical care of the sick and

wounded in the Crimean war and to outline ways for further research.

Keywords: Crimean war, Sevastopol, history of medical relations, F.S. Geudtner, H. Hauff, K.A. von Schönhub, A. Rausch.

Einleitung. Eine umfassende Geschichte der Teilnahme von ausländischen Ärzten auf russischer Seite während des Krimkrieges 1853–1856 ist noch nicht geschrieben. Mehr als 120 Fremdärzte waren von der russischen Regierung in den Jahren des Krimkrieges zwischen 1853 und 1856 angeworben worden, um den Bedarf an Militärärzten dringend zu decken. In diesem Zusammenhang beeinflussten ausländische Ärzte die öffentliche Meinung der Länder, die eine wohlwollende Neutralität gegenüber dem Zarenreich gewahrt hatten, im Sinne Russlands, positiv. Briefe, Tagebücher und Erinnerungen ausländischer Ärzte prägten überwiegend ein positives Bild Russlands und der russischen Soldaten im Krimkrieg und dienten gleichzeitig als kritische Stimme unter den auf dem Informationsfeld dominierenden Nachrichten britischer und französischer Korrespondenten und dienen daher überwiegend als Quellen für diese Thematik.

Die berühmte „deutsche Herrschaft“ in Russland und die zwei von den Deutschen entfesselten Weltkriege haben zum Verschweigen und Verschleiern der Rolle der deutschen Ärzte während des Krimkrieges geführt. Um sie untersuchen, ist es im Folgenden notwendig, einen Überblick über die erhaltenen und mir zugänglichen Quellen und deren Informationswerte zu geben, um die Aufmerksamkeit auf die zu diesem Thema in deutschen und russischen Archiven möglicherweise vorhandenen Dokumente und Materialien zu lenken.

Hauptteil. Die meisten Ärzte (ca. 80) kamen aus den deutschsprachigen Ländern – Bayern, Preußen, Sachsen, Württemberg, Kurhessen und einigen anderen [2]. Es wurden auch ca. 40 Ärzte aus den USA und mehrere Doktoren aus Holland engagiert. In diesem Zusammenhang stellt sich auch die Frage nach dem sozialen Miteinander der deutschen und amerikanischen Ärzte im russischen Dienste untereinander und nach dem Verhältnis zwischen den russischen Medizinern und ihren ausländischen Kollegen. Die Ursachen für Sympathie und Antipathie zwischen Ärzten verschiedener Nationen brauchen meiner Meinung nach eine spezielle Untersuchung, die ich an dieser Stelle nicht erbringe [3].

Der größte Teil der ausländischen Ärzte wurde in verschiedene Spitäler auf der Krim kommandiert, wo am heftigsten gekämpft wurde. Einige Fremdärzte dienten auch an anderen Kriegsschauplätzen in südlichen Provinzen Russlands, in Ostseeprovinzen und in Finnland.

Die Zahl der Doktoren aus deutschsprachigen Ländern war in Russland immer sehr hoch. Dabei wurde oft kein Unterschied zwischen den deutschen und russlanddeutschen Ärzten gemacht. Besonders berühmt war im XIX. Jahrhundert die medizinische Fakultät der deutschsprachigen Universität in Dorpat (Estland) im Russischen Kaiserreich. Die Dominanz der Deutschen in allen Bereichen des gesellschaftlich-politischen Lebens Russlands, nicht nur im Medizinwesen, hat seit der Mitte des XIX. Jahrhundert die sogenannte „deutsche Frage“ im Zarenreich ins Leben gerufen, deren Lösung die russischgesinnten Vertreter aus den Regierungskreisen in der Abschaffung aller Privilegien und Russifizierung der in Russland lebenden Deutschen sahen.

Überraschend, trotz des propagandistischen Vorteils, haben die Erwähnungen der Beteiligungen deutscher Ärzte am Krimkrieg in russischen Quellen überwiegend negativen Charakter. Die Historiker beziehen sich oft auf das Buch von Ch. Hübbenet „Umriss des Medizinal- und Krankenhauswesens russischer Truppen auf der Krim in den Jahren 1854–1856“ (1870) (in deutscher Übersetzung von 1871: „Die Sanitätsverhältnisse der russischen Verwundeten während des Krimkrieges in den Jahren 1854–1856“). Prof. Hübbenet schreibt: *“Die ausländischen Aerzte, wenn auch unter ihnen einzelne tüchtige Leute anzutreffen waren, konnten schon aus Mangel an Sprachkenntniss unseren Soldaten und im Hospitaldienst nicht den Nutzen bringen, wie unsere Aerzte. Meist waren es aber junge Leute ohne alle Erfahrung, ja theilweise mit sehr mangelhaften Kenntnissen und mit wenig Liebe ihrer Sache ergeben, – natürlich mit einzelnen ehrenwerthen Ausnahmen. Nur ein geringer Theil von ihnen war in Operationen geübt, aber ein eigentlich erfahrener Chirurg war Niemand. Die Amerikanischen Aerzte, obgleich mit unsern Hospital*

Verhältnissen und unserer Receptur und Pharmakopoe ganz unbekannt, waren indess meist zu den Operationen zu gebrauchen” [21, S. 23].

Ob solche Bewertung wirklich objektiv und gerecht ist, bleibt eine zu überprüfende These, die sich kaum beantworten lässt, weil kein ausreichendes Beweismaterial für die Untauglichkeit einiger deutscher Ärzte zur Verfügung steht. Zudem starben ca. 30 ausländische Ärzte während des Krieges an Krankheiten. Der mangelnden Tauglichkeit widerspricht, dass viele ausländische Doktoren mit Medaillen und Orden ausgezeichnet wurden. Zudem blieben einige deutsche Ärzte nach dem Krieg in russischen Diensten oder arbeiteten als frei praktizierende Ärzte in verschiedenen Regionen Russlands.

In Briefen und Erinnerungen von deutschen oder amerikanischen Ärzten gibt es keine Beweise oder Andeutungen über professionelle Untauglichkeit oder mangelnde Kompetenzen. Im Gegenteil, Pirogow, in seinem berühmten Werk “Grundzüge der allgemeinen Kriegschirurgie” bemerkt, dass das chirurgische Alphabet nicht nur russische, sondern auch deutsche und amerikanische Ärzte nicht voll beherrscht haben.

Aber im Unterschied zu deutschen Doktoren wird die Arbeit von amerikanischen Ärzten durchaus positiv eingeschätzt. Die politischen und wirtschaftlichen Interessen der USA und Russlands im XIX. Jahrhundert stimmten in der Regel überein und beide Länder betrachteten daher einander als Verbündete. Der Beteiligung der amerikanischen Ärzte am Krimkrieg sind einige Artikel und Buchkapitel gewidmet und die erwiesene Hilfe wird bis heute immer wieder als Beispiel der freundlichen Beziehungen zwischen den beiden Nationen erwähnt [1], [13], [30].

Eine wichtige Quelle stellt das Vertragsmuster dar, das in der Presse publiziert wurde, mit den Anmerkungen über die Besonderheiten des Dienstes in Russland [26], [27], [28]. Der russische Militärbevollmächtigte in Berlin, Herr Graf von Benckendorff, war damit beauftragt, mit den Ärzten Verträge abzuschließen. Die Bedingungen waren attraktiv: Der monatliche Gehalt eines promovierten Arztes betrug 120 Silberrubel, der eines Wundarztes – 60 Silberrubel. Ferner brauchten deutsche Ärzte kein russisches Staatsexamen abzulegen und hatten das Recht einer vierwöchentlichen Kündigung, freie Hin- und Rückreise, einen entsprechenden Offiziersrang und das Recht einer Zivil- oder Militärpraxis im Russischen Zarenreich nach Beendigung des Krieges. Das Vertragssystem und hohe Gehälter wurden von russischen Ärzten als Beleidigung wahrgenommen, was unweigerlich eine Abneigung gegen ausländische Mediziner zur Folge hatte [21, S. 23]. Da der Abschluss des Vertrages in der russischen Mission in Berlin (Preußen) erfolgte, werden die deutschen Ärzte in russischen Diensten in der Literatur oft verallgemeinert als preußische bezeichnet, obwohl, ich betone noch einmal, sie aus verschiedenen deutschen Staaten stammten.

Einem publizierten Vertragsmuster wurde folgende Notiz hinzugefügt: *“Es ist weltbekannt, dass in Russland, was vom Kaiser direkt ausgeht und von ihm direkt gehandhabt wird, nobel und ehrenhaft gehalten wird. So wie es aber in die Hände der Militär- oder Civilbeamten gelangt, wird das Meiste eitel Trug und Täuschung. Kein Kontrakt gibt Schutz; kein auch noch so heiliges Versprechen sichert vor der Willkür, der Habsucht und Bestechlichkeit der Beamten, besonders derer, die die Auszahlungen zu machen haben. Ist der deutsche Arzt erst in Russland und in russischem Dienste, so ist er der Gnade und Ungnade der habsüchtigen Beamten preisgegeben. Will er klagen? Wo? Bei den russischen Generalen oder bei seinen unmittelbaren Oberen? Jeder weiss, dass solche Klagen für den Kläger fast immer zum Nachtheile ausfallen. Beim Kaiser klagen? Allerdings, wenn irgend möglich! Aber „der Kaiser ist zu weit und Gott ist zu hoch“ heisst es in Russland. Beim Gesandten des eigenen Landes? Aber der Gesandte kann sich nicht mehr einmischen, denn der in Dienst Genommene ist russischer Unterthan, so lange der Dienst dauert. Obenstehender Kontrakt ist also sehr windbrüchig. Es ist noch schwerer, aus Russland wieder heraus – als hineinzukommen und der angeworbene Fremde, sei er Arzt oder nicht, ist nicht blos gemiethet, sondern, wenn ihn nicht grosse Konnexionen schützen, auch geknechtet” [27, S. 42–43].* Natürlich ist diese Notiz als Warnung vor trügerischen Perspektiven des Dienstes in einem fremden Land zu verstehen.

Im Januar 1855 tauchten in deutschen Zeitungen Berichte über angeblich 100 angeworbene deutsche Ärzte für die russische Armee auf. Als Reaktion auf diese Nachricht wurde im „Fränkischen Kurier“ eine Warnung an junge Ärzte von Dr. Heine aus Zöribig veröffentlicht, indem er eigene negative Erlebnisse aus seiner Russlandreise in 1828 mitteilte, als er der lukrativen Einladung der russischen Regierung während des russisch-türkischen Krieges folgte [9].

Diesem Zeitungsartikel wurden russische Sprichwörter hinzugefügt, die nach der Meinung des Redakteurs russische Kultur und soziales Leben vortrefflich charakterisierten: *“Ist man Fisch, so wird man geschuppt, ist man Vogel, so wird man gerupft”, “Der Weg von Petersburg nach Sibirien ist kürzer als der von Sibirien nach Moskau”, “Wer mit einer silbernen Sichel mäht, mäht doppelte Garben”, “Mit einer goldenen Stange springt man selbst über das Meer”, “Wer mit goldenen Stiefeln geht, der kann Werstschritte machen”, “Von dem Fasten redet des Popen Mund, von einem guten Tisch des Popen Bauch”* [9, S. 2]. Als Quelle der angeführten Sprichwörter ist ein Aufsatz über russische Sprichwörter in „Ostdeutschen Athenäum“ angegeben.

In einem Schreiben vom Kriegsberichterstatte der „Kölnischen Zeitung“ Moritz Hartmann wird es über Schicksale der deutschen Ärzte in der russischen Armee in Bukarest informiert. Es ging um die Ärzte, die den russischen Dienst noch vor der Einführung des Vertragssystems antraten. Manche Ärzte, die mächtigen Schutzherren hatten, erhielten einträgliche Plätze. Aber die meisten *“versanken von dem Momente an, da sie sich in russische Dienste begaben, neben der eingegangenen Slaverei in erbarmungswürdigste Elend. Man zahlte ihnen keinen Sold aus, und wenn sie sich beklagten, wurden sie als Querulanten zurückgewiesen oder auf das Ende des halben Jahres und nach Ablauf des halben Jahres auf das Ende des ganzen vertröstet. Mit manchen kam es so weit, daß sie von den Almosen ihrer Civil-Collegen in Bukarest leben mußten”* [12, S. 2]. Der Korrespondent warnt vor spezifischen russischen Verhältnissen und vor einem blinden Vertrauen in scheinbar sehr lockenden Versprechungen.

Hartmanns krasse Schilderungen wurden in deutschen Zeitungen nachgedruckt. Aber wie oft ist es üblich – ohne Autorennamen, ohne genaue Quellenangabe und verkürzt [6]. Hier sei zu betonen, dass die Feststellung der Erstveröffentlichung ein sehr komplizierter Vorgang ist, der das detaillierte Vergleichen vieler Zeitungsberichte erfordert.

Nach dem Prinzip „Stille Post“ wurde die Ausgangsmittelung von Hartmann so verändert, dass es in einigen Zeitungen um einen thüringischen Arzt ging, der sich für den russischen Dienst (*“für die Moskowiten”*) in Bukarest anwerben ließ, aber bei der ersten Möglichkeit seinen Dienst in elenden Verhältnissen verließ [16]. Diese Erzählung des ungenannten Arztes wird mit einem moralischen Kommentar versehen: Man sollte sich durch verlockende Versprechungen nicht blenden lassen, *“also mögen die Herren Mediziner bei Zeiten an's Sprichwort denken: “Bleib im Land und nähre dich redlich”: denn selbst ärmlich ist noch besser als russisch”* [15, S. 108].

Jede Kultur hat eigene Stereotype und Vorurteile der anderen gegenüber, die den Kommunikationsprozess erschweren oder sogar verhindern. Trotz solcher abschreckenden Warnungen traten viele deutschsprachige Ärzte in russische Dienste. Ihre Krimkriegs- und Russlanderfahrungen bilden einen wertvollen fremden Blick auf die russische Kultur. Er stellt unauffällige Abläufe, ritualisierte Verhaltensweisen, selbstverständliche Einstellungen und Umgangsformen fest, also vieles, was den Alltag prägt und was für unsere eigene Kultur üblich und normal ist, aber dabei meistens für uns selbst unbewusst bleibt. Deshalb helfen die Mitteilungen der deutschen Ärzte aus der Krimkriegszeit dem tiefgehenden Verständnis unserer eigenen Kultur. Der fremde Blick als Scharfeinstellung auf die russische Medizinkultur ist im Licht der modernen Theorie der interkulturellen Kommunikation von großer Aktualität.

Einer der ersten Verträge mit der russischen Regierung schloss der sächsische Arzt Franz Sigismund Geudtner ab. Er teilte seine Erfahrungen im russischen Dienste in einer bemerkenswerten Schrift *“Vier Monate in Sebastopol”* (1855) mit. Gleich am Anfang seiner Schrift fasst er die Gründe, die ihn bewegt haben, einen solchen Vertrag einzugehen, folgendermaßen zusammen: *“Ende December vorigen Jahres [1854] erfuhr ich durch Herrn Hofrath Bech, daß die Kais. Russische Regierung Aerzte für die Krimm engagiere und daß die gestellten Bedingungen*

sehr annehmbar seien. Da ich nun schon lange Sehnsucht nach der Krim hatte, auch gern einen Krieg, besonders wie der Krimische, wo ich die Belagerung einer Festung, Land- und Seeschlachten beisammen hatte, mitmachen wollte, so resolvirte ich mich schnell und schloß unter Vermittelung des Herrn Dr. Hedenus in Dresden mit dem Kais. Russischen Gesandten vorläufig ab. Am 5. Januar h.a. [1855] reiste ich nach Berlin, schloß mit dem Bevollmächtigten Sr. Maj. des Kaisers Nicolaus, Herrn General Benckendorf, den Vertrag welcher mir freie Hin- und Herreise, monatlich 120 Rubel Silber Gehalt, die Stellung eines Oberarztes mit Oberoffiziersrang und noch 4wöchentliche Kündigung nach meinem Gefallen gewährte, fest ab... [17, S. 3]. Man kann sehen, dass romantische Vorstellungen und das materielle Interesse hier eng verflochten sind.

In seinem Aufsatz beschreibt Dr. Geudtner Reiseerlebnisse von Berlin durch Warschau und Kiew in die Krim sowie Eindrücke über Arbeit im Spital auf der Nordseite Sewastopols. Seine Aufzeichnungen enthalten viele interessante Beobachtungen aus dem russischen Alltag und Sitten. Große Aufmerksamkeit widmete er der Organisation der Krankenpflege und der Rolle der Barmherzigen Schwestern. Auch beschreibt er die „Plagen Russlands“ – *“Flöhe, Läuse, Wanzen, Fliegen, die fehlenden Apartements, die Extra-Postwagen und die Juden”* [17, S. 15].

Eine weitere wertvolle Quelle zur Geschichte der Organisation der medizinischen Versorgung in Sewastopol stellt der Brief „Die russische Krankenpflege in Sebastopol“ (vom Juni 1855) eines ungenannten deutschen Arztes dar, der zuerst in der Augsburger „Allgemeinen Zeitung“ (5. Oktober 1855) [10] veröffentlicht wurde und dann in der Berliner „Allgemeinen Medicinischen Central-Zeitung“ (20. Oktober 1855) [11] nachgedruckt wurde. Im Brief werden drei Militärhospitäler Sewastopols auf der Nordseite, der Stadtseite und der Schiffsseite betrachtet und die Organisation der Verwundeten- und Krankenpflege sowohl das Institut der Barmherzigen Schwestern im Vergleich mit dem Institut der Krankenwärter und die Behandlung von Wunden charakterisiert. Dieser Brief zog die Aufmerksamkeit nicht nur der Ärzte, sondern auch des breiten Publikums in verschiedenen Ländern, auf sich. Sofort erfolgten Übersetzungen des Briefes in Niederländisch, Englisch und Französisch, die in der fachmedizinischen Presse publiziert wurden. Die etwas gekürzte russische Übersetzung wurde in „Sankt-Petersburgskie Vedomosti“ (№217, 1855) unter dem Titel „Bericht eines deutschen Arztes über das Hospitalwesen in Sewastopol und über die Barmherzigen Schwestern der Gesellschaft der Kreuzeserhöhung“ publiziert. Hier ist es interessant nachvollziehen, was in der russischen Übersetzung weggelassen ist, z. B. (die vom russischen Übersetzer oder dem Zensor ausgelassene Textstelle ist im folgenden Auszug mit eckigen Klammern gekennzeichnet): *“Den entschiedensten Gegensatz zu dem Schwestern Institut bildet das Institut der Krankenwärter, deren in der Regel 10 bis 12 auf eine Abtheilung von 200 Kranken kommen. Sie gehören meist jenem höhern Lebens alter an, <in welchem die Körperkräfte so ziemlich erschöpft sind, dagegen die Vorliebe zu Spirituosen in einem Grad vorherrschend ist daß nicht selten ein disciplinarisches Einschreiten nothwendig wird, und sie unter die specielle Aufsicht eines tüchtigen Unterofficiers gestellt sind>”* [10, S. 4434].

„Mittheilungen aus dem Krim-Feldzuge“ des württembergischen Doktors Hans Hauff (1830–1859) sind die wichtigste und aussagekräftigste Quelle zu den russischen Krankenpflegeverhältnissen während des Krimkrieges. „Mittheilungen“ wurden im „Medicinischen Correspondenz-Blatt des Württembergischen Ärztlichen Vereins“ (№11–14, 1859) vollständig und in der Berliner „Allgemeinen Medicinischen Central-Zeitung“ (№38–40, 1859) teilweise publiziert [19], [20]. Dr. Hauff begann seinen Dienst im Februar 1855 im Hospital der Schiffervorstadt Sewastopols. Im Juli 1855 ließ er sich aus der belagerten Stadt ins Spital in der Stadt Priluki im Gouvernement Poltawa versetzen. Nach seiner Aufhebung im August 1856 blieb Hauff in russischen Diensten und bekam eine Stelle des älteren ordinierenden Arztes in einem Militärhospital in St. Petersburg. Der Verfasser gibt in seinen Aufzeichnungen über seine dienstlichen Pflichten als Abteilungsarzt nähere Aufschlüsse und teilt Beobachtungen über die Kampfereignisse, Wunden, Krankheiten, Behandlungsmethoden und Krankenhäuser mit. Hochinteressant sind seine Bemerkungen über zwei bedeutende russische Ärzte des Krimkrieges – Nikolaj Pirogow (1810–1881) und Christian Hübbenet (1822–1873), deren Arbeit und Heilungsmethoden Hauff unmittelbar

beobachten konnte. In einem Vergleich geht er auf die starken und auf die schwachen Seiten beider Ärzte ein und kommt zu folgender Schlussfolgerung, dass *“Pirogoff zwar ein ausgezeichneter Operateur, Diagnostiker und Anatom sei, in der Behandlung aber eigenthümlich zu Werke gehe, Uebelstände, die sich bei derartigen Grössen leider nur zu häufig finden. Hüvenett, der als Professor der gerichtlichen Medicin in Kiew fungirte, stand und steht P. in mancher Beziehung unzweifelhaft nach, bei seinen ersten Operationen namentlich sah man ihm so gut als unser Einem den Neuling an, aber die Art, wie er die Oberleitung der Nachbehandlung durchführte, war ebenso von unzweifelhaft besserem Erfolge”* [19, №13, S. 97]. Für die Geschichte des russischen Medizinalwesens während des Krimkrieges sind die ausführlichen Mitteilungen von Hauff von großer Bedeutung.

Aus den Publikationen der 50er und 60er Jahre lässt sich das tragische Schicksal von zwei bayerischen Doktoren verfolgen. Einer davon war Karl August von Schönhueb (1818–1855). Er hatte eine große Familie zu ernähren, und offenbar haben finanzielle Gründe ihn bewegt, Anfang 1855 in den russischen Dienst einzutreten. Kurz nach seiner Ankunft in Sewastopol wurde er am 9. April 1855 als Dujour-Arzt auf dem Verbandspunkt des Hospitals der Schiffervorstadt von einem Bombensplitter tödlich getroffen. Über die Einzelheiten seines Todes und Begräbnisses berichten alle drei oben genannte Quellen. Die näheren Umstände des Todes werden auch im detaillierten Bericht eines deutschen Arztes und unmittelbaren Augenzeugens in der *“Donau-Zeitung”* dargestellt [5]. Die russische Regierung ließ seine Witwe mit vier unmündigen Kindern nicht im Stich. Laut einem Zeitungsbericht wurde ihr *“vorläufig als erste Gnade”* von russischer Seite das Jahresgehalt ihres Mannes auf ein Jahr zugesichert [7, S. 367]. Dann gaben die Zeitungen bekannt, dass Schönhubs Witwe auf Lebensdauer von der russischen Regierung eine Pension ausgesetzt worden war [8].

Für den jungen Doktor Albert Rausch (1830–1856) waren die finanziellen Gründe auch maßgeblich für seine Entscheidung, nach Russland als Militärarzt zu gehen. Nach dem frühen Tod ihres Mannes war Rauschs Mutter gezwungen, selbstständig Geld zu verdienen, um dem Sohn und fünf Töchtern eine ordentliche Bildung zu geben. Die attraktiven Vertragsbedingungen gaben dem jungen Doktor eine gute Möglichkeit, seiner Familie zu helfen. Im Frühling 1855 kam er auf die Krim und diente zuerst in einem Hospital in Sewastopol und dann in Simferopol. Über seine ärztliche Tätigkeit und Kriegserlebnisse kann man aus seinem Brief nach 9 Monaten des Dienstes erfahren, der in der Zeitung *“Fränkischer Kurier”* publiziert wurde [23], [24]. Insbesondere berührt er die Frage der Kommunikationssprache und gibt zu, in der Erlernung der russischen Sprache gescheitert zu sein: *“Ja da muß ich Dir freilich – ob aber auch zu meiner eigenen Schande? – erklären, daß es damit nicht weit gediehen ist, obschon ich ¾ Jahre – in Rußland lebe. Es ist dies gar keine leichte Sache, und gebe ich die Hoffnung, gut russisch sprechen zu lernen, ganz auf. Ich studirte Anfangs die Grammatik, aber gleich allen meinen Landsleuten entsagte ich ihr und beschränkte mich blos auf das, was ich en passant profitiren kann, und auf diese Weise bin ich denn doch schon so weit gekommen, um zur Noth mich durchhauen zu können. Was meine Stellung den Kranken gegenüber anlangt, so sehe ich mich selten der Hilfe meines Feldscherers, eines Rigaers, welcher der deutschen Sprache mächtig ist, benöthigt”* [24, S. 1].

Am 3. Februar 1856 starb Rausch im Alter von 26 Jahren an Typhus. Auf seinen Tod hin wurden in einigen deutschen Zeitungen Traueranzeigen veröffentlicht [25], [22]. Aber mit dem Tod endete die Geschichte von Dr. Rausch nicht. Im Sammelband *“Harmlose Erzählungen aus dem letzten russischen Feldzuge in der Krim”* (1857) von einem unbekannten Deutschen, der während des Krimkrieges in russischen Diensten war, gibt es eine Erzählung über die Weihnachtsfeier im Jahr 1855 in Simferopol. Im Mittelpunkt dieser weihnachtlichen Geschichte steht Dr. Rausch und sein Schicksal. Die Feier wurde von deutschen Ärzten traditionsgerecht veranstaltet. Der Erzähler beschreibt die Atmosphäre des Festes und gibt das Gespräch mit Dr. Rausch wieder, aus dem interessante Einzelheiten des Lebens des Doktors bekannt werden. Nach einiger Zeit erfährt der Erzähler, dass Dr. Rausch an Typhus gestorben ist. Gemeinsam mit anderen deutschen Ärzten wandte er sich mit einem Bittgesuch an die russische Regierung um Unterstützung für die Mutter

des verstorbenen Arztes. Die Erzählung endet mit der Nachricht, dass ihr eine lebenslange Rente in der Höhe von 30 Silberrubel monatlich zugesprochen wurde [18]. Diese Erzählung wurde auch in der Weihnachtszeit in einigen Zeitungen publiziert [29].

Auf eine solche Publikation in der Augsburger „Allgemeinen Zeitung“ bezieht sich sieben Jahre später die Schwester von Dr. Rausch, Therese, in ihrem Brief aus St. Petersburg, der in einigen Zeitungen veröffentlicht wurde. Sie reiste in die russische Hauptstadt mit dem Ersuchen um Auszahlung der ihrer Mutter vermeintlich bewilligten Pension. Nach dreimonatigem Aufenthalt in St. Petersburg stellte Therese fest, dass im Kriegsministerium jegliche Dokumente über die Bewilligung der Pension an ihre Mutter fehlten und alle ihre Erwartungen jetzt nur mit dem Gerechtigkeitssinn des russischen Zaren verbunden sind [14], [16]. Ob ihre Pensionsangelegenheit erfolgreich erledigt wurde, bleibt leider unbekannt.

Schluss teil. Hiermit schließe ich die vorläufige Betrachtung der Quellen und deren Themenbandbreite über die während des Krimkrieges in Russland dienenden deutschen Ärzte und stelle fest, dass die Presseveröffentlichungen bzw. andere Publikationen von Mitte der 50er bis Mitte der 60er Jahre des XIX. Jahrhunderts, die im Zusammenhang mit der Beteiligung deutscher Ärzte am Krimkrieg stehen, nicht nur für die Geschichte der russischen Medizin und für die Geschichte der medizinischen Wechselbeziehungen von Bedeutung sind. Gleichzeitig ermöglicht der fremde Blick das herauszuheben, was der eigenen Kultur unwichtig scheint oder unbewusst bleibt. Die Entdeckung des Eigenen über die Fremdperspektive ermöglicht eine neue Erkenntnis bzw. ein tieferes Verständnis der eigenen Gesellschaft in einer bestimmten Geschichtsepoche.

Die analysierten Quellen sind keineswegs umfassend, dennoch ermöglichen sie, das Gesamtbild der Beteiligung deutscher Ärzte am Militärsanitätswesen der russischen Armee während des Krimkrieges zu rekonstruieren und Wege für weitere Forschung und deren Aspekte aufzustellen. Die Notwendigkeit einer tieferen, Untersuchung dieses Themas bleibt bestehen.

Literatur- und Quellenverzeichnis:

1. Болховитинов Н.Н., Пономарев В.Н. Американские врачи в Крымской войне // США: экономика, политика, идеология. 1980. №6. С. 63–69.
2. Лобков А.Е. Немецкие врачи – участники обороны Севастополя в 1854–1855 гг. // Сборник материалов XVII Международной научной конференции «Лазаревские чтения». Причерноморье: история, политика, география, культура (г. Севастополь, 2–4 октября 2019 г.). Севастополь: Филиал МГУ в г. Севастополе, 2019. С. 75–77.
3. Лобков А.Е. Взаимоотношения русских и иностранных врачей в Крымскую войну // Dictum – factum: от исследований к стратегическим решениям: Сборник научных трудов по материалам Всероссийской междисциплинарной конференции молодых ученых (г. Севастополь, 5–6 декабря 2019 г. Белгород: ПОЛИТЕРА, 2020. Вып. 1. С. 87–96.
4. [Aus einem Briefe aus Simpheropol vom 5. Februar] // Ärztliches Intelligenz-Blatt. Organ für Bayerns staatliche und öffentliche Heilkunde. 14. März 1856. №11. S. 138–139.
5. [Bericht über das unglückliche Ende Frhrn. v. Schönhueb] // Donau-Zeitung. 22. Juli 1855. №199. S. 2.
6. [Das Schicksal mehrerer deutscher Aerzte in Bucharest] // Kemptner Zeitung. 25. Januar 1855. №25. S. 85–86.
7. [Der Wittwe des in Sewastopol gefallenen russischen Bataillonsarztes...] // Ärztliches Intelligenz-Blatt. 20. Juli 1855. №29. S. 367.
8. [Der Wittwe des Frhrn. v. Schönhueb] // Der Bayerische Landbote. 13. September 1855. №256. S. 1021.
9. Deutsche Aerzte für die russische Armee // Fränkischer Kurier. 20. Januar 1855. №21. S. 1–2.
10. Die russische Krankenpflege in Sebastopol. Von einem deutschen Arzt // Allgemeine Zeitung. 5 October 1855. №278. S. 4433–4435.
11. Die russische Krankenpflege in Sebastopol. Von einem deutschen Arzt (Geschrieben im

Juni 1855) // Allgemeine Medicinische Central-Zeitung. 20 October 1855. №84. Sp. 668–671.

12. Die Werbung deutscher Aerzte für die russ. Armee // Troppauer Zeitung. 26. Januar 1855. №20. S. 2.

13. Dvoichenko-Markov E. American doctors in the Crimean War // Journal of the History of Medicine and Allied Sciences. July 1954. Vol. IX. №3. P. 362–367.

14. Eine arme deutsche Witwe und russische Versprechungen // Kemptner Zeitung. 6. Juli 1864. №160. S. 660.

15. [Eine fatale Hiobspost aus Thüringen] // Der Volksbote für den Bürger und Landmann. 31. Januar 1855. №26. S. 108.

16. Eine Reclamation aus St. Petersburg // Augsburger Allgemeine Zeitung. 25. Juni 1864. №177. S. 2881–2882.

17. Geudtner [F.S.] Vier Monate in Sebastopol. Riesa, 1855. 16 S.

18. Harmlose Erzählungen aus dem letzten russischen Feldzuge in der Krim. Mitgetheilt von einem Augenzeugen. Berlin: A. Duncker, 1857. 345 S.

19. Hauff H. Mittheilungen aus dem Krim-Feldzuge // Medicinisches Correspondenz-Blatt des Württembergischen Ärztlichen Vereins. März-April 1859. №11; №12. S. 89–94; №13. S. 97–103; №14. S. 105–106.

20. Hauff H. Mittheilungen aus dem Krim-Feldzuge // Allgemeine Medicinische Central-Zeitung. Mai 1859. №. 38. Sp. 302–304; №. 39. Sp. 308–314; №. 40. Sp. 318–320.

21. Hübbenet Ch. Die Sanitätsverhältnisse der russischen Verwundeten während des Krimkrieges in den Jahren 1854–1856. Berlin: Hirschwald, 1871. 190 S.

22. [Mittheilung vom Tod Dr. med. Alb. Rausch] // Ärztliches Intelligenz-Blatt. 14. März 1856. №11. S. 138–139.

23. [Rausch A.] Aus dem Briefe eines baierischen Arztes [aus Simferopol, im Januar 1856] // Fränkischer Kurier. 20. Februar 1856. №51. S. 1.

24. [Rausch A.] Aus dem Briefe eines baierischen Arztes (Schluss) [aus Simferopol, im Januar 1856] // Fränkischer Kurier. 20. Februar 1856. №52. S. 1.

25. [Trauerfallanzeige] // Neueste Nachrichten aus dem Gebiete der Politik. 7. März 1856. №67. S. 755.

26. [Vertragsmuster] // Allgemeine Medicinische Central-Zeitung. 30. December 1854. №103. Sp. 824.

27. [Vertragsmuster mit Notizen] // Medizinische Neuigkeiten für praktische Ärzte. 10. Februar 1855. №6. S. 42–43.

28. [Vertragsmuster] // Wiener Medizinische Wochenschrift. 13. Jänner 1855. №2. Sp. 30–31.

29. [Weihnachtsabend von 1855 in Sympheropol] // Augsburger Allgemeine Zeitung. 30. December 1857. №364. S. 5866–5867.

30. Whisenhunt W.B. In Service to the Tsar: American Surgeons in the Crimean War, 1853–1856 // New Perspectives on Russian-American Relations / Ed. by W.B. Whisenhunt and N.E. Saul. N.Y.: Routledge, 2015. P. 51–63.

УДК 81'25:378

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИХ СИМВОЛОВ
В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ**

Малыгина Ксения Артуровна
старший преподаватель

**SOME THEORETICAL ASPECTS OF TRANSLATING
METEOROLOGICAL SYMBOLS IN FICTION**

Kseniya A. Malygina
senior lecturer

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются метеорологические символы с точки зрения их перевода, освещаются критерии их идентификации, функционирования и способы репрезентации в текстах художественного дискурса. В исследовании автор вводит наиболее удобное для переводчика определение символа и предлагает определение метеосимвола. Автор ставит перед собой задачу определить главный критерий при переводе метеосимволов в художественном дискурсе. С этой целью выявляется степень вариативности при переводе метеосимволов и предлагается набор обязательных для переводчика элементов и специфических способов перевода. В статье утверждается, что метеосимвол в художественном тексте должен соответствовать определенным критериям, а именно: обладать ассоциативностью и культурной детерминированностью, эмоциональностью и антропоцентризмом, многозначностью и контекстуальной детерминированностью. Для отнесения того или иного явления к категории метеосимволов эти критерии следует рассматривать только в совокупности. Утверждается также, что набор средств для перевода метеосимволов в художественном дискурсе зависит от контекстов, через которые проходят эти символы, а именно: контекст оригинального текста, контекст литературной школы, контекст произведений автора и, наконец, вся система контекстов этого текста. В заключение автор предлагает пути и методы перевода метеосимволов в художественном дискурсе и утверждает, что сохранение символической характеристики является обязательным критерием при переводе метеосимволов в художественном дискурсе.

Ключевые слова: перевод, метеосимволы, художественный дискурс, контекст, способы перевода.

ABSTRACT. The author considers meteorological symbols from the viewpoint of translation. The article highlights the criteria of meteosymbol identification, their functioning and ways of representation in the texts of fiction discourse and their translations. The author introduces the definition of a symbol which is the most convenient for the translator and proposes the definition of meteosymbol. The author continues to study the issue of expression symbols through linguistic means. He sets himself as an object to define the main criterion when translating meteosymbols in a fiction discourse. The author identifies the degree of variability while translating meteosymbols and proposes a set of obligatory elements for translator and specific ways of translation. The author affirms that a meteosymbol in the fiction text has to correspond to certain criteria, namely: to possess associativity and cultural determinancy, emotivity and an anthropocentrism, polysemanticism and contextual determinancy, and for reckoning this or that phenomenon to the category of meteosymbols these criteria should be considered only in aggregate. It is also claimed that the set of means for translation of meteosymbols in a fiction discourse depends on contexts through which these symbols pass. Namely, context of original text, context of the literary school, context of the author's works, and at last the whole system of contexts of this text. In conclusion the author proposes ways and methods of translating meteosymbols in the fiction

discourse and states that preservation of symbolical characteristic is an obligatory criterion when translating meteosymbols in the fiction discourse.

Keywords: translation, meteosymbols, fiction discourse, context, ways of translation.

Among all semiotic means by which a person adapts and evaluates the world, the increased interest in modern philology appears to the symbols. Their significance in all kinds of communications particularly in the process of translation is evident. Although the scholars consider the status, nature, scope and content of symbols, still many issues remain unknown. The urgency of this work is that the expression symbols through linguistic means requires further study. The ways of representation symbols by means of metaphor and phraseological units is also investigated. The same concerns the mechanisms, tools and ways of implementation this phenomenon in the fiction text and its description in translation which are not completely researched yet.

Thus, the object of this paper – to reveal the criteria of identification of a meteosymbol in a fiction discourse. To achieve the purpose it is necessary: 1) to introduce the definition of a symbol which is the most convenient for the translator, 2) to propose the definition of meteosymbol, 3) to define ways of interpretation of meteosymbols in a fiction discourse, 4) to define the main criterion when translating meteosymbols in a fiction discourse.

While studying symbols modern experts G. Bidermann, J. Tressider, M. Mamardashvili, A. Pyatigorsky, A. Gerbran set as the purpose to investigate not only religious symbols of the different people and eras, but also the most significant cultural and historical symbolical images created by mankind. Considering results of discussion about essence of a symbol, it is possible to allocate the main signs of a symbol: figurativeness, complexity of its contents, polysemanticism, universality of a symbol in any culture, a intersection of symbols in different cultures, national and cultural specificity of a number of symbols, a symbol inclusiveness in a myth and an archetype.

The symbol can be considered as a certain distinctive sign or an image expressing any idea to which a certain ethnos gives special sense which can't initially be known for the people who aren't belonging to this group. Thus, symbols underlie a certain culture, its identity and originality [2, p.128].

Though the symbolical relation to surrounding reality is as ancient as mankind itself, though the everyday life of a person is filled with symbols which remind something and influence, resolve and forbid, strike and submit, till today the conventional treatment of the concept "symbol" isn't developed yet. According to Kant, the symbols appear as "indirect image by analogy". He believed a symbol being a link "between the world of the senses and the world of ideas of reason" which occurs as a representation by analogy alone and only by means of it one can speak about the beautiful. The Kant idea was found in a romanticism esthetics in which the symbol becomes the central concept combining all characteristics of a work of art [2, p. 140].

That romantics called a symbol, is internal coherence, interpenetration of signifier and signified, any gap between which is destroyed. In this connection the symbol, first of all, appears as a conglomerate of equivalent meanings. Thus, the main characteristics of a symbol are archetypical origin, close connection with cultural space, myth and literature, universality and uniqueness in any culture, polysemanticism.

From the point of view of mythology symbols find direct reflection in myths and rituals. According to K. Levi-Stros a myth defines borders of understanding of a symbol, gives it explanation [1, p. 169]. His main task was to understand not how people live in myths but how myths live in people. Concerning national and cultural peculiarities of symbols, it should be noted that gradual accumulation of cultural information, presence of certain realities and irregularity of historical development lead to allocation of the specific national cultures possessing their own set of values in a human civilization. Expression of symbolical representations in language and speech is made by means of special mechanisms. In other words, symbolical meaning can be expressed both by means of the separate word and by means of a phrase, a metaphor, a metonymy and the phraseological unit.

Identification of two main mechanisms of association of a metaphor and a metonymy is of great importance in symbol research because it is one of the ways of its interpretation. Presence of an element-mediator gives the chance to perceive symbolical information at the expense of carrying out associative lines. Especially it concerns folklore texts as initially symbols functioned and were cultivated in national legends and myths. In the XX century there were researches of symbol typology. According to O. Losev it was suggested to distinguish a symbol from an allegory, an artistic image, an emblem, a metaphor and a concept [2, p. 12]. The scientist allocated scientific, philosophical, art, mythological, religious, social and natural, ideological and technical symbols. Basing on the analysis of "symbolical aura" of a word, O. Shelestyuk offers another typology. It allocates three types of symbols: cultural-stereotypic, archetypical and subjective-author's [4, p. 128]. Besides, scientists V. Teliya and V. Maslova distinguish universal and national symbols, symbols and quasisymbols [1, p. 18].

The researches of modern scientists in the field of translation are mostly based on S. S. Averintsev's idea about essence of a symbol. "Any symbol is an image. But if the image assumes subject identity to itself, the symbol places emphasis on a fact that an image exceeds its own bounds and on presence of the certain sense which has been closely merged with an image, but is not identical to it" [1, p. 20]. According to Averintsev and above-mentioned scientists we understand a symbol as "an image considered as a sign, and a sign provided with all organicity of a myth and an inexhaustible polysemanticism of an image" [1, p. 21]. Relying on this approach, M. A. Novikova and I. N. Shama allocate such criteria of symbol identification in the fiction text, as associativity and cultural determinancy, emotivity and anthropocentrism, polysemanticism, relative stability and contextual determinancy [3, p. 160].

When defining a meteorological symbol, we should first turn attention to science meteorology. The age of science meteorology is estimated at centuries. Although people didn't know the term meteorology yet over centuries they watched the weather phenomena and did the weather forecasts. Ancient Greek scientist Aristotle who lived in 4 century BC was the original author and the researcher in this field. He called one of his researches "Meteorology". Now we apply this term to science about weather. He claimed that weather is created by change of wind directions. But there were so many exceptions that it has been investigated for years and still has a lot of unknown facts. It is rather difficult to characterize meteorology definitely as it is both old and young, stable and dynamic. Thou it has arisen in a high antiquity, it started developing only in the last two-three centuries. There were invented the elementary devices, which allowed to glance in invisible processes in the atmosphere, such as air temperature, humidity, air pressure, quantity of an atmospheric precipitation, solar radiation and balance of heat on an earth surface.

In dictionaries of 19-20 centuries the following definitions of meteorology can be found. Meteorology (from Greek μετέωρος, *metéōros* – the atmospheric and heavenly phenomena) – 1) science about the air phenomena, 2) science about the air phenomena which is limited mainly to research of changes of weather and an explanation of their reasons, 3) science about the air phenomena, which is based upon supervision over weather, atmospheric pressure, temperature, the direction and wind force, humidity, over an amount of precipitation and so forth, 4) science about the air phenomena and meteors.

However, after a while the meteorology as a science underwent certain changes. Due to the equipment development the meteorology began to operate with the data obtained from powerful satellites and radars which allowed expanding a circle of the studied phenomena. Modern sources treat meteorology as science about the terrestrial atmosphere, about its structure, properties and physical processes proceeding in it. They say that the meteorology studies physics of the atmosphere.

Objects of research of meteorology are such meteorological elements as the atmospheric pressure, temperature, humidity, clouds, precipitation, and wind. All these meteorological elements undergo continuous changes. Their combination at a given time in this or that region of Earth is called weather. And the long-term mode of weather in this territory is called climate. Climate (from

Greek ἐλίμα klimatos – an inclination) – a long-term statistical mode of weather, typical for a district because of its geographical position. Thus, average value of weather for a long period (about several decades) is considered as climate. That is the climate is an average weather. The weather deviation from a climatic norm can't be considered as climate change, for example, very cold winter doesn't mean a climate cold snap as a whole.

Thus, we suggest identifying meteosymbols by thematic criterion at first. That is "meteo" is that to some extent corresponds to the concept "meteorology". In other words, it is possible to tell that it is those phenomena which occur in a thematic field of the concepts "weather" and "climate", for example the sun, wind, clouds, a rainbow, snow, rain, a storm. And then, using the criteria of identification of symbols in the fiction text, which were offered by scientists M. A. Novikova and I. N. Shama, we select meteosymbols in poetic texts.

While choosing a strategy of translation of meteosymbols a translator has to consider all symbolical versions in culture of language [6, p. 181]. The difficulty is that the symbol can be the same, but it can have several symbolical versions. The translator should define, first of all, in what extent these symbolical versions are symmetric or asymmetric. The symmetry is meant when a translator chooses direct equivalents. The asymmetry can be represented both in quantity and in quality [7, p. 92]. The quantitative asymmetry can depend on a genre, on the author, etc. In this case a translator should use a thesaurus technique with attraction of mythological dictionaries and special dictionaries of symbols.

«O wild West Wind, thou breath of Autumn's being, / Thou, from whose unseen presence the leaves dead / Are driven, like ghosts from an enchanter fleeing, / Yellow, and black, and pale, and hectic red, / Pestilence-stricken multitudes: O thou, / Who chariotest to their dark wintry bed / The winged seeds» (P. Shelley) [5];

О буйный ветер запада осенний! / Перед тобой толпой бегут листья, / Как перед чародеем привиденья, / То бурей желтизны и красноты, / То пестрым вихрем всех оттенков гнили; / То голых пашен черные пласты / Засыпал семенами в изобилье. (Pasternak B.) [5];

О, дикий Ветер с Запада! Ты, вея, / Срываешь Листья, и они летят, / Как призраки бегут от чародея; / В них – черных, желтых, красных – будто яд / Губительный, дыхание чумы, / И семена заносишь ты, крылат, / Уснуть на ложе сумрачной зимы» (Merkurjeva V.) [5];

Вей, вольный Вест, дух осени; о, ты, / Ты, перед чьим явлением незримым / Как призраки от колдуна, листья / Желты, черны, чахоткою палимы / Чумной толпой бегут издалека, / Ты, в колеснице нам везущий зимы (Betaki V.) [5].

The qualitative asymmetry takes place when symbols have different spheres of usage, which certainly affect their stylistic coloring. For example, it can be expressed through semantics of national phraseology or modernism, or expressive and emotional means to the highest degree.

It is important, whether the translator reproduced fully or partly this or that symbol, without having lost its symbolical characteristics. Here can be used generalization and a particularization. The uses of translational occasional words and descriptive periphrasis are possible, however in this case symbolical characteristic is lost.

How like art thou to joy remember'd well! <...> A nightbeam Sorrow watcheth to behold <...> / Как он похож на радость прежних дней! <...> Звезда минувшего так в горе мне видна <...> (Tolstoy A.) / *Ты – память счастья, что умчалось прочь <...> Полночный луч, ты в небе одинок <...>* (Marshak S.) / *Как по былом тоска сходна с тобой <...> Подруга дум воздушная видна <...>* (Fet A.) [5].

The translator can preserve symbolical characteristic, resorting to contextual replacement. Then subject semantics is replaced, while symbolical characteristic is preserved. *Whose tearful beam / как слезно ты дрожишь* (Fet A.) / *как слезно луч мерцает твой* (Tolstoy A.) / *твой влажный луч доходит* (Marshak S.) [5].

*That show'st the darkness thou canst not dispel (Fet A.) / сопутник мглы, блестящий
страж ночной / как темнота при нем еще темней / при нем темнее кажется нам ночь.
(Marshak S.)*

*Which shines, but warms not with its powerless rays горит, а все не греет этот свет (Fet
A.) / но уж не греют нас бессильные лучи (Tolstoy A.) / еще мерцает, но тепла в нем нет
(Marshak S.) [5].*

*Distinct, but distant – clear – but, oh how cold! / но далеко – ясна, но холодна (Fet A.) /
видна, но далека – светла, но холодна (Tolstoy A.) / чист, но безжизненен, ясен, но далек!
(Marshak S.) [5].*

*Tearful beam undergoes syntactical transposition at the sentence level. Whose tearful beam
glows tremulously far (Fet A.) / Как слезно луч мерцает твой всегда / как слезно ты дрожишь
(Marshak S.) / как слезно луч мерцает твой (Tolstoy A.) / твой влажный луч. [5].*

Bleak wind is wailing / холодный ветер завывает.

*The winds of heaven mix forever with a sweet emotion /
ветра небес слились навек в приятных чувствах.*

*Like many a voice of one delight the winds /
ветра как голоса восторга*

*Yet now despair itself is mild,
Even as the winds and waters are /
где ветерок, шутя, воздушно веет на просторе.*

*The wind has swept from the wide atmosphere
Each vapour that obscured the sunset's ray /
Могучий ветер погулял на славу.*

*The winds are still, or the dry church-tower grass
Knows not their gentle motions as they pass /
Молчат травинки на церковной крыше,
Движенья ветра будто и не слыша.
Затихли ветры, и трава безмолвна.*

*Of cloud which the wild tempest weaves in air,
I would sail on the waves of the billowy wind
На ветре вздувшемся evening's breath, wandering here and there /
Дыханье ветерка / вечерний сон колеблемы чуть слышным ветерком.*

*The wind is intermitting, dry, and light /
Сухой и легкий ветер всякий раз вздымает пыль*

*And in the inconstant motion of the breeze /
легкий бриз, как будто для забавы, взбивает пыль,
и провожает день неровный бриз по мостовым гоняет вверх и вниз.*

*Away! the gathering winds will call the darkness soon /
Скоро ветер полночный повеет
For the weary winds are silent /
Умолкает лепечущий ветер*

*Rough wind, that meanest loud Grief too sad for song;
Wild wind, when sullen cloud Knells all the night long;
Sad storm whose tears are vain,
And you wild winds, thus can you sleep so still
Can the directors of the storm in powerless silence lie?
I hear music on the zephyr's wing
Arise ye sightless spirits of the storm,
Arouse the whirlwind and let ocean dash [5].*

Thus, any symbol, in this case a meteosymbol, in the fiction text has to correspond to certain criteria, namely: to possess associativity and cultural determinancy, an emotivity and an anthropocentrism, polysemanticism and contextual determinancy. And for reckoning this or that phenomenon to the category of symbols, these criteria function only in aggregate.

Symbols in the fiction discourse can carry out different function and they can be closely related to different adjacent forms: metaphor, allegory, etc. Thus a translator needs to know which forms the symbol is related to and extent of its relation in particular text. The set of means for translation of symbols in a fiction discourse depends on contexts through which these symbols pass. Namely, context of original text, context of the literary school, context of the author's works, and at last the whole system of contexts of this text. All mentioned above defines degree of variability and set of obligatory elements for translator and specific ways of translation. As any symbol isn't static within one culture and isn't identical to itself in various cultures, there can be created additional possibilities of a symbol interpretation in original text. As a result, the range of possible equivalents extends. However, preservation of symbolical characteristic is still obligatory criterion when translating meteosymbols in the fiction discourse.

References:

1. Аверинцев С.С. София – Логос. Словарь. К.: Дух и литера, 2000. 450 с.
2. Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1982. 316 с.
3. Новикова М.А., Шама И.Н. Символика в художественном тексте. Символика пространства. Запорожье: СП Верже, 1996. 172 с.
4. Шелестюк Е.В. О лингвистическом исследовании символа // Вопросы языкознания. 1997. № 4. С. 125-142.
5. English Poetry. URL: <http://www.eng-poetry.ru/Poem.php?PoemId=306> (date of access: 12.11. 2020).
6. Robinson D. Translation and Taboo. Dekalb: Northern Illinois University Press, 1996. 232 p.
7. Rose M. G. Translation and Literary Criticism: Translation as Analysis. Manchester: St. Jerome Publishing, 1997. 101 p.

УДК 81'25(045)

ИНВЕРСИЯ И ПАРЕНТЕЗА В ДЕТСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Сессорова Светлана Александровна
ассистент

INVERSION AND PARENTHESIS IN CHILDREN'S FICTION

Svetlana A. Sessorova
assistant lecturer

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются инвертированный порядок слов и парентеза как специфические стилистические приемы, а также особенности их перевода,

адаптации на русский язык. Анализируются основные функции инверсии и парентезы, экспрессивный компонент, авторская интенция использования данных языковых средств. На материале оригинала сказки Кейт ДиКамилло и ее перевода на русский язык подвергаются рассмотрению переводческие приемы и способы передачи эмфатических синтаксических средств на русский язык.

Ключевые слова: инверсия, парентеза, прагматика, художественный текст, английский язык.

ABSTRACT. The article provides an analysis of such specific stylistic techniques as the inverted word order and parenthesis. The features of their translation and adaptation into Russian are covered. The main functions, including the expressive component, author's intention are discussed. On the basis of the original text of Kate DiCamillo's fairy tale and its Russian variant, translation strategies and methods of transferring emphatic syntactic features into Russian are examined.

Keywords: inversion, parenthesis, pragmatics, literary text, English language.

Синтаксис текста обладает обширным спектром стилистических средств. Выразительность художественного текста во многом зависит от синтаксической экспрессивности.

Цель данной статьи – проанализировать механизм использования парентетических конструкций, а также инвертированного порядка слов на материале оригинала сказки Кейт ДиКамилло «Удивительное путешествие кролика Эдварда» и ее перевода на русский язык, рассмотреть переводческие решения, направленные на сохранение прагматики и экспрессивности текста оригинала. Для достижения поставленной цели использовался комплекс взаимодополняющих методов исследования: дескриптивный метод; лингвостилистический анализ текста; элементы интерпретационного анализа текста; сравнительно-сопоставительный метод.

Одним из приемов, к которому часто прибегают авторы текстов детской художественной литературы для достижения определенных коммуникативных целей является такой стилистический прием как инверсия. От того насколько удачно переводчик сможет распознать авторскую интенцию использования приема инверсии в оригинальном тексте, зависит успех перевода быть адекватно воспринятым читателем.

Под термином «инверсия» И.Р. Гальперин подразумевает изменение расположения членов предложения в особом порядке, который нарушает традиционный (прямой, нейтральный) порядок, целью которого является усиление выразительности речи [2, с.183 - 201].

Инвертированный порядок слов является эффективным механизмом усиления прагматического эффекта текста. Инверсия в предложении выполняет различные функции:

- повышает экспрессивность всего предложения или его отдельной части, привлекая внимание читателя к определенной фразе или слову;
- выполняет связующую функцию, обеспечивая связь между отдельными предложениями, либо между частями сложного предложения;
- выполняет функцию ритмизации, задает особый темп повествованию;
- обеспечивает коммуникативный обмен между автором и читателем, передавая не только информацию, но также эмоции и чувства, таким образом, реализуется эмоционально-экспрессивная функция инверсии.

По мнению И.Г. Жировой «практически любое высказывание имеет потенциальное эмфатическое ударение, но его реализация обуславливается рядом причин: характер текста, лексико-грамматический и синтаксический состав, стилевая принадлежность, а также ряд экстралингвистических факторов» [3, с. 56]. Эмфатическое ударение, либо акцентное, логическое выделение отдельных элементов текста всегда коммуникативно значимо, поскольку это «атрибут сигнификативно ситуативной, сконцентрированной в морфеме,

слове или словосочетании эмоциональности» [4, с. 53]. Инверсия как способ выразительности является одним из способов расстановки смысловых акцентов и постановки эмфатического ударения, ее задачей является гарантия точности передачи авторского смысла высказывания слушателю [5, с. 119].

Из-за характерного английскому языку строгому порядку слов в предложении, инверсия выполняет важную эмфатическую функцию. В русском языке по сравнению с английским инверсия не имеет такой выразительной силы из-за более свободного порядка слов. Нарушение традиционной последовательности слов в тексте оригинала повышает или понижает смысловую нагрузку части предложения, создает дополнительные значения. Следовательно, при переводе инвертированного порядка слов на русский язык часто необходимо осуществлять поиск переводческих решений с целью сохранения экспрессии текста оригинала в тексте перевода.

Проанализируем следующие примеры инверсии:

“ON LAND, THE OLD FISHERMAN stopped to light a pipe, and then, with the pipe clenched between his teeth, he walked home, carrying Edward atop his left shoulder as if he were a conquering hero” [9]. – «Когда они причалили к берегу, старый рыбак закурил трубку и так, с трубкой в зубах, и направился домой, усадив Эдварда на левое плечо как самый главный трофей» [8].

В русском переводе инверсия передана в форме придаточного обстоятельства времени и не имеет эмфатического ударения. В оригинальном тексте обстоятельство места *“on land”* находится в препозиции к группе подлежащего и сказуемого *“the old fisherman stopped”*. Инвертированный порядок слов придает тексту выразительность с целью более глубокого воздействия на воображение читателя. Автор с самого начала предложения придает ему особый ритм. Инверсия в данном примере выполняет функцию ритмизации, акцентирует момент смены обстановки, что позволяет читателю вместе с героями сказки резко переместиться на сушу и ощутить стремительность и реальность действий героев.

“Malone!” shouted Bull. And with a terrific lunge, he grabbed hold of Edward’s feet and pulled him out of the sky and wrestled him to the earth” [9]. – «Малоун! – закричал Бык. Он подпрыгнул и, схватив Эдварда за ноги, стянул с неба на землю» [8].

“And in her zeal to clean him, she vacuumed Edward’s gold pocket watch right off his lap” [9]. – «В истовом старании не оставить на нём ни пылинки она даже засосала прямиком в пылесос золотые часы Эдварда» [8].

При переводе на русский язык эмфатических предложений с инверсией можно использовать либо лексические средства (слова-усилители), либо синтаксические (изменение структуры предложения) в зависимости от контекста. Инверсия в тексте оригинала выполняет эмфатическую функцию, акцентирует быструю смену событий. В первом примере переводчица частично компенсировала инверсию в русском языке за счет преобразования одного однородного сказуемого текста оригинала в деепричастный оборот. Во втором примере в переводе структура предложения не поменялась, однако появилось слово-усилитель «даже».

“AND SO EDWARD TULANE BECAME Susanna” [9]. – «Вот так Эдвард Тюлейн и стал Сюзанной» [8].

“And so the maid vacuumed Edward Tulane” [9]. – «И она пропылесосила Эдварда Тюлейна!» [8].

В данных примерах инверсия передана лексически, путем введения в начало английского предложения фразы *“and so”*. Она не имеет эмфатической силы, а служит для более тесной связи между предложениями, выполняет связующую функцию. В русском тексте данная связка остается в начале предложения, и в переводе первого отрывка выражена фразой «*вот так*», а во втором союзом «и».

“What a wonderful night this was!” [9]. – «Какая же удивительная ночь!» [8].

В разговорной англоязычной речи можно часто встретить эмоциональные восклицания с инверсией. Так как в русском языке инверсия не всегда несет особую эмоциональную нагрузку, в русском переводе наблюдаем прямой порядок слов.

Еще одним стилистическим средством, обеспечивающим эмоциональность и экспрессивность текста, является парентеза (синтаксический механизм оформления личного мнения автора, передающий характеристики сообщаемого с позиции говорящего). Автор включает в основной текст конструкцию, которая связана с ним не грамматически, а содержательно-ассоциативно [6, с. 79; 7, с. 85]. При прочтении текста данные вставные конструкции выделяются с помощью интонации (понижение тона, ускорение темпа речи). Границы парентезы определяются с помощью тире или скобок. Сама парентетическая конструкция может быть в виде отдельного слова, словосочетания, простого или сложного предложения.

Парентетические конструкции являются своеобразным средством расчленения высказывания на два плана основной и фоновый, связывающий повествование с общим контекстом, апеллирующий к фоновым знаниям читателя [1].

Парентезы развивают у читателя внимательное отношение к деталям и к косвенной информации, которые сигнализируют о замысле писателя. Парентезы обеспечивают лексическую и эмфатическую компрессию высказываний, способны успешно передавать максимум информации в сжатых формах, поэтому данные конструкции часто нуждаются в дополнительном комментировании при переводе, что представляет трудность при переводе и подталкивает переводчика к поиску переводческих решений.

“Option two was that I would fix you to the very best of my considerable abilities and then you would become mine – his no longer, but mine” [9]. – «Ну а второй вариант заключался в том, что я тебя починю, сделаю всё, что в моих силах, а сил у меня, поверь, немало, и мастерство есть, а потом ты станешь моим. Не его, а только моим» [8].

В анализируемом примере переводчица применила грамматическую трансформацию – членение, осуществив перевод парентезы отдельным эллиптическим предложением «*Не его, а только моим*». Кроме того, два смежных предложения в переводе оканчиваются притяжательным местоимением «*mine*», что указывает нам на другую стилистическую фигуру – эпифору.

“She left Edward on the shelf at a most awkward and inhuman angle – his nose was actually touching his knees; and he waited there, with the dolls twittering and giggling at him like a flock of demented and unfriendly birds, until Abilene came home from school and found him missing and ran from room to room calling his name” [9]. – «Она оставила Эдварда сидеть на полке в неудобном и совершенно недостойном положении: уткнувшись носом в колени. А вокруг, точно стайка недружелюбных птичек, щебетали и хихикали куклы. Наконец домой из школы пришла Абилин. Обнаружив, что кролика в столовой нет, она принялась бегать из комнаты в комнату, выкрикивая его имя» [8].

В данном примере парцелляция передана на русский язык деепричастным оборотом, выделенным авторским пунктуационным знаком – двоеточием. Так как предложение оригинала имеет сложную синтаксическую структуру, что способствует замедлению повествования, переводчица применила прием членения. Короткие предложения легче воспринимаются и более характерны для детской литературы, чем нагроможденные синтаксические конструкции.

“It was annoyance that he had been so mightily inconvenienced, that he had been handled by the maid as cavalierly as an inanimate object – a serving bowl, say, or a teapot” [9]. – «Как посмели обращаться с ним таким неподобающим образом? Эта горничная поступила с ним как с неодушевленным предметом – с какой-нибудь плошкой, поварёшкой или чайником» [8].

Переводчица использовала прием членения при переводе предложения. *“It was annoyance that he had been so mightily inconvenienced, that he had been handled by the maid as cavalierly as an inanimate object – a serving bowl, say, or a teapot”*. В данном примере в первой

части предложения в качестве средства выразительности на синтаксическом уровне выступает инверсионный порядок, за счет использования конструкции “It was”. В русском варианте переводчица передает экспрессивный потенциал оригинала за счет использования риторического вопроса «*Как посмели обращаться с ним таким неподобающим образом?*».

Таким образом, парентетические внесения направлены на облегчение восприятия произведения, а также на создание экспрессивности. Благодаря вставным конструкциям текст художественного произведения становится более плавным, растянутым или, наоборот, динамичным и лаконичным. Частое использование парентезы особенно актуально для детских сказочных произведений.

Таким образом мы видим, что инвертированный порядок слов и парентетические конструкции в детской художественной литературе являются эффективными эмфатическими приемами на синтаксическом уровне текста. Парентетические внесения, инверсия являются полифункциональными коммуникативными средствами выразительности, и эффективно реализуют прагматическую задачу автора. Сохранение или опущение инверсии и парентезы в переводе не должно быть исключительно механическим процессом, а глубоко продуманным, мотивированным творческой интенцией автора текста оригинала.

Список литературы:

1. Антонова В. В. Парентетические конструкции современного русского языка в лингвокультурологическом аспекте: дис. ...канд. фил. наук. Москва, 2015. 154 с.
2. Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка / И.Р. Гальперин. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1958. 350 с.
3. Жирова И.Г. Семантика эмфатического ударения / И.Г. Жирова // Вестник МГОУ, Серия «Лингвистика» 2011. №6 (2). С. 53-56.
4. Жирова И.Г., Сунь Синкай Лингвистическая коммуникативная модель перевода как акт двуязычной коммуникации / И.Г. Жирова, Синкай Сунь// Лингвистическое наследие Л.В. Щербы в свете современной науки о языке // Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции в рамках V Международного фестиваля науки (г.Москва, МГОУ, 19 февраля 2020 г.). М.: ИИУ МГОУ, 2020. С. 87-90.
5. Павлюк О.Н. Инверсия как способ организации многокомпонентных атрибутивных словосочетаний // Когнитивнокоммуникативная парадигма в лингвистике и лингводидактике: грамматические исследования. М.: ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2013. С. 112-120.
6. Русский язык: энциклопедия / ред. Ю. Н. Караулов. М.: Большая рос. энцикл.; Дрофа, 2008. 703 с.
7. Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / ред. А. П. Сковородников. М.: Наука, 2005. 480 с.
8. DiCamillo K. Удивительное путешествие кролика Эдварда. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=91567&p=13> (дата обращения: 05.11.2020).
9. DiCamillo K. The Miraculous Journey of Edward Tulane. URL: <https://www.wattpad.com/132185908-the-miraculous-journey-of-edward-tulane-chapter> (date of access 05.11.2020).

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

УДК 378.147

ФОРМИРОВАНИЕ КРОСС-КУЛЬТУРНОЙ ГРАМОТНОСТИ КАК КОМПОНЕНТ ИНОЯЗЫЧНОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ ПОДГОТОВКИ БАКАЛАВРОВ

Глотова Александра Валерьевна
старший преподаватель

Зубкова Мария Александровна
старший преподаватель

CROSS-CULTURAL LITERACY BUILDING AS PART OF FOREIGN LANGUAGE PROFESSIONAL TRAINING OF BACHELORS

Alexandra V. Glotova
senior lecturer

Mariya A. Zubkova
senior lecturer

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена анализу теоретических и методических аспектов педагогической проблемы формирования кросс-культурной грамотности в процессе иноязычной профессионально-ориентированной подготовки бакалавров. Авторы рассматривают суть и содержание понятия «кросс-культурная грамотность», обосновывают необходимость её формирования с позиции требований современного общества, а также изучают аспекты кросс-культурной грамотности, которые являются обязательными для освоения студентами программы подготовки бакалавриата. В статье представлены особенности преподавания дисциплин «Иностранный язык», «Лингвистическая культура», «Профессионально-ориентированный английский язык» и проанализированы методы обучения, используемые для формирования рассматриваемой кросс-культурной грамотности студентов Севастопольского государственного университета и Филиала Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в г. Севастополе.

Ключевые слова: иноязычная профессионально-ориентированная подготовка, бакалавриат, кросс-культурная коммуникация, кросс-культурная грамотность, иностранный язык.

ABSTRACT. The research focuses on the theoretical and methodological issues of pedagogical problem of developing cross-cultural literacy of Bachelor's Degree students as part of foreign language professional training at the university. The authors consider the essence and content of the concept of "cross-cultural literacy". The necessity of developing cross-cultural literacy of students is substantiated based on the requirements of modern society. It also discusses the aspects of cross-cultural literacy that are essential for students to master the Bachelor's Degree program. The article presents the features of teaching "Foreign Language", "Linguistic Culture" and "English for Specific Purposes" disciplines and also analyzes the teaching methods used in the process of developing students' cross-cultural literacy at Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol and Sevastopol State University.

Keywords: foreign language professional training, Bachelor's degree, cross-cultural communication, cross-cultural literacy, foreign language.

Профессионально-ориентированная подготовка студентов программы бакалавриата направлена на формирование готовности выпускников к осуществлению успешной трудовой деятельности в условиях всестороннего международного сотрудничества и межкультурного взаимодействия. Сегодня процесс глобализации связан с важностью понимания не только родной культуры, но и осознания специфики культуры других народов для минимизирования возникновения возможных рисков, ассоциируемых с особенностями национального поведения индивидов в профессиональной сфере. Работая в поликультурной среде, современный специалист коммуницирует с представителями различных стран мира, следовательно, возникает необходимость формирования глобально-ориентированной личности и подготовки профессионалов новой формации с широким кругозором и толерантным отношением к культуре и традициям людей разных национальностей. Таким образом, следует акцентировать внимание на потребности «так называемого кросс-культурного обучения индивидов и групп, ориентированного на приобретение ими комплекса знаний об обычаях, ценностях, способах коммуникации, нормах и стереотипах поведения другого народа без разрыва с собственной культурой» [9, с. 98]. Ю.М. Сергеева считает, что онтологическая сущность образования заключается в «обеспечении подрастающего поколения набором гуманитарных технологий, прагматически ориентированных на его подготовку к жизни в поликультурном мире» [7, с. 104-105].

Иноязычная профессионально-ориентированная подготовка бакалавров частично направлена на формирование кросс-культурной грамотности обучающихся. Стоит отметить, что дисциплина «Иностранный язык» является обязательным компонентом учебного процесса в университетах Российской Федерации. Сущность и содержание иноязычной профессионально-ориентированной подготовки бакалавров может варьироваться в зависимости от особенностей образовательной программы и учебного плана. Однако конечным результатом учебной деятельности студентов программы бакалавриата считается наличие комплекса сформированных универсальных, общекультурных и профессиональных компетенций, которые необходимы студентам для осуществления будущей профессиональной деятельности. В результате проведенного анализа содержания Федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования (ФГОС ВО) стоит отметить, что дисциплина «Иностранный язык» способствует, прежде всего, формированию базовых универсальных компетенций – «Коммуникация» и «Межкультурное взаимодействие». Навыки и умения, лежащие в основе рассматриваемых компетенций, необходимы для успешного сотрудничества в условиях поликультурной среды.

Иностранный язык в процессе иноязычной профессионально-ориентированной подготовки бакалавров рассматривается авторами как средство развития культуры межнациональных отношений, познания окружающего мира и обмена информацией, а также входит в блок предметов гуманитарной направленности, но имеет четкое практическое предназначение. Таким образом, содержание дисциплины «Иностранный язык» играет интегративную роль и позволяет объединить и обобщить различные модули учебных курсов, а также охватить практически все аспекты концепта «культура».

И.Г. Мазкова и Н.И. Никитина выдвигают тезис о необходимости профессиональной подготовки «специалистов, владеющих культурой общения, приемами и методами публичных выступлений, способного логично и правильно передать свои мысли, участвующего на равных в дискуссиях с представителями других культур, имеющий не только достаточный словарный запас, но и солидный экстралингвистический базис» [5, с. 98].

Знание иностранного языка можно рассматривать в качестве структурного лингвистического компонента более широкого социокультурного понятия «кросс-культурная грамотность». Следует также обратить внимание на необходимость приобретения дополнительных знаний о межкультурном разнообразии в современном обществе при

изучении иностранного языка для более глубокого понимания концепта «культуры» в целом и его систематического представления в социально-историческом, этическом и философском контексте. Соответственно, владение иностранным языком и основами кросс-культурной грамотности в контексте нашего исследования рассматривается в качестве фундамента для осуществления продуктивной межкультурной коммуникации выпускников в профессиональной сфере в дальнейшем.

Повышение уровня кросс-культурной грамотности способствует полноценному межкультурному взаимодействию, которое строится на основе межличностного общения. В поликультурной среде собеседники должны осознавать взаимные культурные отличия, обуславливающие специфику поведения представителей разных культур (например, правила этикета, национальный стиль, жесты и другие невербальные средства общения). Более того, воспитание и развитие толерантности считается важным ценностным ориентиром современного общества.

А.Г. Лапшин считает, что кросс-культурная грамотность – это «осознание различий в идеях, обычаях, культурных традиций, присущих разным народам, способность увидеть общее и различное между разнообразными культурами и взглянуть на традиции собственного общества глазами других народов» [4]. Кросс-культурная грамотность, по мнению В.Т. Рощупкина, это «способность, умения человека принимать содержание и форму культуры другого народа, участвовать в совместной культурной деятельности, обогащающей и развивающей его как личность» [6].

Понятие «кросс-культурная грамотность» среди исследователей явления часто отождествляется с терминами кросс-культурная компетенция, кросс-культурная компетентность, компетентность многообразия, межкультурная компетентность, кросс-культурная эффективность (А.В. Гузнова, В.А. Зайцева, М.Б. Крылова, О.А. Павлова, О.Н. Шумилова и другие [1; 2; 3]), поскольку в настоящее время в системе профессионально-ориентированного образования доминирует компетентностный подход.

Среди ведущих зарубежных исследователей, которые анализируют проблемы межкультурной коммуникации и специфику национальных поведенческих особенностей, необходимых для формирования кросс-культурной грамотности стоит выделить Ричарда Льюиса, Герта Хофстеде, Эдварда Холла, Андреу Граф и Мариона Мертзакера. Исследователи внесли значительный вклад в развитие и гармонизацию международного сотрудничества в поликультурной бизнес-среде благодаря внедрению результатов научных исследований в практику [10]. Например, Э. Холл и В.А. Зайцева акцентируют внимание на необходимости проведения анализа коммуникативных стилей потенциальных партнеров в межкультурном диалоге в процессе профессионально-ориентированной подготовки, среди которых исследователи выделяют «высококонтекстуальный» и «низкоконтекстуальный» стили, представляющие собой «скрытые правила» межличностного поведения представителей разных культур [2, с. 250]. М.Б. Крылова также отмечает, что кросс-культурная грамотность имеет важное практическое значение и является неотъемлемой частью профессионализма, поскольку культурные национальные особенности отражаются в специфике «переговорного стиля» в международном деловом общении [3, с. 9].

Ю.М. Сергеева связывает эффективность межличностного взаимодействия с двумя основополагающими факторами: «знание культурных стереотипов и отсутствие языковых проблем» [7, с. 106]. В связи с этим во многих вузах Российской Федерации уделяется внимание разработке и внедрению теоретических и практико-ориентированных дисциплин, направленных на формирование «кросс-культурной грамотности» бакалавров.

В представленном исследовании понятие «кросс-культурная грамотность» является одним из базовых компонентов процесса иноязычной профессионально-ориентированной подготовки бакалавров и представляет собой наличие знаний о национальных характеристиках и культурных ценностях представителей глобального пространства, о закономерностях, особенностях и факторах отличий организационных стилей в процессе

межличностного взаимодействия в поликультурной среде, а также наличие навыков и умений, необходимых для осуществления вербальной и невербальной социальной коммуникации на международном уровне.

Отметим, что Р. Хенви выделяет четыре уровня кросс-культурной грамотности. К первому уровню относятся знания, полученные из средств массовой информации, кинофильмов и т.п. На втором и третьем уровнях осознается сущность глубинных особенностей культуры, которые противоположны нашей собственной. При этом на втором уровне данные особенности раздражают, а на третьем становятся оправданными и даже рациональными. Следовательно, на третьем уровне формируются положительные стереотипы и толерантность. И лишь на четвертом уровне может произойти восприятие культуры с точки зрения её носителя. Этот уровень труднодостижим, однако возможен, так как человек обладает способностью увидеть себя на месте другого человека [8, с. 70].

Следовательно, формирование кросс-культурной грамотности представляет собой сложный целенаправленный процесс учебной деятельности и может быть реализовано как при непосредственном изучении дисциплины «Иностранный язык», так и при разработке спецкурсов или отдельных учебных модулей в рамках программы бакалавриата. Например, на базе Филиала Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в г. Севастополе разработан и внедрен в учебный процесс курс «Лингвистическая культура» на иностранном языке. Предметом дисциплины является изучение и практическое применение способов устного и письменного общения в ситуациях межкультурного и профессионального взаимодействия. Рассматриваемая дисциплина ориентирована на формирование теоретических и практических знаний, умений и навыков в области лингвострановедения, а также развитие иноязычной коммуникативной компетенции в сфере профессиональной деятельности и межкультурной коммуникации.

Дисциплина «Лингвистическая культура» рассчитана на 72 академических часа и включает три раздела для освоения:

1. Культура, язык и коммуникация (Culture, language and communication);
2. Английский как язык международного общения (English language in the world);
3. Английский язык для академических целей (Academic English).

Материал первого раздела подобран таким образом, чтобы познакомить студентов с понятием «культура» в целом и основами межкультурной коммуникации в современном мире. Особое внимание уделяется следующим темам: «Что такое культура» (What is Culture); «Культурное многообразие» (Cultural diversity); «Глобализация и основы межкультурной коммуникации» (Globalization and cross-cultural communication); понятие «Культурный шок» (Culture shock); «Язык как средство общения» (Language as means of communication); «Стратегии построения успешного общения» (Strategies to make effective conversations).

Второй раздел нацелен на приобретение знаний о структуре, истории развития английского языка как средства общения в поликультурной среде и охватывает следующие темы: «Варианты английского языка в современном мире и их классификация» (World Englishes and their classification); «Английский как язык мирового общения» (English as global language); «Влияние технологий на развитие английского языка» (Effect of technologies on English).

В третьем разделе изучаются особенности английского языка для академических целей с целью более глубокого понимания особенностей межкультурного иноязычного дискурса, включая следующие темы: «Тексты академической направленности и их виды» (Academic texts and their types); «Структура научных публикаций» (Structure of academic papers); «Лексическое наполнение научных текстов» (Lexis of academic texts); «Анализ грамматических конструкций в академическом тексте. Понятия «целостность и связность» текста» (Grammar of academic texts. Cohesion and coherence).

Соответственно, в рамках данной дисциплины разработаны задания, направленные на изучение и всесторонний анализ аспектов понятий «язык» и «культура». Особое внимание

уделяется бизнес-контексту и особенностям ведения научного и академического дискурса в поликультурной среде. Студентам также предлагается сравнить экстралингвистические культурные реалии и формы по мере освоения материала дисциплины.

Отметим, что формирование кросс-культурной грамотности студентов должно строиться с учетом использования современных подходов и инновационных методов преподавания в системе высшей школы. Среди преобладающих подходов наиболее востребованными считаются компетентностный, личностно-ориентированный, системно-деятельностный, интегративно-развивающий, продуктивный, которые направлены на развитие гармоничной всесторонне развитой и конкурентоспособной личности. В Филиале Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в г. Севастополе особое внимание уделяется вопросу выбора методов обучения, направленных на стимулирование познавательной активности студентов, развитие навыков командной работы и учебной автономии. Для более продуктивной работы используются активные методы обучения, подразумевающие вовлечение студентов в групповые формы и виды деятельности: использование кейсов, проектная деятельность, дискуссии, собеседования и тренинги, ролевые и деловые игры в рамках тематики занятия. Поскольку основной целью иноязычной профессионально-ориентированной подготовки бакалавров считается умение осуществлять коммуникацию, необходимо придерживаться коммуникативного подхода с соблюдением диалоговой и интерактивной форм общения. Также следует подбирать для студентов задания информационно-поискового и исследовательского характера, нацеленные на развитие критического мышления и учебной автономии в процессе решения проблемных задач.

В конце освоения курса 2018/2019 и 2019/2020 гг. среди студентов проводился опрос, направленный на определение оценки удовлетворенности слушателей дисциплиной «Лингвистическая культура». Анкетирование было организовано среди студентов 4 года обучения направления подготовки 01.03.02 «Прикладная математика и информатика». В опросе приняли участие тридцать человек. По итогам анкетирования были отобраны темы курса, представляющие наибольший интерес для бакалавров, а также определены оптимальные методы и формы организации учебной деятельности в рамках курса.

В Севастопольском государственном университете на практических занятиях по иностранному языку в процессе преподавания дисциплин «Иностранный язык» и «Профессионально-ориентированный английский язык» в 2018/2019 и 2019/2020 гг. авторы курсов имели возможность варьировать содержание заданий для самостоятельного определения индивидуальной образовательной траектории студентов. Целенаправленно подбирался дополнительный учебный материал в соответствии с выбором исходного уровня владения языком. В рамках вышеуказанных дисциплин особое внимание уделялось специфике и аспектам понятия «культура», например, политическая корректность, религиозные различия, особенности национального юмора, основы этикета, специфика бизнес-коммуникации и процедура ведения переговоров, поведенческие нормы представителей культуры других стран и так далее.

Стоит отметить, что понятие «юмор» является одним из самых трудных аспектов кросс-культурной грамотности, так как существуют значительные различия в социальной, этнической, культурной и политической сферах различных стран. Соответственно, следует акцентировать внимание на занятиях по иностранному языку на обсуждении «противоречивых тем», которые могут вызвать неоднозначную реакцию при общении с иностранцами (например, национальные обычаи).

В результате освоения рассмотренных дисциплин, направленных на формирование кросс-культурной грамотности, в Филиале Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в г. Севастополе и Севастопольском государственном университете повысился интерес студентов программы бакалавриата к изучению особенностей культуры стран мира. В процессе обучения студенты были вовлечены в познавательную и

мотивационно-творческую активность, нацеленную на изучение социокультурных аспектов (например, невербальное коммуникативное поведение, а именно жесты, мимика, понятие «личное пространство» и т.п.). Студенты также принимали участие с докладами в рамках тематики курсов на различных внешних конференциях и конкурсах в очной и дистанционных формах. Таким образом, можно утверждать, что использование активных методов и технологии исследовательского обучения в процессе формирования кросс-культурной грамотности студентов повысило качество иноязычной профессионально-ориентированной подготовки бакалавров.

Резюмируя вышесказанное, подчеркнем, что формирование кросс-культурной грамотности – это специально организованная целенаправленная учебная деятельность, которая ориентирована на интеграцию личности в поликультурную среду.

В процессе формирования кросс-культурной грамотности необходимо создать определенные условия для:

- формирования и развития культуры межнационального взаимодействия;
- преодоления культурного и языкового барьера;
- стимулирования познавательной активности студентов;
- развития толерантности в поликультурной среде.

Уважая культуру других народов и существующие различия, а также приобщаясь к культурному наследию по средствам изучения иностранного языка, студент сможет конструктивно общаться с представителем любой национальности, что может стать гарантией успеха трудовой деятельности будущего специалиста, развития его профессионального потенциала и становления его как высококультурной личности.

Для продуктивного общения на международном уровне современный специалист должен владеть иностранным языком на соответствующем уровне, а также знать культуру представителей другой страны и обладать определенными личными и профессиональными качествами и умениями.

В данной статье были рассмотрены теоретические и методические аспекты формирования кросс-культурной грамотности студентов-бакалавров по средствам изучения иностранного языка. Наши дальнейшие научные поиски и перспективные направления исследования будут посвящены разработке критериев и определению уровней сформированности кросс-культурной грамотности в процессе иноязычной профессионально-ориентированной подготовки бакалавров.

Список литературы:

1. Гузнова А. В., Павлова О. А., Шумилова О. Н. Формирование межкультурной компетентности студентов посредством дисциплин гуманитарного цикла // Азимут научных исследований: педагогика и психология, 2018. Т. 7. № 2 (23). С. 82-85.
2. Зайцева В. А. Кросскультурная компетенция как условие успешного межкультурного общения // Теория и практика профессионально-ориентированного обучения иностранным языкам: Материалы VIII Международной научно-практической конференции, Минск, 14-16 мая 2015 г. Минск: международный университет «МИТСО», 2015. С. 249-252.
3. Крылова М. Б. Формирование кросс-культурной коммуникативной компетентности менеджеров: автореф. дис. ... канд. экон. наук. – Санкт-Петербург, 2019. 18 с.
4. Лапшин А. Г. Международное сотрудничество в области гуманитарного образования: перспектива кросс-культурной грамотности // Кросс-культурный диалог: компаративные исследования в педагогике и психологии. Сб. ст. – Владимир, 1999. 47 с.
5. Мазкова И. Г., Никитина Н.И. Формирование профессионально-коммуникативной иноязычной культуры специалиста-международника // Вестник ЧГПУ им. И. Я. Яковлева. 2012. № 1 (73). Ч. 2. С. 97-102.

6. Рощупкин В. Г. Формирование кросс-культурной грамотности студентов в процессе обучения в педагогическом университете: Дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01. Самара, 2009. 63 с.

7. Сергеева Ю. М. Конвергенция профессионального и лингвистического образования в высшей школе (на примере образовательной программы «Профессиональная коммуникация в кросскультурной среде») / Ю. М. Сергеева // Преподаватель XXI век. 2019. № 3. Ч. 1. С. 103-112.

8. Хенви Р. Достижимая глобальная перспектива / Р. Хенви, пер. с англ. Я.М. Колкера и др. Рязань: Изд-во Ряз. гос. пед. ун-та, 1994. 92 с.

9. Южанин М. А. Кросс-культурное обучение в глобализирующемся мире // Социология власти. 2010. № 5. С. 96-103.

10. The Lewis Model // CrossCulture. URL: <https://www.crossculture.com/about-us/the-model/> (date of access: 15.11.2020).

УДК 351

ОЦЕНКА ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕГИОНА ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ

Жиганов Глеб Валерьевич
магистрант

Бойко Галина Ахметовна
научный руководитель

ASSESSMENT OF THE REGION'S FOREIGN ECONOMIC ACTIVITY IN THE IMPLEMENTATION OF STRATEGIC PLANNING

Gleb V. Zhiganov
graduate student

Galina A. Boyko
scientific advisor

АННОТАЦИЯ. В 2020 году во всех субъектах Российской Федерации активно внедряется Региональный экспортный стандарт 2.0. Данный документ стратегического планирования предусматривает исследование результатов внешнеэкономической деятельности региона. Использование для оценки состояния ВЭД только наиболее простых показателей (экспорт, импорт и сальдо торгового баланса) не позволяет всесторонне и объективно оценить указанную сферу. В этой связи автором были предложены показатели для оценки внешнеэкономической деятельности региона дополнительно к показателям, изложенным в Региональном экспортном стандарте 2.0. В качестве примера использования предложенных показателей приведено сравнение Ярославской области с регионами-бенчмарками. Эмпирическую базу исследования составили: расчеты, произведенные автором в рамках оценки региона по показателям внешнеэкономической деятельности, исследование, посвященное изучению взаимосвязи между ВРП и экспортом Ярославской области.

Ключевые слова: оценка внешнеэкономической деятельности региона, ВЭД, экспорт, показатели ВЭД, экспортный стандарт.

ABSTRACT. In 2020, the Regional export standard 2.0 is being actively implemented in all regions of the Russian Federation. This strategic planning document provides for a study of the results of the region's foreign economic activity. Using only the simplest indicators (export, import, and trade balance) to assess the state of foreign economic activity does not allow a comprehensive and objective assessment of this area. In this regard, the author proposed indicators for assessing the

region's foreign economic activity in addition to the indicators set out in the Regional export standard 2.0. As an example of using the proposed indicators, the comparison of the Yaroslavl region with the benchmark regions is given. The empirical base of the research is based on the calculations made by the author in the framework of assessing the region's foreign economic activity indicators, and a study on the relationship between GRP and exports of the Yaroslavl region.

Keywords: assessment of the region's foreign economic activity, foreign economic activity, export, indicators of foreign economic activity, export standard.

In the constituent entity of the Russian Federation, it was recommended to develop and approve the program for the development of exports of the constituent entity of the Russian Federation until 2024 by the supreme executive body of the constituent entity of the Russian Federation [3]. In the export program of a subject, general indicators for assessing the state of the region's foreign economic activity can be used, as well as additional indicators that allow a deeper study of the state of foreign economic activity in the subject of the Russian Federation.

The foreign economic activity of the region is an important part of the socio-economic infrastructure of the region and develops under the influence of the general course of the foreign economic policy of the state and the export-import course of the constituent entity of the Russian Federation.

Foreign economic activity includes many areas [5, p. 131]. The types of foreign economic activity are considered in Figure 1.

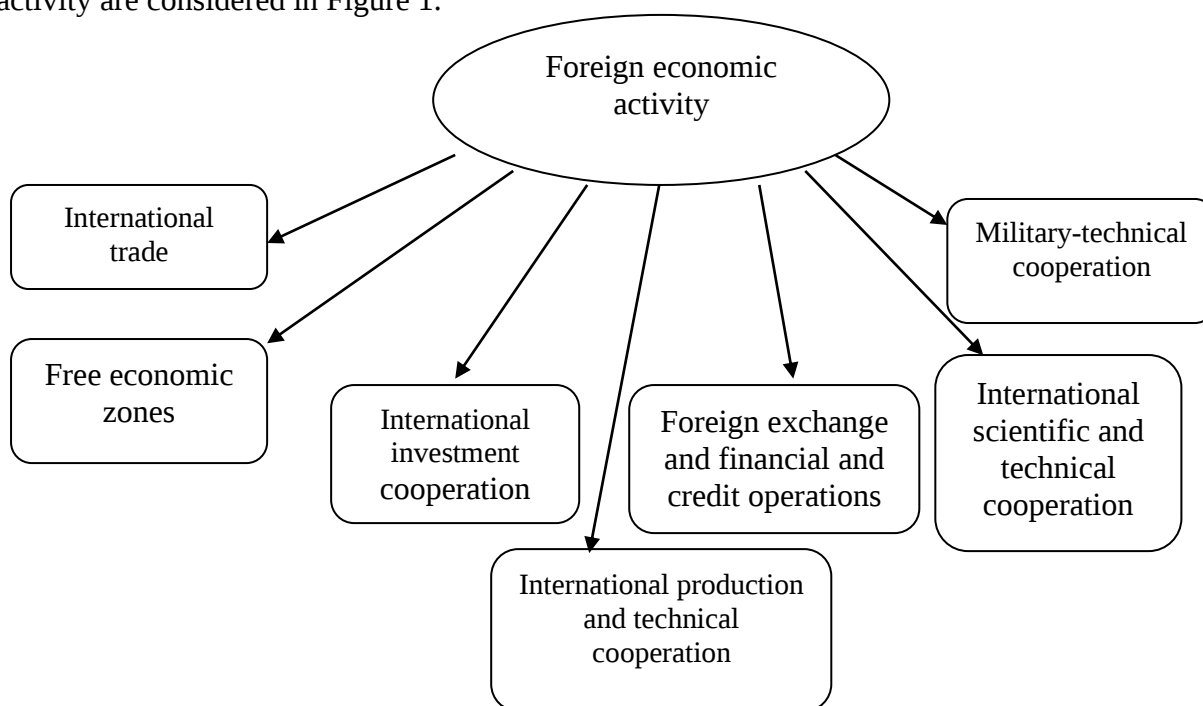

Figure 1. Types of foreign economic activity

At the regional level, the most important type of foreign economic activity is foreign trade. A variety of directions of foreign economic activity is necessary for the successful economic growth of a country, region, and development of scientific, technical and production and technical progress, expansion of sales markets for its products, investment. That is why it is important to plan and set a general vector in the field of foreign economic activity.

Having considered the categorical apparatus of foreign economic activity need to submit definition of foreign economic activity. This definition can be applied both at the regional and federal levels. The approaches of various authors are shown in Table 1 [2, p. 65-68].

Table 1. Approaches to entities category “Foreign economic activity”

Num.	Author	The essence of foreign economic activity
1.	Big Dictionary of Economics	One of the areas of economic activity of the whole country, region, organizations, enterprises, which has a close relationship with foreign trade, operations related to the import of goods and export activities, lending from foreign banks, investment activities carried out together with other states.
2.	Popondopulo V.F.	The field of activity, the essence of which is the production of goods and services that are intended for sale on international markets through the implementation of export and import operations, an attack in the form of various forms of “international exchange of capital, labor and intellectual property.”
3.	Musin V.A.	Foreign economic activity is understood as an activity that consists in the acquisition, modification or termination of rights and obligations that are based on “the creation, use or alienation of material goods or other results of human activity, in relations between persons of different nationalities.”
4.	V.V. Gushchin Dmitriev Yu.A.	Type of interstate cooperation.
5.	Barinov V.A. Didenko N.I.	The level of economic production entities. Within the framework of such activities, they have absolute independence in determining a suitable foreign partner for work, the list of goods and services for carrying out export or import operations, setting the price and value of the concluded contract for the transaction, determining the volume and time of deliveries. With this approach, such activity is part of the enterprise’s work in the production of goods and services, as well as their commercial activities both with partners within the country and with foreign companies.

The definition of the essence of foreign economic activity will be based on first approach (definition given in Big Dictionary of Economics). With this approach, the term under consideration is interpreted as a significant sphere of economic activity of the country and economic entities.

The unconditional advantage of this approach is that the state is considered as a subject of foreign economic activity. Also, this approach clarifies specific types of foreign economic activity.

Federal Law “On strategic planning in the Russian Federation” of June 28, 2014 N 172-FZ contains the following definition of the category “Strategic planning”: strategic planning – the activities of participants in strategic planning in goal setting, forecasting, planning and programming the socio-economic development of the Russian Federation, subjects of the Russian Federation and municipalities, sectors of the economy and spheres of state and municipal administration, aimed at solving the problems of sustainable socio-economic development of the Russian Federation, constituent entities of the Russian Federation and municipalities and ensuring the national security of the Russian Federation.

Based on the above categories, we define strategic planning of foreign economic activity of a constituent entity of the Russian Federation as the activity of participants in strategic planning for goal-setting, forecasting, planning and programming the socio-economic development of a constituent entity of the Russian Federation, aimed at solving the problems of sustainable socio-economic development of a constituent entity of the Russian Federation in the development of foreign economic activity.

Here are the main indicators of foreign economic activity on the example of the Yaroslavl region, characterizing foreign trade turnover of the region. In recent years, the Yaroslavl Region has

maintained its position as a region with a positive trade balance (foreign trade turnover). That is, the share of exports in the structure of foreign economic activity almost always exceeded the share of imports. This ratio is called a positive trade balance and speaks of international demand for goods in this area. Table 2 shows the indicators of the foreign economic turnover of the Yaroslavl region [1; 4].

Table 2. Indicators of foreign economic turnover of the Yaroslavl region

(in million US dollars)	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Turnover	929.6	1455.5	1563.3	2950.2	1918.8	1391.5	1277.7	1599.5	1 978.2	1773.1
(in million US dollars)	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Export	440.5	581.0	644.4	2000.5	1029.2	811.5	626.6	824.9	1201.3	1040.4
Import	489.1	874.5	918.9	949.7	889.6	580	651.1	774.6	776.9	732.7
Balance	-48.6	-293.5	-274.5	1050.8	139.6	231.5	-24.5	50.3	424.4	307.7
Export-import coverage ratio	90.06	66.44	70.13	210.65	115.69	139.91	96.24	106.49	154.63	142,00

In the Yaroslavl region, the trade balance indicators reflect a positive trend. These indicators make it possible to assess the export and import of the region quantitatively (the number of foreign trade partners) and qualitatively (geography of supplies). However, for a deeper study of the region's foreign economic activity, these indicators, according to the author, are not enough.

The author proposes to use a wider list of indicators presented in Table 3. The indicator “share of exports in GRP” reflects the impact of exports on the regional economy as a whole. As a rule, this indicator is not calculated at the regional level. It is proposed to calculate the indicator based on customs statistics and the official exchange rate set by the Bank of Russia. The indicator “share of exports in GRP” reflects the need for strategic planning of foreign economic activity. The procedure for calculating this indicator is presented in Table 3.

Table 3. Methodology for calculating the indicators “Share of exports in GRP”, “Share of imports in GRP”, “Share of non-resource non-energy exports in GRP” [Compiled by the author]

Num.	Index	Formula	Calculation method
1.	Share of exports in the GRP of a constituent entity of the Russian Federation	$Ex_{GRP}^i = \frac{Ex^i * k^i}{GRP} * 100\%,$ where Ex_{GRP}^i - the share of exports in the GRP of a constituent entity of the Russian Federation in year i, GRP - GRP, Ex^i - export of a constituent entity of the Russian Federation per year i in \$ million,	1. According to customs statistics, a table is compiled containing exports from the constituent entity of the Russian Federation by year. 2. The official dollar rate coefficient is taken as the official dollar rate set by the Bank of Russia on the first day following the reporting period (January 1 of the next year). 3. With the help of the specified coefficient, the export is transferred from \$ million to the Russian

Num.	Index	Formula	Calculation method
		k^i is the official dollar rate in year i.	currency. 4. The resulting value must be divided by the subject's GRP.
2.	Share of non-resource non-energy exports in the GRP of a constituent entity of the Russian Federation	$Ex_{HH}^i_{GRP} = \frac{Ex^i * l^i_{exHH} * k^i}{GRP} * 100\%$ where $Ex_{HH}^i_{GRP}$ - the share of non-resource non-energy exports in the GRP of a constituent entity of the Russian Federation in year i, l^i_{exHH} - indicator "Share of non-resource non-energy exports in total exports."	1. According to customs statistics, a table is compiled containing exports from the constituent entity of the Russian Federation by year. 2. Using the indicator "Share of non-resource non-energy exports in total exports", the volume of non-resource non-energy exports is calculated. 3. The coefficient of the official dollar rate is taken as the official dollar rate set by the Bank of Russia on the first day following the reporting period (January 1 of the next year). 4. With the help of the specified coefficient, non-resource non-energy exports are converted from USD million into Russian currency. 5. The resulting value must be divided by the subject's GRP.
3.	The share of imports in the GRP of a constituent entity of the Russian Federation	$Im^i_{GRP} = \frac{Im^i * k^i}{GRP} * 100\%$ where Im^i_{GRP} - the share of imports in the GRP of a constituent entity of the Russian Federation in year i, GRP - GRP, Im^i - import of a constituent entity of the Russian Federation per year i in \$ million, k^i is the official dollar rate in year i.	1. According to customs statistics, a table is compiled containing imports into the constituent entity of the Russian Federation by year. 2. The official dollar rate coefficient is taken as the official dollar rate set by the Bank of Russia on the first day following the reporting period (January 1 of the next year). 3. With the help of the specified coefficient, the import is transferred from \$ million to the Russian currency. 4. The resulting value must be divided by the subject's GRP.

These indicators reflect the dependence of the region's economy on exports and imports. This technique can be used to calculate these indicators in any of the constituent entities of the Russian Federation, the data obtained in the calculation of indicators are comparable and can be used when comparing subjects in the analysis of foreign economic activity.

Taking into account the above methodology, the author proposes to use the following table of indicators to assess foreign economic activity (Table 4) [4]. The table shows a comparative analysis of the indicators of the Yaroslavl region with the benchmark regions. Data for calculating indicators taken from the official portal of the FCS and the analytical portal "Export of Regions".

Table 4. Comparison of the Yaroslavl region with benchmark regions

Num.	Index	Yaroslavl region	Vladimir region	Ryazan Oblast	Kursk region	Kostroma region	Tver region
1.	Place in terms of export volume to the Russian Federation	44	53	37	50	52	60
2.	Export volume	\$ 1.04 billion	\$ 0.64 billion	\$ 1.31 billion	\$ 0.79 billion	\$ 0.72 billion	0.35 billion \$
3.	The volume of non-resource non-energy exports	\$ 0.96 billion	\$ 0.63 billion	\$ 1.28 billion	\$ 0.37 billion	\$ 0.72 billion	\$ 0.34 billion
4.	Share of non-resource non-energy exports	92.48%	97.89%	97.71%	46.33%	99.29%	96.61%
5.	Upper processing export	58.06%	68.21%	76.01%	34.43%	10.30%	55.24%
6.	Export of middle processing	6.86%	29.84%	19.17%	43.19%	25.53%	23.60%
7.	Downstream export	35.08%	1.95%	4.82%	22.39%	64.16%	21.15%
8.	Export growth rate	85.7%	75.3%	269.2%	115.9%	212.7%	116.3%
9.	Share of exports in GRP	14.89%	13.20%	8.82%	11.07%	13.03%	4.70%
10.	Share of imports in GRP	9.63%	20.67%	12.78%	8.45%	5.34%	9.48%
11.	Export of services	\$ 173.24 million	\$ 111.42 million	\$ 105.88 million	\$ 76.36 million	\$ 14.35 million	\$ 127.82 million
12.	Share of non-resource non-energy exports in GRP	13.77%	12.92%	8.62%	5.13%	12.94%	4.55%

Thus, in terms of the volume of exports (as well as the volume of non-resource non-energy exports), the Yaroslavl Region is second only to the Ryazan Region. The share of non-resource non-energy exports in the Yaroslavl region is very high, but the region is inferior in this indicator to benchmarks (except for the Kursk region). Export growth has now slowed down. In terms of the share of exports in GRP, the Yaroslavl region bypasses all benchmarks. The export of services in the Yaroslavl region is also significantly higher than in the benchmark regions.

Another indicator that can be used to assess the state of the region's foreign economic activity is the dependence of the region's GRP on exports. Let's consider the dependence of the GRP of the Yaroslavl region on exports using the elements of correlation analysis. Its results are presented in Table 5.

Table 5. The relationship between export indicators and GRP of the Yaroslavl region
[Compiled by the author]

Num.	Index	Value
1.	Determination coefficient	0.5774
2.	Average coefficient of elasticity	0.376
3.	Average error of approximation	13.84

In this way, author analyzed dependence of GRP on exports. Paired linear regression was chosen at the specification stage. Its parameters are estimated by the least squares' method. The statistical significance of the equation was tested using the coefficient of determination and Fisher's test. It was found that in the studied situation, 57.74% of the total variability of GRP is explained by changes in exports in the Yaroslavl region. It was also found that the parameters of the model are statistically significant. An economic interpretation of the model parameters is possible – an increase in exports by 1 unit of measure leads to an increase in GRP by an average of 3.351 units. If the export changes by 1%, the GRP changes by 0.376%.

The Yaroslavl Region has a good export potential, which is confirmed by a stable positive foreign trade balance, a high influence of exports on the region's GRP, and a significant share of exports in the GRP. The proposed indicators for assessing foreign economic activity allow a deeper study of the state of foreign economic activity in the region and are a good basis for strategic planning documents of the constituent entity of the Russian Federation.

References:

1. Внешнеэкономическая деятельность Ярославской области, <http://yar.gks.ru>: [сайт]. 2020. URL: http://yar.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/yar/ru/statistics/foreign_trade/ (дата обращения: 05.08.2020).
2. Карикова Н.Г. Теоретические подходы к определению понятия внешнеэкономической деятельности у отечественных исследователей // Journal of Economy and Business. 2018. №7. С. 65- 68.
3. Региональный экспортный стандарт 2.0. Материалы Регионального экспортного стандарта, 2020. URL: https://www.exportcenter.ru/company/region_standard/ (дата обращения: 03.10.2020).
4. Рейтинг регионов: Карта. Проект российского экспортного центра / Портал «Экспорт регионов России». 2020. URL: <https://regionstat.exportcenter.ru/regions/map/> (дата обращения: 10.09.2020).
5. Шедько, Ю. Н. Региональное управление и территориальное планирование в 2 ч. Часть 1 [Электронный ресурс]: учебник и практикум для вузов / Ю. Н. Шедько [и др.]; под ред. Ю. Н. Шедько. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2020. 205 с. URL: <https://www.biblio-online.ru/book/regionalnoe-upravlenie-i-territorialnoe-planirovanie-v-2-ch-chast-1-454324> (дата обращения: 14.04.2020).

УДК 338.264

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
В ОТНОШЕНИИ ИЗМЕНЕНИЯ КЛИМАТА**

*Иваненко Владимир Александрович
доктор философии по экономике*

**RUSSIAN GOVERNMENT POLICY
TOWARDS THE PROBLEM OF CLIMATE CHANGE**

*Vladimir A. Ivanenko
Doctor of Science in Economics*

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается вопрос интеграции государственных планов, связанных с охраной окружающей среды и, политики, направленной на развитие топливно-энергетического комплекса РФ. Анализ, проведенный на основе национальных проектов класса «Экология» и энергетической стратегии РФ, выявил минимальное пересечение двух областей планирования, что указывает на отсутствие комплексного подхода в данном направлении, которое является доминирующим во многих западных странах, озабоченных проблемой глобального потепления. Из этого следует вывод, что борьба с изменением климата не находит своего проявления в планах, установленных правительством РФ в областях экологии и энергетики.

Ключевые слова: проблемы экологии, энергетическая политика, борьба с изменением климата

ABSTRACT. The article examines potential integration of government initiatives in the field of environmental protection and policies aimed at the development of energy sector of the Russian Federation. The analysis, carried out on the basis of national ecological projects and the energy strategy of the Russian Federation, reveals that the two planning areas are practically disjoint. This indicates that integrated approach towards solving the issue of global warming through modification of energy supply and demand patterns, which is dominant in many Western countries, has little political support in Russia. The article concludes that the goal to combat climate change, pronounced by the Russian government, has not been followed through in the factual government plans.

Keywords: environmental problems, energy policy, combating climate change

Combating climate change is one of the key challenges facing governments in many Western countries. The main approach that they choose is to encourage changing the established pattern of supply and demand of energy resources with ever greater use of renewable energy sources at the expense of hydrocarbon resources, which use is expected to fall, as well as through additional measures aimed at more effective energy consumption. Such policy decisions are reflected in national programs adapted with the goal of greenhouse gas emission reduction, particularly by energy-intensive sectors of the economy.

In this basic framework setting, observing the relationship between environmental objectives set by a government and energy policy instruments that it employs allows to identify the consistency between the proclaimed goals and the factual intentions. The degree of presumed relationship would indicate how important the task of combating climate change is for the government under investigation.

Using data provided in Russian national projects of the class "Ecology" and objectives set in the energy strategy of the Russian Federation, this article analyzes how consistent defined environmental problems are with energy instruments employed in Russia regarding the problem of climate change. Using the principle of reverse engineering, the opposite analysis of defined energy issues consistency with Russian environmental goals is conducted. In the final section an integrated

approach is applied to discuss the overall potential of defined energy instruments that can be applied to address environmental issues addressed by the Russian government.

1. How Social Problems are Defined and Approached to in Democratic Countries

The procedure generally accepted in democratic countries for identifying and solving social problems, including environmental ones, can be conditionally divided into four stages.

At the very first stage, a group of citizens express certain resentment with the current state of affairs or the dynamics of events affecting their environment (for example, publication of a plan for the development of a forest used for recreation by the local residents). Such grass-root problems arise spontaneously all the time, go through a stage of seething local dissatisfaction and, usually because stakeholders lack organization, pass away through gradual adaptation of local community to the new conditions. In some cases, the problem becomes embodied in the form of a non-governmental organization, which raises it to the level of public discussion in social networks or other mass media. If the public discussion attracts attention of important entities who voice their support, it becomes noticeable to the legislative bodies, which discuss the issue and, if there is sufficient support among the legislators, legalize the problem within the powers of their authority. In its turn, the legislative recognition triggers the response of administrative authorities, which are in charge of choosing the method and allocating resources necessary to set it in motion. Then, the initiators of the debate observe with satisfaction the work conducted to resolve the issue (unless the bureaucrats in charge decide to sabotage the solution redirecting public attention to something else.)

In this article we discuss only those Russian environmental problems, for which administrative measures to allocate resources were taken, that is, such environmental protection problems that are pronounced in the federal projects.

2. Environmental Issues as Defined by the Government of the Russian Federation

The budget of the Russian Federation for 2020-2 sets state expenditures on environmental protection at 1.0-2.0% of the total federal expenditures, which puts this functional class in the 10th position in the general classification of expenditures [1]. The fact that the ecological issues are defined as a separate expenditure item allows saying that they are recognized at the highest hierarchical level of the above-mentioned classification of social problems. However, relatively insignificant amount of budgetary expenditures suggests that problems selected for funding belong, according to the view of the federal government, to the class of specific issues that is that they do not have national significance.

Examination of the list of priority programs and projects of the "Ecology" class confirms the initial impression. The passport of the national project "Ecology" defines 6 key areas [3]:

1. Efficient handling of industrial and domestic waste
2. Reducing the level of air pollution in large industrial centers
3. Improving the quality of drinking water supplied to residents
4. Ecological improvement of water bodies
5. Conservation of biodiversity
6. Maintaining the balance of forest regeneration

As can be seen from the list, the tasks are related to specific and unrelated issues of improving the quality of material resources (land and water) or maintaining the reproduction of biological resources (species and forests). Such problems were relevant in the Western world 20-30 years ago, which allows us to conclude both the presence of catch-up effect in Russian policy development and the absence of integrated approach to environmental issues at the level of the federal government of the Russian Federation.

Discussions about why Russia is at this stage of policy development and what interest groups can do to influence federal environmental policy are normative questions that are not addressed in this article.

3. Energy Industry Targets Set by the Federal Government of the Russian Federation

The main goals of Russia's energy policy can be found in the Energy Strategy of the Russian Federation for the period up to 2035 [4]. It should be noted that this document belongs to the policy

instruments of state monitoring and, hence, provides general formulations of problems and sets forecast benchmarks, but does not specify the allocation of resources for the implementation of these targets.

Among the state energy policy priorities, which have internal support and, therefore, generalize the overall national problems, three areas stand out:

- ensuring the national energy security in general and in the territories of geostrategic importance (such as the Republic of Crimea and the Kaliningrad region);
- meeting the domestic demand for energy products and services, in particular through the maximum possible import substitution of energy-related equipment;
- maximum use of the advantages provided by the use of centralized energy supply systems.

The rest of the stated priorities either indicates the support for problems announced by external stakeholders (transition to clean and energy saving technologies), or amounts to declarations (development of competition, rational use of natural resources, improving the efficiency and effectiveness of energy industry management).

In general, the impression is that the energy sector goals set by the government of the Russian Federation are largely driven by the concerns related to national security and resilience of national energy system. The strategy prioritizes energy supply for domestic consumers. Apparently, in response to Western sanctions, possible issues with the supply of imported equipment are sought to be resolved through import substitution. The problem of using centralized energy supply systems stands apart. It may represent an attempt by the Russian government to use the competitive advantage offered by the former Soviet approach to centralized energy supply, which has lower costs in comparison with individual heating systems adopted in the United States.

As can be seen from the strategy, the most salient Russian energy problems do not practically overlap with the stated environmental problems of this country.

Separately, it is worth noting the role assigned to renewable energy sources (RES) in Russian government programs, especially as it relates to the problem of climate change as it is understood in the Western countries. The State Program of the Russian Federation "Energy Development" contains a subprogram "Development of renewable energy sources", which declares the task of "developing the domestic scientific and technological base and mastering advanced technologies in the field of renewable energy sources" [2]. The initial idea of the subprogram, as was observed by the author in 2018, was to increase the share of the installed generating capacity of power plants and other installations that use RES to 0.39% in the total generating capacity of the Unified Energy System of Russia in 2019. The initial formulation of the task and the stated indicator pointed towards RES being considered in the Russian Federation as an area of research to determine the practical value of RES facilities, rather than as a practical method to solve environmental problems. However, the latest version of the subprogram has seen significant upward adjustment in the share of RES generating facilities (up to 4.5%) in 2024, which suggests that the experience has been positive and that the authorities have decided to use the RES in real. However, further study of the document allows concluding that the main benefit of RES is seen by the government in the development of distributed energy generation in remote and isolated regions, that is, to solve the problem of sustainable power supply to consumers not connected to the Unified Energy System of Russia. While environmental issues are not raised in this interpretation directly, they can be affected indirectly, for example, if the diesel generators currently in use are partially replaced by less polluting renewable energy facilities.

4. Environmental Problems Adopted by the Government of the Russian Federation that can be Solved using Energy Programs

The environmental problems that can be addressed through energy programs can be roughly divided into three categories that correspond to the stages of energy production and consumption: environmentally harmful production, wasteful energy consumption and switching from more to less polluting energy resource (for example, replacing coal with natural gas in power generation).

In Section 2 of this article we have presented a list of environmental problems that the federal government of the Russian Federation tries to deal with. The first three of them can be partially solved by modifying the energy chains.

Efficient handling of industrial and domestic waste implies a change in waste treatment to the state that is considered more acceptable for the environment and, ideally, economically useful. In this respect projects that involve converting organic waste into biogas or biofuels. Currently, projects in this area are not commercially viable and, therefore, require state support for their continuation, which, in turn, indicates the need for establishing the "social costs" of processing organic waste and planning how the resulting fuel products will be used.

The problem of reducing air pollution is perhaps the most directly related to the energy industry. Opportunities offered by transportation sector, such as replacing internal combustion engines with electric motors or hydrogen fuel cells, immediately come to mind. But, according to the document, the task is set differently: the subprogram presents a list of large industrial centers (for example, Nizhniy Tagil, Novokuznetsk, Chita) that are eligible for funding. Thus, the apparent policy intention relates to changing the structure of industrial technologies with the corresponding change in energy use playing a subordinate role.

Finally, the task of improving the quality of drinking water for the population can be expanded by drawing attention to the problem of water supply in the arid regions of the country, in particular the Republic of Crimea. The most long-term solution in this case would be the commissioning of a sufficient number of demineralization water treatment plants, which are significant energy consumers. Given that the Crimean region is rich both in solar and wind energy resources, the installation of solar and wind farms to serve the plants is seen as an obvious solution. However, as for the previous problem, the energy component is not primary here as well.

In this article, we outlined a range of Russian environmental issues and considered methods to solve them using energy programs. The article main objective was to determine if the established environmental objectives and adopted energy programs intersect sufficiently to affirm the integral government approach, particularly with respect to the problem of climate change.

The list of pronounced Russian environmental problems is constantly changing, but it is not significant until such issues reach the stage of national recognition, expressed through the allocation of resources for their solution. Although some environmental problems can be resolved with resources allocated by private businesses or non-governmental organizations, the most significant Russian environmental programs are funded by the state, mainly through the federal government. Therefore, in this article, the term "environmental problems" referred to those tasks and methods of their solution, which were selected by the federal government.

At first, the tasks defined in this way were assessed in general through potential application of energy policy instruments, but this approach did not show intersection of the environmental problems with energy instruments. Further, this approach was reversed and the energy issues set by the government of the Russian Federation were examined in their relation to environmental problems. Similarly, this review also did not reveal the intersection between energy sector and problems related to environment.

In the last section of the article, environmental problems were analyzed normatively by suggesting possible application of energy policy instruments to address the environmental goals. This approach revealed some potential of the energy sector, in particular, associated with the conversion of organic waste in biogas and biofuels, but indicated the need for government support for the successful implementation of projects related to the disposal of industrial and consumer organic waste.

References:

1. БЮДЖЕТ ДЛЯ ГРАЖДАН // к проекту федерального закона о федеральном бюджете на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов. URL:

<https://www.minfin.ru/common/upload/library/2019/10/main/BDG.pdf> (дата обращения: 26.09.2020).

2. Государственная программа РФ «Развитие энергетики», в редакции от 26.08.2020 № 1281, URL: <https://minenergo.gov.ru/system/download/323/123783> (дата обращения: 28.09.2020).

3. Паспорт национального проекта «Экология», URL: https://www.mnr.gov.ru/activity/directions/natsionalnyy_proekt_ekologiya/ (дата обращения: 26.09.2020).

4. Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2035 года, URL: <http://government.ru/docs/39847> (дата обращения: 27.09.2020).

УДК 371.39

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД К ПРЕПОДАВАНИЮ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА СТУДЕНТАМ ИНЖЕНЕРНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

Кабанкова Елена Николаевна

кандидат педагогических наук, доцент

Иванцова Юлия Александровна

кандидат филологических наук, доцент

Лысенко Владлена Владимировна

старший преподаватель, аспирант

AN INTERDISCIPLINARY APPROACH TO TEACHING ENGLISH FOR ENGINEERING STUDENTS

Elena N. Kabankova

PhD in Pedagogy, associate professor

Yuliya A. Ivantsova

PhD in Philology, associate professor

Vladlena V. Lysenko

senior lecturer, postgraduate student

АННОТАЦИЯ. Исследование посвящено специфике профессиональной иноязычной подготовки студентов инженерных специальностей в техническом вузе на основе использования междисциплинарного подхода в процессе обучения английскому языку. В статье рассматривается концептуальная взаимосвязь учебных дисциплин в аспекте межпредметной координации процесса обучения, что позволяет эффективнее сформировать иноязычную профессиональную компетентность обучающихся. В статье отмечены преимущества упомянутого подхода к преподаванию английского языка и основные требования к его продуктивной реализации. В результате сделан вывод, что применяемый подход объединяет лингвистическую, профессиональную, компьютерную и культурологическую направленность обучения и позволяет равномерно распределить содержание программы обучения между аудиторными и самостоятельными видами работ.

Ключевые слова: межпредметная координация, междисциплинарный подход, профессиональная иноязычная компетентность, студент-инженер.

ABSTRACT. The study is dedicated to the specifics of professional foreign language learning of technical university students based on an interdisciplinary approach in the process of English language teaching. Students' foreign-language professional competence can be formed more efficiently in the process of learning a foreign language when using the interconnection of educational disciplines on the basis of cross-curricula coordination. The advantages of the

mentioned approach to teaching English and main requirements to its successful implementation are studied. An interdisciplinary approach combines the linguistic, professional, computer and cultural orientation of learning, and allows to distribute the content of the curriculum between classroom and individual work evenly.

Keywords: interdisciplinary coordination, interdisciplinary approach, professional foreign language competence, engineering student.

Requirements for a modern engineer are reflected in the criteria of international certification accreditation bodies for the training of engineers. They concern not only the basic scientific, mathematical, professional and special training of engineers, but also additional skills, in particular, such as: ability to communicate, knowledge of foreign languages. The criteria of the European Federation of National Engineering Associations (FEANI) clearly set out the requirements for the level of language training of a professional engineer like European languages proficiency, sufficient to facilitate communication when working throughout Europe, European languages, sufficient for communication in Europe [6].

Some scientists distinguish the following requirements for technical specialists:

- stable, conscious and positive attitude to their profession, chosen field of activity, the desire for continuous personal and professional improvement and development of their intellectual potential;
- high professional competence, possession of the whole set of fundamental and special knowledge and practical skills necessary for work;
- creative approach to solving professional problems, the ability to navigate in nonstandard conditions and abnormal situations, to analyse emerging problems, independently develop and implement a plan of actions;
- high communicative readiness to work in a professional (industrial, scientific, technical, informational) and social environment;
- the integrity of the worldview of the specialist as a representative of the socio-professional group [1].

Thus, it can be argued that currently the requirements for future professionals in different countries are virtually indistinguishable. Today's professional is not only a narrow specialist in his field, but a self-starter, a team-player and a person ready for constant development. In support of this position, a report by the Swedish Industrial Federation states that "industry needs a large number of well-educated scientists and engineers. However, the number is not the most important, much more important – the competence of specialists. On the one hand, scientific knowledge is needed, but it is not enough. You can't do without social competencies and other abilities. The ability to cooperate, creativity, responsibility – these are the requirements that are vital at the present stage. Continuous personal development is also necessary for professionals" [8]. Among the above social competencies there is the ability to cooperate, communication skills, a high level of language and culture.

Studying the course "English for specific purposes (ESP)" at a higher school raises special motivation when the professional interests of students in their professional field are taken into account. Students' foreign-language professional competence can be formed more efficiently in the process of learning a foreign language when educational disciplines are interconnected and interdisciplinary coordination exists. When learning language at a professional basis, students, without persuasion, immediately understand the importance and necessity of having at least minimal knowledge of a foreign language in their profession to become high quality specialists or experts in the conditions of intense competitiveness of the labour market.

Training of engineering students to have appropriate skills should begin with identification of those skills. Teaching practice show that communicating skill is considered to be the most important. This skill category included writing, reading and presenting information, listening and understanding instructions and ability to speak other languages (specifically English).

Communicating is the number one skill in each employment area and each geographical region. The high value for communication skills, particularly the knowledge of English (which can be regarded both as a business and science language), can be related to several phenomena. One is globalisation in all areas of science and technology and, consequently, an increasing number of business and industry contacts beyond national borders. Another can be the growth in technological challenges and structural complexity in the workplace, accounting for an increased need for improved internal communications.

Hutchinson et al. states that ESP is an approach to language teaching in which all decisions as to content and method are based on the learner's reason for learning [7].

Dudley-Evans gives an extended definition of ESP in terms of 'absolute' and 'variable' characteristics.

Absolute Characteristics:

1. ESP is defined to meet specific needs of the learners
2. ESP makes use of underlying methodology and activities of the discipline it serves
3. ESP is centered on the language appropriate to these activities in terms of grammar, lexis, register, study skills, discourse and genre.

Variable Characteristics:

1. ESP may be related to or designed for specific disciplines
2. ESP may use, in specific teaching situations, a different methodology from that of General English
3. ESP is likely to be designed for adult learners, either at a tertiary level institution or in a professional work situation. It could, however, be for learners at secondary school level
4. ESP is generally designed for intermediate or advanced students.
5. Most ESP courses assume some basic knowledge of the language systems [5].

From the definition, we can see that ESP can but is not necessarily concerned with a specific discipline, nor does it have to be aimed at a certain age group or ability range. ESP should be seen simple as an 'approach' to teaching, or what Dudley-Evans describes as an 'attitude of mind' [4].

We believe foreign language training of future engineers at higher educational establishments is to be based on the interdisciplinary approach.

The works of M. N. Skatkin are devoted to the problem of interdisciplinary connections, in which the various aspects of this problem are investigated in detail, in particular much attention is paid to the history of the emergence and development of the idea of interdisciplinary connections.

The possibility of using an integrated approach in the training of future teachers of technology, peculiarities of the integration processes in higher education is investigated by N. Borisenko, I. Sokol.

The system of interdisciplinary connections and methods of their application in pedagogical higher educational establishments are studied in works of A. Yeromkin and D. Vozdyskyi, V. Motorina studied improvement of the professional training of future teachers on the basis of interdisciplinary approach, O. Muzalov studied means, methods and forms of application of interdisciplinary connections in the process of formation of pedagogical mastery.

The analysis of works has shown that the use of interdisciplinary connections is interpreted differently and with different definitions: such scholars as V. Onushkin, N. Basova define the principle of interdisciplinary connections as the didactic principle of learning; S. Mishchenko define as the principle of interdisciplinary integration, M. Kupriyanov and O. Okolelov define as the principle of integrity and interconnection of all disciplines; other researchers, developing the content of other principles of learning (e.g systematic, fundamental), constantly include interdisciplinary connections in their content.

Consequently, interdisciplinary connections make it possible to synthesize the interdisciplinary knowledge required in the transition from one degree of education to another.

P. G. Kulagin believes that interdisciplinary coordination is a means to overcome the artificial boundaries between separate systems of knowledge acquired by students in the process of

studying various disciplines. The implementation of such coordination involves the purposeful use of the entire arsenal of forms, methods, techniques, pedagogical tools that help to identify new possibilities for their use in teaching different disciplines [2].

It should be noted that integration and coordination are different terms. Integration is a process and the result of creating something linked, united and integral in the process of learning and it is carried out through the merger of elements of various educational subjects in one synthesized course (topic, section, program), the merger of scientific concepts and methods of teaching different disciplines in general scientific concepts and methods of cognition, complexification and summation of the fundamentals of science in the disclosure of interdisciplinary educational problems. But coordination is the harmonization of educational programs of related subjects due to common interpretation of the studied concepts, phenomena, processes and the time of their study, that is, it is carefully designed interconnection of educational subjects, promoting the integration of knowledge.

Therefore, we define “interdisciplinary coordination” as a continuous dynamic multilateral connection in the teaching of ESP and professional disciplines, which contain special vocabulary, necessary for developing foreign language professional communication skills, which teachers should develop in foreign language classes.

T. Hutchinson and A. Waters argue that the linguistic knowledge required to understand a specialized text is somewhat different from the linguistic knowledge required to understand a non-specialized text. General understanding depends on knowledge of the subject, but not on the knowledge of language [7]. The scholar believes that it is not the number of professional terms in the text that distinguishes a foreign language for special purposes, but the factual knowledge necessary to understand these terms.

We agree that interdisciplinary coordination is an instalment of mutually coherent content of education in teaching disciplines that are taught, due to the specifics of each subject. Interpersonal coordination helps to achieve greater effect in the general development of those who study, in harmonious development of all spheres of their intellectual and emotional activity. The main significance of interdisciplinary relationships is that they enable to link all knowledge acquired from different disciplines into a unified system, as well as to obtain new knowledge based on these relationships.

Interdisciplinary coordination requires compliance with certain rules and procedures at the level of departments and individual teachers such as:

- clarification of the contents of the academic discipline and the allocation of intercultural aspects from its content;
- a previous study of professionally directed material or topic in the native language so that the teacher of English cannot take over the functions of the teacher of specialized disciplines, in which he/she is not a specialist;
- adjustment of curricula to ensure the sequencing of professionally oriented topics in native and foreign languages;
- use of types of training activities typical to foreign language classes at classes of specialized disciplines in native and English languages (situation simulations, work in pairs, presentations, discussions, meeting, etc.).

One of the methods of interdisciplinary coordination is to work with newspapers and journals on specialty in a foreign language. Newspapers, journals are a valuable source of educational material equally for foreign language teachers and for students studying this language.

We agree with D. Malyavin that in the process of learning a foreign language, reading newspapers and journals are used for:

- development of various linguistic competences, including reading and working with vocabulary or grammar;
- focusing on the various aspects of society and culture of the country being studied;
- stimulation of the discussion on the issues covered in articles [3].

Students consider newspapers as a stimulating and motivating resource because they offer interesting, relevant, topical and varied information. For many students they also give “the key” for the understanding of foreign society, its traditions, prejudices, ways of thinking. For these reasons, the newspaper article is one of those materials that requires some effort from students. In order to ease the task of students, their interests should be placed on the first place, and on the second – the content of the newspaper material.

The second important method of interdisciplinary coordination is work on the expansion of the terminology vocabulary of students, which means:

- mastering professional terminology in the process of developing and deepening the understanding of professional terms,
- forming skills and abilities to determine and compare content and structure of professional terms,
- familiarizing students with terminology dictionaries,
- forming skills to build vocabulary articles of professional terms,
- using special terminology in oral and written professional communication.

Students’ acquisition of professional terminology, the formation of skills to apply them in the field of professional communication, can take place through the use of problem-solving tasks, business games, discussions, terminological dictations, test tasks, work with dictionaries and reference books, etc.

The third direction of work on providing interdisciplinary coordination is to promote the research work of students, namely: writing reports, reviews, abstracts on professional topics, making presentations at scientific conferences with reports on the specialty.

To increase the value of the results of students’ research work during the presentation of prepared abstracts and reports the following technique is actively used at practical foreign language classes. It helps to increase attention of the student audience, allowing the audience to express their interest to the problem presented by the speaker, induces them to ask questions during the speech (after disclosing the content of each paragraph of the plan of the abstract or report), to find out the content of unfamiliar professional concepts and terms in the dictionary that provides personal perception and self-learning of educational material.

Each speech is discussed by all the students of the academic group, and evaluated by the “expert methodological council”, its members were chosen in advance from the best students of the group. Such classes encourage students to communicate on professional topics, which incite the development of students’ professional and terminological competence, promote the use of professional terminology, help in formation of the creative personality of a future specialist, create an atmosphere of rivalry, and increase motivation for learning.

Such activities allow us to realize the possibilities of an interdisciplinary approach in learning of ESP by future engineering students.

Consequently, interdisciplinary coordination is an effective means of strengthening the interconnections between professional disciplines and ESP. It helps student to understand better the interdependence of things and events in a globalized world, contributes to a holistic perception of the environment. Interdisciplinary coordination creates conditions for actualization of students’ knowledge in various fields of science, prompts for finding new interesting information about life, doing business, and manners of solving various problems in cultures of different peoples. It allows every student to feel as a researcher, to be engaged in realities of an unknown, foreign culture.

References:

1. Гребнев Л., Кружалин В., Попова Е. Модернизация структуры и содержания инженерного образования. Высшее образование в России. 2003. № 4. С. 46-56.
2. Кулагин П. Г. Влияние межпредметных связей на усвоение программного материала в вечерней школе : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. пед. наук : спец. 13.00.01 “Теория и методика профессионального образования” М., 1965. 18 с.

3. Малявин Д.В. Работа с газетой на английском языке в средней школе: Пособие для учителя. М: Просвещение. 1981. 128 с.
4. Anthony L. English for Specific Purposes: What does it mean? Why is it different? URL: www.antlab.sci.waseda.ac.jp/abstracts/ESParticle.html (date of access 02.10.2020).
5. Dudley-Evans, Tony. Developments in English for Specific Purposes: A multi-disciplinary approach. Cambridge University Press. 1998.
6. European Federation of National Engineering Associations. URL: <http://www.feani.org> (date of access 05.10.2020).
7. Hutchinson T. Waters A. English for Specific Purposes: A learner-centered approach/ T.Hutchinson, A. Waters. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 183 p.
8. Modeer C. Federation of Swedish Industries, Stockholm. Competence demands for today and tomorrow: quality progress through interaction with industry. DSTI/STP/TIP (99) 2 / FINAL, 1999. P. 211-216.

УДК 349

**РОЛЬ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ И ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОГО
ЗОНИРОВАНИЯ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ
ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ ДЛЯ СТРОИТЕЛЬСТВА**

*Левцова Регина Сергеевна
магистрант*

**THE ROLE OF TERRITORIAL PLANNING AND URBAN ZONING IN THE LEGAL
REGULATION OF THE PROVISION OF LAND FOR CONSTRUCTION**

*Regina S. Levtsova
graduate student*

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается роль территориального планирования и градостроительного зонирования в правовом регулировании предоставления земельных участков для строительства, а также затрагиваются некоторые особенности предоставления земельного участка для строительства юридическим лицам без проведения торгов. На обсуждение выносятся положения о существенной трансформации правового института, законодатель отказался от градации целей в качестве оснований для проведения или непроведения торгов. Думается, что устранение недостатков только поспособствует наилучшей законодательной регламентированности института предоставления участков без торгов юридическим лицам для строительства. В статье среди прочего делаются выводы о необходимости ликвидации путаницы земельного и градостроительного законодательства, уменьшении бюрократической волокиты, создании удобного и действенного правового режима для юридических лиц, использующих различные по своему назначению земли для строительства. Отследить действительную ключевую роль нововведений в полной мере можно будет только исходя из вступления в силу поправок в действующее законодательство, а также дальнейшей правоприменительной и правореализационной деятельности. Но уже находясь на данном этапе, следует подчеркнуть, что законодатель движется в направлении преобразования института зонирования, что не может не сказаться положительно в части урегулирования определенного массива отношений в сфере предоставления земельных участков юридическим лицам для строительства.

Ключевые слова: территориальное планирование, градостроительное зонирование, земельный участок, юридические лица.

ABSTRACT. The article deals with the role of territorial planning and town-planning zoning in legal regulation of granting land plots for construction, as well as some peculiarities of granting a land plot for construction to legal entities without bidding. The provisions on the significant transformation of the legal institute are submitted for discussion, the legislator has abandoned the gradation of purposes as grounds for conducting or not conducting tenders. It is thought that the elimination of deficiencies will only contribute to the best legislative regulation of the institute of granting land plots without bidding to legal entities for construction. Among other things, the article draws conclusions about the need to eliminate the confusion of land and urban planning legislation, reducing red tape, creating a convenient and effective legal regime for legal entities that use different purposes of land for construction. To trace the actual key role of innovations in full measure will be possible only based on the entry into force of the amendments to the current legislation, as well as further law enforcement and enforcement activities. But already at this stage, it should be emphasized that the legislator is moving towards transforming the institution of zoning, which cannot but have a positive impact in terms of regulating a certain array of relations in the provision of land to legal entities for construction.

Keywords: territorial planning, urban planning zoning, land plot, legal entities.

For the purpose of reforming land legislation, the Fundamentals of the Policy for the Use of the Land Fund of the Russian Federation for 2012-2020 [7; 8] were approved by order of the Government of the Russian Federation. In order to implement one of the priorities of the state policy, the Ministry of Economic Development prepared a draft federal law "On Amending the Land Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts" (hereinafter – the draft law) [9]. The legislator plans to move from the existing division of land into categories to territorial zoning. The novelty shall come into effect on January 1, 2025. Substantial changes in case of adoption of the project will occur in the legal regime of land use, which will acquire new meaning.

Within the framework of this article we will outline the prerequisites for the adoption of the act, key aspects of the legislator's activity in this direction, analyze the project from the point of view of positive planned improvements and possible shortcomings that will require improvement, as well as summarize the role of transformation of this institution as a whole and its possible impact on the order of granting land plots for construction.

Let us highlight the prerequisites that have influenced the emergence of law-making in this area. At present, all lands in the country are divided into seven categories that determine the general purpose of land, but the land plots are not homogeneous and are usually used for various activities. To eliminate this contradiction, the legislator, instead of "targeted use" of land plots, introduces a list of permitted use for all land plots included in a certain "legal zone". It is supposed to establish a list of permitted land use types in accordance with territorial planning documents and classifier. It seems that transition to this method of legal regulation will serve as a step forward in changing the general order of land use, as well as in reducing risks for developers due to elimination of uncertainty.

Positive dynamics in the work of a similar institute we can now observe in a number of foreign countries, the experience of which can partly be taken as a basis for the Russian legal system in creating a system of zoning and detailed area plans.

Varlamov A.A., Komarov S.I., Antropov D.V. note in their scientific works that "in Western countries the system of territory development planning with a specific volume of restrictions on the rights of subjects to use real estate is particularly widespread, in Russia the zoning institute is a complex concept" [4; 5]. Indeed, at this stage in our legal system there are no established views on zoning, there is no unified terminology, no consistency between regulations. It is necessary to agree with the opinion of legal scholars that the institute should be developed in a comprehensive manner, taking into account its interbranch nature, while linking different types of territorial zoning [6].

The draft law as amended at the time of writing this work includes 58 articles. According to the author, special attention should be paid to the first article in terms of establishing new types of

territorial zones. The very concept of urban planning zoning is enshrined in paragraph 6 of Article 1 of the Town Planning Code of the Russian Federation and means: "zoning of territories of municipalities in order to define territorial zones and establish town-planning regulations" [1].

According to the draft law, 18 new zones will be introduced to the chapter "Types of territorial zones", the effect of which will apply to all lands and areas located within the boundaries of the corresponding zone:

- 1) agricultural;
- 2) residential;
- 3) social and business;
- 4) production;
- 5) recreational;
- 6) gardening for own needs of citizens;
- 7) agricultural purpose for own needs of citizens;
- 8) environmental;
- 9) zones of historical and cultural purpose;
- 10) natural healing resources;
- 11) energy;
- 12) transport;
- 13) provision of space activities;
- 14) ensuring the country's defense and state security;
- 15) special purpose;
- 16) multi-purpose;
- 17) forest fund;
- 18) reserve zones (with regard to lands of which there is a decision on conservation, permitted use of areas within their boundaries is not established) [7].

This article also establishes a list of territories whose boundaries may be located in several different zones at the same time: cultural heritage sites, zones of special conditions for use of the territory, specially protected nature territories as a state nature reserve or nature monument, traditional lands of small indigenous peoples, as well as common use lands. Article one also contains conditions of permitted use for certain types of the aforementioned zones.

Then we will try to analyze the bill in terms of its content in accordance with the goals and objectives of its adoption, as well as consider the positive planned innovations and find possible shortcomings that will require improvement.

Any legislative reform always has inevitable dualistic consequences. Let us consider some positive changes that may occur if a bill comes into force.

The Institute of Land Categories was first formed back in the existence of state ownership of land, but has remained almost unchanged so far. The land law contains seven categories. These are agricultural lands; lands of settlements; lands of industry, power engineering, transport, communication, radio broadcasting, television, computer science, space activities, defense, security and other purposes; lands of specially protected territories and objects; lands of forest fund; lands of water fund; lands of reserve. The disadvantages of this division are as follows:

- overlapping of categories (formalized when plots under water bodies are on agricultural land, informal, farming on forest plots);
- Uncertainty about the categorization of some sites (military camps located in settlements);
- Insufficient protection from the development of agricultural lands (change of the purpose of land, its withdrawal from circulation).

These problems will help to resolve the positive cancellation of existing categories and the introduction of a new institution - the zoning of territories, applied in many countries (USA, Canada, Australia and other European countries). Category abolition will reliably protect against reduction of the area of agricultural land, which will be used strictly for its intended purpose (for example, a ban on placing dacha and garden plots in such zones, the allocation of clear and obvious

boundaries of zones, the allocation of different types of land based on productivity). In addition, with the abolition of categories, some "skewness" from the side of urban planning legislation will be shifted to land legislation. Other types of regulations (agricultural, specially protected areas) will serve as types of basic regulations for the use of territories.

Let us consider possible disadvantages of transition to the new system of relations regulation on the example of agricultural lands:

1. Change of categories into territorial zones will require significant financial support and a large amount of land management works, on which the expediency of abandoning the institution of categories will depend to a greater extent.

Due to the scale of the country's territory, it is assumed that there will be a significant cost of possible work to establish the borders. According to some estimates, the costs are about 50 billion rubles.

According to statistical data, the level of land development is at a low level. On the example of the Belgorod region, only 61% of agricultural land, of which the category is indicated only for 33%, has been cadastralized. The remaining lands are either not registered at all, or are accounted for without their belonging to a category, and for many of the registered plots their location is not determined. We believe that it will be difficult to classify significant land areas as new zones without large-scale additional labor-intensive work, rather than to register them at all. The choice of land surveying method for legal entities using land plots for construction purposes (e.g.: at the junction of territorial zones) is extremely important, since accuracy in determining the boundaries of a certain zone, which will determine the establishment of legal and tax regime, will depend on the method of work.

2. The issue of location in the new system of land zones that belong to the category of specially protected territories and objects that are not specially protected natural territories, the place for which is absent in the system.

3. The land use and development rules developed by local authorities have been approved in the overwhelming majority for a decade. However, the "rules" provide for areas that do not correspond to the classifier to be replaced and approved by the Ministry.

4. Providing additional staff training, i.e. establishing stricter requirements for training and supervision of cadastral engineers, increasing cadastral work with adjacent areas in terms of eliminating situations of imposing borders.

It should be noted that the bill is currently bypassing many contradictory views of scientists and legal scholars. Opinions are divided. A number of experts believe that the adoption of this act will serve as a great step in simplifying red tape and inconsistencies. Others are inclined to believe that the adoption of the bill is premature; there are doubts whether the bill will meet expectations in the long run, as it requires huge financial and security costs, as well as many amendments to land legislation.

Krassov and O.I. believes that the role of zoning is very important for a number of objective reasons, as it involves the breakdown of individual municipalities in order to define territorial zones and establish urban planning regulations [2]. In this case, it should be noted that there may be situations of deliberate occurrence of conditions for abuse in the transition period, when valuable agricultural land may be attributed to other zones that provide for the use of land not for agricultural purposes.

Thus, lawyer Dedkova T.A. believes that "the adoption of the bill will not improve the legal regime of land, but will significantly restrict the rights of citizens and legal entities" [3].

And indeed, there is a problem in improving the initial system of state real estate cadastre. At present, in the accounting mechanism there are cadastral errors both with significant overlapping of borders of some plots on the other and with full overlapping, which will prevent the violation of the regime of lands and rights of various subjects, which is confirmed in court practice. The reason lies in the violation of cadastre, land survey and boundary works.

In T.A. Dedkova's opinion: "due to such imperfection connected with inappropriate and unsteady differentiation of lands and land plots, transition to territorial zoning, which implies accuracy of establishment of territorial zones' borders, is not possible at present". We agree with this statement, it should be considered necessary to carry out preparatory work on reconciliation of data on actual location of plots and cadastral registration data.

Having analyzed the bill and summarizing the results, the author of this work believes that at this stage it is premature to talk about the effectiveness of the bill, which will be evaluated only after the adoption of the document and specific material actions aimed at reforming the existing system. It is necessary to create a flexible system, eliminate the confusion of land and urban planning legislation, reduce bureaucratic red tape, create a convenient and efficient legal regime for legal entities that use different land for construction. The real key role of territorial planning and town-planning zoning can be fully traced only on the basis of the entry into force of amendments to existing legislation, as well as further law enforcement and enforcement activities. But already at this stage, it should be emphasized that the legislator is moving towards the transformation of the zoning institution, which cannot but have a positive impact on the settlement of a certain array of relations in the field of granting land plots to legal entities for construction.

Features of providing a land plot for construction to legal entities without bidding. In recent years, the urgency of problems associated with the provision of land plots for construction has increased. This is due to the development of the investment and construction sector, the announcement as a priority policy of the state to increase the volume of housing construction and in the future - a sharp increase in demand for land for the construction of residential, industrial and administrative facilities.

In this article we will analyze the peculiarities of the second procedure of granting land plots to legal entities for construction, stipulated in the land legislation, without bidding. Let us consider the procedure for granting land plots to legal entities for ownership and lease.

The procedure of granting is regulated in detail by Article 39.14 of the Land Code of the Russian Federation, which traces the stage-by-stage granting:

1. Preparation of a scheme of site location, if the latter is not formed and there is no approved project of surveying;
2. Approval of the scheme by public authorities. At this stage, there are a number of contradictions that require attention.

The first contradiction refers to Article 39.14 of the Land Law, which refers only to the preparation of the scheme, according to Article 11.10 of the Land Code of the Russian Federation the scheme must be additionally approved by the public authority (lack of approval makes it impossible to continue the procedure). Thus, we see a gap in the legislation, lack of transparency, a direct indication of this need. We see a possibility of abuse in this area. And indeed, there is a common court practice that confirms the uncertainty of this aspect.

Thus, the Arbitration Court of the Omsk region was addressed by the public joint-stock company "Interregional Distribution Grid Company of Siberia" (hereinafter - IDGC of Siberia, PJSC) with the application to the Administration of the Sargatsky urban settlement of the Sargatsky municipal district of the Omsk region (hereinafter - the Administration of the Sargatsky urban settlement) about the recognition of the inaction of the Administration of the Sargatsky urban settlement as illegal and not corresponding to the Land Code of the Russian Federation, It also obliges the Administration of Sargatsky urban settlement to approve the land plot location schemes on the cadastral plan of the territory within one month after the court decision comes into force. In support of the claim, IDGC of Siberia referred to the obligation of the Administration of Sargatsky urban settlement to prepare and approve schemes of land plots location on the cadastral plan of the territory. The Administration of the Sargatsky Settlement did not recognize the claim, pointing out that the land law does not contain the obligation of the local government body to perform the requested action. Meeting the requirements of PJSC "IDGC of Siberia", the Arbitration Court of Omsk region proceeded from the systematic interpretation of the provisions (paragraph 13 of

Article 11.10 and sub-paragraph 1 of Article 39.14) of the Land Code of the Russian Federation, which allowed to conclude that the public authority is obliged to approve the scheme of land plot location on the cadastral plot of territory. Thus, there appears to be a need to change the legislative wording.

The second problematic question is who is responsible for financing and preparing the land plot scheme? Article 11.10 of the Land Law interprets that the preparation is provided by the public authority, but the right to prepare and finance the legal entity. In practice, quite often authorities impute the right - the duties of a legal entity.

For example, the above mentioned IDGC of Siberia applied to the Arbitration Court of the Omsk region with an application to the Administration of Sosnovsky rural settlement of Azov Nenets national municipal district of the Omsk region (hereinafter referred to as the Administration of Sosnovsky rural settlement) to recognize as illegal the inaction expressed in unpreparedness and non-approval of land plot location schemes on the cadastral plan of the territory. The administration of Sosnovskoye rural settlement referred to the provisions (paras. 3 and 4 of Article 11.10) of the Land Code of the Russian Federation, according to which the preparation of a scheme of land plot location for the purpose of its formation for provision without bidding may be provided by a citizen or legal entity. However, the Arbitration court of the Omsk region recognized that the provisions mentioned in the law cannot be used as a basis for the conclusion about the legality of the contested refusal, as they do not oblige the applicant to prepare a scheme of location, but only provide an opportunity for a citizen or a legal entity to prepare a scheme at their own request in order to, for example, accelerate the procedure.

We will consider that such an obligation should be imposed first of all on the public authority.

3. submitting an application to a public authority for preliminary approval of the procedure of granting a site (a site to be formed or to clarify boundaries);

4. Receiving a decision of a public authority on the preliminary approval of the granting of a land plot.

D.S. Zheleznov notes that coordination of the preliminary nature should be understood as "making a decision by the authorized authority on interim approval of the provision of a land plot with specific characteristics (address landmarks, cadastral number, type of permitted use, area, land category) without bidding, if the land plot is to be formed or the boundaries of the existing land plot are to be clarified".

The detailed regulation of the approval procedure in the Land Code should be assessed positively, as well as the specifics of the terms of the authorities' decision and the grounds for refusal. The absence of grounds for refusal will delay the adoption of this decision, which is valid for two years and is necessary for implementation of the next stage.

5. Formation of a land plot and registration in the cadastre. Subject of the presumed right applies to a public authority, on the basis of an application a relevant contract (sale, lease) is concluded.

While analyzing the procedure of granting lands to legal entities for construction without tender, it is undoubtedly necessary to highlight a number of positive aspects of legislative regulation:

- regulation of specific terms for all stages of decision making;
- exhaustive lists of grounds for possible rejections on various issues.

The disadvantages should be attributed to the following:

- Lack of simplicity of the procedure, reference to the normative nature of a number of provisions, labor intensity of land acquisition without special knowledge;
- possible abuses by public authorities due to ambiguous wording of the land law (in accordance with the common court practice discussed above);

- prevalence of public ownership over private ownership (according to Rosreestr, only 0.9% of land is owned by legal entities in proportion to 92.2% of public land, the rest is owned by citizens).

In general, the procedure for granting land should be characterized as positive; from 2014 to the present, the mechanism under consideration has been substantially transformed; the legislator has refused to grade the goals as grounds for holding or not holding tenders. Removal of the above-mentioned drawbacks will only contribute to the best legislative regulation of the institute of granting land plots without bidding to legal entities for construction.

References:

1. Антропов Д. В., Комаров С. И. Анализ эффективности управления земельными ресурсами региона на основе применения методики комплексного (кластерного) зонирования территорий (на примере земель сельскохозяйственного назначения) / Д. В. Антропов, С. И. Комаров //Международный сельскохозяйственный журнал. 2018. №5. С.16-19.
2. Варламов А. А. Зонирование территорий в зарубежных странах // Московский экономический журнал. №4. 2018. С. 126.
3. Градостроительный кодекс Российской Федерации: [федер. закон: принят Гос. Думой 22 декабря 2004 г.: по состоянию на 09.05.2020 г.] / [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
4. Дедкова Т. А. Правовые последствия принятия законопроекта о зонировании территорий для земель сельскохозяйственного назначения. – Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. № 31.
5. Комаров С. И., Антропов Д. В. Методы кластерного зонирования территорий региона для целей управления земельными ресурсами / С. И. Комаров, Д. В. Антропов // Вестник УРФУ. Серия экономика и управление. 2017. №1. С. 66–85.
6. Крассов О. И. Земельное право / О.И. Крассов. М.: СИНТЕГ, 2017. 624 с.
7. Об утверждении Основ государственной политики использования земельного фонда Российской Федерации на 2012–2020 годы: распоряжение Правительства РФ от 03.03.2012 № 297-р (ред. от 28.08.2014) // Собрание законодательства РФ. 2012. № 12. Ст. 1425.
8. Об утверждении Плана мероприятий по совершенствованию правового регулирования земельных отношений: распоряжение Правительства РФ от 08.11.2018 № 2413-р. URL: static.government.ru (дата обращения: 04.07.2020).
9. Проект федерального закона № 465407-6 «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части перехода от деления земель на категории к территориальному зонированию» (ред., принятая ГД ФС РФ во 2 чтении 18.06.2015) // СПС «КонсультантПлюс».

УДК 378.14

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭЛЕКТРОННОГО ОБУЧАЮЩЕГО КУРСА НА ПЛАТФОРМЕ LMS MOODLE

Лысенко Владлена Владимировна

старший преподаватель, аспирант

Иванцова Юлия Александровна

кандидат филологических наук, доцент

Кабанкова Елена Николаевна

кандидат педагогических наук, доцент

STRUCTURAL FEATURES OF THE INTERACTIVE COURSE ON THE LMS MOODLE PLATFORM

Vladlena V. Lysenko

senior lecturer, post-graduate student

Yuliya A. Ivantsova

PhD in Philology, associate professor

Elena N. Kabanikova

PhD in Pedagogy, associate professor

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается опыт создания и использования электронного обучающего курса в высшем учебном заведении по дисциплине «Английский язык для специальных целей», разработанного на платформе LMS Moodle как закономерного явления, возникшего в условиях информатизации образования. Авторы отмечают преимущества создания электронного обучающего курса на базе LMS Moodle, а также представляют шаблон структурных элементов электронного обучающего курса, которые являются эффективными при обучении профессионально ориентированному иностранному языку. Представленные элементы, а также предложенные формы обучения возможные для реализации в электронном курсе на базе LMS Moodle способствуют развитию иноязычных коммуникативных навыков, формированию профессиональной компетенции, раскрытию творческого потенциала, а также самоактуализации. Электронный учебный курс с предложенными элементами даёт возможность управлять учебной деятельностью обучающихся. Статья представляет интерес разработчикам электронных обучающих курсов по дисциплине «Иностранный язык», а также преподавателям, работающим с профессионально ориентированным иностранным языком. Дальнейшую перспективу исследования авторы видят в необходимости более основательного анализа элементов, позволяющих реализовывать творческие задания в электронном обучающем курсе профессионально ориентированной направленности.

Ключевые слова: электронный учебный курс, английский для специальных целей, информатизация образования, профессионально ориентированное обучение

ABSTRACT. The article deals with the experience of creating and using an e-learning course in a higher educational institution for the discipline "English for Special Purposes", developed on the LMS Moodle platform as a natural phenomenon emerged in the conditions of informatization of education. The authors note the advantages of creating an e-learning course based on LMS Moodle, and, also, introduce the template of the structural elements for an e-learning course that are effective in teaching a professionally-oriented foreign language. The presented elements, as well as the proposed forms of training, possible for implementation in an electronic course based on LMS Moodle, contribute to the development of foreign language communication skills, the creation of professional competence, the disclosure of creative potential, as well as self-actualization. An electronic training course with the proposed elements makes it possible to manage

the educational activities of students. The article is of interest to developers of electronic training courses in the discipline "Foreign language", as well as educators working with a professionally-oriented foreign language. The authors see a further prospect of the study in the necessity for a more thorough analysis of the elements that make it possible to implement creative tasks in a professionally oriented e-learning course.

Keywords: electronic educational course, teaching course, English for specific purposes, informatization of education, work-related education.

Глобализация общества, которая возникла благодаря развитию технологий, создала необходимость повышения взаимопонимания и улучшения общения между представителями различных государств для взаимного международного обмена идеями по ключевым вопросам. Наше общество находится под влиянием глобальных экологических, медицинских проблем, научных исследований в сфере генной инженерии и распространении современных лекарственных препаратов, доступность которых обуславливается геополитической обстановкой в мире.

Достижения в сфере информационных технологий позволяют выводить коммуникацию со специалистами из различных сфер науки, культуры и бизнеса на более высокий и доступный уровень. Развитие цифровых технологий влияет и на сферу образования, позволяя участникам образовательного процесса формировать и развивать новые компетенции в рамках прогресса, участвовать в инновационной деятельности. Изменения, происходящие в сфере образования приводят к цифровой трансформации образования, которую Роберт И.В. представляет как «результат процесса возникновения существенных изменений, произошедших в сфере образования (как позитивных, так и негативных), при активном и систематическом использовании цифровых технологий в образовательных целях» [1, с. 10].

По заключению И.В. Роберт, процесс цифровой трансформации образования запускает усовершенствование системы образования в целом, а именно: обновление, модификацию всех учебно-методических материалов, в том числе содержание и структуру различных образовательных программ, компетенций, средств оценки учебных достижений и управления образовательным процессом; организацию и оборудование научно-исследовательской, экспериментальной деятельности обучающихся; структуру и организацию подготовки и переподготовки педагогических и управленческих кадров в области использования цифровых технологий при решении профессиональных задач; развитие информационной инфраструктуры образовательной организации [1, с. 10].

Анализ практики высшей школы показывает, что традиционный процесс обучения иностранному языку в высших учебных заведениях направлен, прежде всего, на создание и отработку умений чтения и понимания специальной литературы. Но для качественного обновления системы профессиональной подготовки будущих конкурентоспособных специалистов в современных реалиях особое значение также приобретает использование информационных и коммуникационных технологий при обучении студентов профессионально ориентированному иностранному языку. Будущие специалисты, на протяжении обучения в высшем учебном заведении, должны приобретать коммуникативные навыки и умения мыслить, решать проблемные ситуации, связанные с будущей профессиональной деятельностью, средствами иностранного языка, поскольку современные условия труда специалистов требуют не только восприятия информации на иностранном языке в своей профессиональной деятельности, но и умений анализировать, объяснять, выражать мысли, идеи, обмениваться информацией средствами иностранного языка.

Все больше и больше людей стремятся улучшить свои знания в области английского языка по конкретным академическим или профессиональным причинам. Для достижения достаточного уровня знания английского языка, позволяющего осуществлять коммуникацию в условиях поликультурного общества, необходимо пройти обучение английскому языку по

такому учебно-тематическому плану, который бы удовлетворил конкретные академические и профессиональные потребности учащихся.

Традиционно такими курсами являются курсы, относящиеся к категории «Английский для специальных целей» (English for Special Purposes – ESP). Примерами ESP являются курсы английского языка для профессиональной коммуникации, бизнеса или права. Учебная программа таких курсов ориентирована на язык и культуру, характерных для определенной области, при этом учитываются грамматика, лексика, стиль общения и навыки обучения.

Современные требования к дисциплинам в высших учебных заведениях требуют разработки электронных учебных курсов по предмету, что позволит в первую очередь повысить качество обучения. Разработка электронных учебных курсов позволит внедрить новые образовательные технологии в учебно-воспитательный процесс; повысит профессиональные компетенции педагогического состава; позволит организовать самостоятельную работу студентов в рамках смешанного и дистанционного обучения, то есть будут выполнять роль сопроводительных учебных материалов, материалов для самостоятельной и/или домашней работы, а также могут быть использованы для замещения аудиторных занятий в случае перехода университетов на дистанционное обучение в условиях неблагоприятной эпидемиологической обстановки. Реализация электронных учебных курсов позволит повысить мотивацию обучения и саморазвития у обучающихся.

Разработка таких курсов в ВУЗах осуществляется с использованием электронных платформ, например, «LMS Moodle» (Learning Management System – система управления обучением).

Вопросы обучения иностранному языку посредством LMS Moodle рассматриваются разными авторами. В. В. Воног, О.А. Прохорова использует данную платформу при обучении иностранному языку в аспирантуре в рамках смешанного и дистанционного обучения. Авторы отмечают, что использование системы Moodle в рамках смешанного и дистанционного образования позволяет развивать у аспирантов навыки самостоятельного поиска знаний посредством работы с дополнительными информационными ресурсами, работы в автономном режиме, эффективного планирования и управления временем, а также все виды коммуникативных умений, которые являются профессионально значимыми для будущей научной деятельности [2, с. 30]. Согласно Е. А. Рубцовой работа с платформой LMS Moodle позволяет оптимизировать учебный процесс при обучении иностранному языку, вовлечь студентов в процесс живой коммуникации; воспитать самостоятельность для нахождения, извлечения, оценивания и анализа информации, что способствует формированию профессионально-коммуникативных умений студентов [4, с. 68]. О.В. Байбунова также отмечает, что платформа LMS Moodle позволяет эффективно формировать навыки как самостоятельной, так и совместной удалённой работы, повышать качество и эффективность обучения иностранному языку при смешанном обучении [1, 114]. По мнению Н.В. Худолей, «важным преимуществом «LMS Moodle» является комплексность, состоящая в наличии множества разнообразных элементов и ресурсов, которые помогают преподавателю иностранного языка отобрать и систематизировать языковой и речевой материал с учетом его коммуникативной целесообразности и активной коммуникативности, подать его в интересной форме, а также обобщить материалы в единое целое» [5, с. 385].

В Севастопольском государственном университете дисциплина «Иностранный язык» студентов II курса различных направлений подготовки реализуется при поддержке электронного учебного курса «English for special purposes» (ESP), созданного на платформе Moodle.

Основными акцентами авторского курса ESP является овладение навыками профессионально деловой коммуникации (владение терминологией по профилю обучения, навыки презентации профессионального характера, собеседование при приеме на работу, сопроводительное письмо и резюме, заполнение бланков, форм, заявок на конференции и

т.д., проведение исследования, начальные навыки научной публикации на иностранном языке).

Авторский электронный учебный курс ESP обеспечивает:

- самостоятельную работу студентов;
- доступ к разнообразным материалам согласно учебно-тематическому плану;
- доступ к использованию современных мультимедийных технологий;
- контроль усвоения знаний по программе дисциплины «Иностранный язык»;
- развитие творческих навыков;
- индивидуальную, групповую, коллективную работу по предмету;
- синхронное и асинхронное взаимодействие с одноклассниками и преподавателем.

Курс ESP четко структурирован, снабжен видео презентациями, тематическим планом курса (Syllabus) и словарем ко всему курсу (Glossary of the Course), в котором студенты могут найти новые термины, фигурирующие в курсе, а также разделом объявлений.

Словарь наполнен словарными статьями с гиперссылками, которые позволяют обучающимся переходить на смежные словарные статьи, а также напрямую к аутентичным лексикографическим источникам.

Курс состоит из семи основных тематических разделов, итогового теста и студенческого портфолио.

Разделы курса включают такие темы как: карьерная лестница (Career Ladder), встречи и презентации (Meetings and Presentations), интернет (Internet), электронные письма и переписка (Emails and Writing), общение по телефону (Phoning), тайм менеджмент и персонал (Time Management and Personnel), студент во время глобализации (Global Student).

Приобретенные знания по каждому разделу контролируются итоговым тестом. По окончании курса студенты так же проходят тест на знания материала по всему курсу.

В раздел Портфолио студенты загружают выполненные самостоятельные работы (текстовые файлы, изображения, скриншоты дополнительных заданий) и творческие задания (резюме и презентации).

Каждый тематический раздел включает:

- дополнительный «Словарь», где представлен лексический материал раздела;
- интерактивная лекция по теме раздела;
- интерактивные задания для отработки лексического материала на базе элемента H5P, который является интегрированным в Moodle элементом, с помощью которого можно создавать интерактивное содержимое;
- тестовые задания на закрепление новых лексических единиц;
- творческие задания;
- элементы для синхронного и асинхронного общения (видеоконференции, чаты, форумы).

При обучении иностранному языку лекции не являются типичными структурными элементами электронного курса. Однако, курс ESP предусматривает лекции профессионально-ориентированного характера по теме раздела. Лекция с сопроводительным тестом является эффективной формой работы в курсе. Каждая лекция сопровождается контрольными вопросами, в случае неправильного ответа на которые обучающийся будет перенаправлен на соответствующий этап. Эта функция позволяет студентам окончательно закрепить пройденный теоретический материал.

Например, в разделе «Карьерная лестница» студентам представлена электронная лекция по теме «Резюме» (CV/Resume). К лекции разработано задание с шаблонами и примерами для написания собственного резюме. Далее, раздел включает подтему «Собеседование при устройстве на работу», где студенты работают с авторской ментальной картой, которая также известна как диаграмма связей, карта мыслей или ассоциативная карта. Взаимодействие студентов по ключевым вопросам, которые требуют группового отзыва осуществляется в таком элементе как форум. Форум позволяет осуществлять

дистанционную беседу, даёт возможность проанализировать высказывания своих одноклассников и предоставить обдуманый грамматически верный ответ. Форумы являются элементами электронного курса, которые также подвержены педагогическому контролю.

Творческие задания, реализованные через элементы курса «Задание» и «Семинар», являются неотъемлемыми структурными элементами электронного курса, способствующие активизации творческой деятельности обучающихся, побуждению их внутренней мотивации, а также развитию более глубоких знаний по теме. Профессионально ориентированные творческие задания позволяют обучающимся использовать наиболее приемлемый способ самовыражения, что способствует комфортному взаимодействию с другими участниками в процессе коммуникации.

Журнал оценок курса настроен по средневзвешенному баллу. Коэффициент приоритетности у заданий разный. Большая часть заданий оценивается автоматически платформой MOODLE. Некоторые элементы такие как форум оцениваются преподавателем. Задания, которые студенты загружают в раздел Портфолио требуют участия преподавателя. Каждое задание имеет свой коэффициент приоритетности. Журнал оценок можно с легкостью выгрузить и использовать как ведомость для балльной рейтинговой системы, которая действует в университете.

Для практико-ориентированной дисциплины, такой как иностранный язык, платформа LMS Moodle является оптимальной платформой для обучения, так как даёт возможность реализовать различные формы обучения, которые будут способствовать развитию основных иноязычных навыков: чтения, говорения, аудирования и письма.

Электронный учебный курс ESP включающий представленные структурные элементы даёт возможность управлять учебной деятельностью обучающихся с учетом индивидуальных траекторий, а также проводить удаленное тестирование с целью проверки усвоенных знаний. Преподаватели могут осуществлять мониторинг, контроль и оценку качества учебной деятельности. Обучающиеся развивают творческие навыки, а также навыки критического мышления при оформлении персонального портфолио, регулируют график самостоятельной работы и могут ощутить личное удовлетворение от проделанной работы. Электронный обучающий курс позволяет студентам организовать движение к намеченной цели, стимулировать исправления неточностей и ошибок, обеспечивать индивидуальную, групповую, коллективную работу по предмету. Работа с электронным учебным курсом ESP в рамках освоения дисциплины «Иностранный язык» повышает уровень освоения предмета.

Таким образом, посредством проработки профессионально ориентированного материала в условиях работы с электронным учебным курсом повышается уровень специализированных знаний, знаний иностранного языка, развиваются навыки иноязычной профессиональной коммуникации. Использование электронных учебных курсов в сопровождении дисциплины «Иностранный язык» является эффективным средством повышения качества обучения предмету.

Дальнейшую перспективу исследования авторы видят в необходимости более основательного анализа элементов, позволяющих реализовывать творческие задания в электронном обучающем курсе профессионально ориентированной направленности, в связи с тем, что электронные творческие задания по иностранному языку способствуют самовыражению, что позволяет обучающимся вступать в более активное коммуникативное взаимодействие, развивает их мотивацию и повышает общий уровень языковой компетенции.

Список литературы:

1. Байбурова О. В. Использование системы управления курсами Moodle для организации смешанного обучения английскому языку // Евразийский гуманитарный

журнал. 2020. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-sistemy-upravleniya-kursami-moodle-dlya-organizatsii-smeshannogo-obucheniya-angliyskomu-yazyku> (дата обращения: 17.12.2020).

2. Воног В. В., Прохорова О.А. Использование LMS Moodle при обучении иностранному языку в аспирантуре в рамках смешанного и дистанционного образования // Вестник КемГУ. 2015. №2-3 (62). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-lms-moodle-pri-obuchanii-inostrannomu-yazyku-v-aspiranture-v-ramkah-smeshannogo-i-distantcionnogo-obrazovaniya> (дата обращения: 17.12.2020).

3. Роберт И. В. Цифровая трансформация образования: вызовы и возможности совершенствования / Научно-методический журнал «Информатизация образования и науки» № 3(47) / 2020.

4. Рубцова Е.А. Формирование коммуникативной компетенции студентов в процессе обучения иностранному языку на базе LMS Moodle // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т.24. № 2. С. 63-69.

5. Худoley Наталья Викторовна Методика использования инструментария LMS Moodle для развития навыков коммуникации на иностранном языке у студентов неязыкового вуза // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. №10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-ispolzovaniya-instrumentariya-lms-moodle-dlya-razvitiya-navykov-kommunikatsii-na-inostrannom-yazyke-u-studentov-neyazykovogo> (дата обращения: 14.12.2020).

УДК 373.811

ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ И ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Маслиева Екатерина Сергеевна
старший преподаватель

VALUE ORIENTATIONS AND COGNITIVE NEEDS FORMATION IN THE PROFESSIONAL TRAINING OF FOREIGN LANGUAGE TEACHERS

Yekaterina S. Maslieva
senior lecturer

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена одному из важнейших педагогических условий формирования готовности будущих учителей-филологов к реализации профессиональной деятельности и контроля. Прежде всего, проведен анализ психологической, педагогической и социально-педагогической литературы, на основе которого рассматриваются и систематизируются определения понятия «ценностные ориентации» разных ученых. Полученные данные преломляются сквозь призму формирования у будущих учителей иностранного языка умений организовывать обучение и контроль в начальной школе. Более того, в статье изучаются различные методы и творческие задания, позволяющие раскрыть педагогический потенциал студентов – будущих преподавателей. Полагаем, что на основе приобретенных в ходе обучения знаний, с учетом сформированных мотивационно-ценностных ориентаций, субъекты обучения смогут независимо функционировать в новых условиях, используя не только методические и технические методы работы, а также смогут внедрять компоненты исследовательской деятельности в свою профессиональную сферу.

Ключевые слова: ценностные ориентации, мотивация, будущие филологи, профессиональная подготовка, контроль.

ABSTRACT. The article is devoted to one of the most important pedagogical conditions for forming the readiness of future teachers of philology to implement professional activities and control. First of all, the author analyzes the psychological, social and pedagogical literature, which is used to analyze and systematize the definitions of the concept of “value orientations” of various scientists. The data obtained are refracted through the prism of forming the skills of future foreign language teachers to organize training and control in primary school. Moreover, the article examines various methods and creative tasks that allow to reveal the pedagogical potential of students – future teachers. We believe that based on the knowledge acquired in the course of training, taking into account the formed motivational and value orientations, students will be able to independently function in the new conditions, using not only methodological and technical methods of work, but also will be able to implement components of research activities in their professional field.

Keywords: value orientations, motivation, future philologists, professional training, control.

It is important to start with the fact that historically scholars have examined value orientations as the most important element of the internal structure of the individual, embodied life experience of the personality, the totality of their experiences and distinguishing significant for this person from insignificant, unimportant. Social values that serve as life goals and the main means of achieving these goals acquire the function of major regulators of social behavior of individuals [4].

The set of established value orientations forms a kind of axis of consciousness that ensures the stability of the individual continuity of a certain type of behavior and activity, expressed in the direction of needs and interests. Therefore, value orientations are the most important factor regulating the behavior of the individual. E.S. Volkov defined value orientations as a conscious regulator of social behavior of the individual. He said that value orientations play a motivational role and determine the choice of activity [3]. It is obvious, that if value orientations are basic features of a personality, scientists pay enormous attention to their formation. Moreover, despite vast studies in this sphere, the problem of value orientation creation continues to be urgent nowadays.

The problem of forming value orientations in modern pedagogical research is studied in the context of an axiological approach [7].

A significant contribution to the development of values theory was made by the works of E. Cassirer, J. Maritain, A. Maslow, F. Nietzsche, B. Russell [6].

It is impossible to underestimate the contribution of Russian psychologists and teachers to the development of the value theory [2].

The analysis of philosophical, pedagogical, and socio-psychological literature has shown that in a generalized form, value orientations are understood as a system of standards, value representations, aspirations, goals, interests, and other social realities that reflect the orientation of the individual's consciousness and human activity to the material and spiritual values of people [10].

Value orientations are, according to T.V. Vasilyeva [2], a system of value preferences that express the subjective attitude of the individual to the objective conditions of life, determine the actions of a person, and manifest themselves in practical behavior. The author identifies three components:

- cognitive, with the help of which scientific knowledge of reality is carried out, contributing to the formation of a value relationship;
- emotional, defining the personal meaning of an individual's attitude to values;
- behavioral, which is the result of the interaction of the first two components. Based on the knowledge of reality and its value experience, the subject is ready to act in accordance with a well-thought-out plan.

According to E.L. Rudneva, it is at the student's age that a qualitative leap in the professional development of students, the main personal characteristics that express the students'

belonging to a particular profession are formed. The influence of the system of personal value orientations in the process of professional training is manifested primarily in the creation of a positive attitude to the development of a professional and educational program for training a specialist. Professional value orientations serve as an indicator of familiarizing the future specialist with methodological, theoretical and applied knowledge about the formation of a specialist's personality [9].

A necessary prerequisite for human activity is the presence of needs, but the needs themselves are not able to provide a certain direction of activity. The only motive for the direction of the need is the object that corresponds to it (material or ideal, something that is perceived sensually or exists only in the imagination). This subject is called a motive (L.I. Bozhovich, A.N. Leontiev, A. Maslow) [6].

Cognitive needs in higher education are formed under the influence of motives that encourage students to act and form their motivational sphere. It is with the action of motives that goal achievement and academic success are associated. Questions of the motivational sphere of training were studied by I.N. Ainutdinova [1].

Generalizing the opinions of scientists, we assert that cognitive needs are inextricably linked with the motivational sphere of teaching, which is a complex hierarchical formation that includes both directly acting motives and meaningful actions that come from the corresponding forms, principles and social ideals. Motivation can be defined as an internal state that encourages activity and directs behavior in the direction of achieving goals and, accordingly, learning. Motive by its nature is a subjective phenomenon that carries out the relationship between the stimulus and acts of behavior. The motive is always a component of individual understanding and performs a regulatory function of the student's activity. E.E. Blinov believes that in the hierarchy of motives in first place is a social motive "to the specialty", and the second is "to provide personal life with his specialty", that is the motive for successful employment in the specialty.

Values are inextricably linked to motives. According to I.P. Polyakova [8], motives are the functional side of values. Value characterizes the main, meaningful side of the motive. The system of motives, being a regulator of life activity, is one of the factors influencing the place occupied by the individual in an even broader system of social relations. Moreover, this influence is mutual: not only values and motives affect the position of a person in society, but also the social position and status of an individual affect his/her value – motivational attitude.

I.P. Polyakova refers to personal values: personal (beauty, originality, will, care, love, kindness), socio-cultural (art, culture, nature, patriotism, altruism, humanism) and professional-pedagogical (harmony, creativity, responsibility, understanding, tolerance). D.A. Leontiev identifies such values of professional self-realization: interesting work, productive life, creativity and active life [5].

So, under the motivational-value attitude to the organization of control using game technologies, we understand the system of motives and values of the individual, their relationship and interdependence. Indicators of motivational-value attitude include: the responsibility of students for their knowledge on the organization of control of educational achievements of younger students using game technologies; creative use of game technologies in control in professional activities; understanding the advantages of their use in professional activities.

To ensure the formation of value orientations and cognitive abilities to develop the motivational and value attitude of future teachers of philological specialties to the organization of control of the level of formation of foreign language competence of younger students using game technologies, it is necessary to organize such training at the university that will ensure the transformation of educational and cognitive activities into professional ones with a corresponding change in the motives and goals of future specialists. Future teachers should be aware of their career prospects and develop themselves in order to acquire this professional competence.

In addition, through communication and selection of professionally-oriented educational material, the teacher should form a motivational and value attitude of students to the development

of knowledge in the field of control; cause them to be enthusiastic about finding the most optimal forms of its implementation; prove the value of what they teach. To do this, first of all, it is necessary to demonstrate to students the advantages of the educational process in philological disciplines with the use of game technologies in teaching and control in primary school in comparison with traditional training.

To ensure cognitive needs as the basis for motivationally directed attitude of future teachers to the use of game technologies in the organization of control of educational achievements of younger students in their professional activities, pedagogical practice is important, which is understood as a way to study the educational process based on the direct participation of trainees in it. The purpose of teaching practice is to form students' skills and abilities necessary for future teaching activities, to consolidate theoretical knowledge, and to apply them in teaching practice.

While going through all kinds of pedagogical practice students get acquainted with the current state of control, the experience of teachers in the use of game technologies in educational process in the field of monitoring; determine the range of problems in the field of control faced by teachers of secondary schools, outlining ways of addressing them; actualize my theoretical knowledge in control, gaming technology, characteristics of control subjects; get need in their practical application; they can improve their skills, gain new knowledge, check their own didactic developments in the field of control in preparation for the lesson and in the classroom, and get skills to analyze the results of their work during the pedagogical practice of professional adaptation of students.

In today's rapidly changing world, a teacher, including an English teacher, must be proactive, competent, responsible, and have a need for constant enrichment and updating of knowledge and self-development. All these qualities should be laid down in the process of training in a higher educational institution, especially in the framework of independent work of students when performing creative educational and professional tasks.

Creative tasks of the professional direction allow to reveal the pedagogical potential of the future teacher, to model non-standard pedagogical situations, to ensure the adaptation of students to future professional activities. On the basis of the acquired knowledge, skills and abilities, the student begins to independently navigate in new conditions, produce new methodological and technical methods of work, and introduce research elements into the activity [10]. The student can check and analyze their theoretical and practical developments in the course of pedagogical practice.

In our opinion, further organization of "round tables", where students can exchange opinions, analyze their own and others' results, opinions, etc., will contribute to the formation of a motivational focus on professional activity and a creative approach to it, as well as contribute to understanding the results of pedagogical practice. Innovative technologies involve the use of active teaching methods that contribute to the activation of educational and cognitive activity of students. Innovative technologies (or interactive learning technologies) are based, according to scientists on "creative, productive thinking, behavior, and communication". At the same time, students develop "communication skills, interaction with each other; skills of critical thinking, solving complex problems and professional situations" [10]. It requires creating conditions for joint educational activities of students. Variants of this technology are "learning in a team", "saw", "learning together". Scientists emphasize that humanitarian education, which places an important place in language training, "is primarily focused on the dialog type of education". By studying in collaboration, students discover new knowledge and jointly model reality.

All of the above, in our opinion, allows us to contribute to the formation of value orientations and cognitive needs of students as the basis for motivational orientation to creative professional activities in the field of organizing training and monitoring educational achievements of younger students. Moreover, it is considered that based on the knowledge acquired in the course of above-mentioned training, taking into account the formed motivational and value orientations, future English teacher will be able to function independently in the new changing world conditions.

Such students will be capable not only to use methodological and technical methods of work, but also to implement components of their research activities into their professional field.

References:

1. Айнутдинова И.Н. Интеграция профессиональной и иноязычной подготовки конкурентоспособного специалиста в высшей школе: дис. ... д-ра пед. наук. Казань, 2012. 297 с.
2. Васильева Т.В. Проблема формирования ценностных ориентаций студентов / Т.В. Васильева / Вестник КемГУ, 2015. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/problema-formirovaniya-tsennostnyh-orientatsiy-studentov> (дата обращения: 25.03.2018).
3. Волков Е.С. Зависимость ценностных ориентаций студентов от смены видов деятельности. М., 1981. 450 с.
4. Горбунова Н.В., Фоминых Н.Ю. Тенденции развития компьютерно-ориентированной среды иноязычной профессиональной подготовки будущих специалистов в области информатики и вычислительной техники // Вестник Череповецкого государственного университета. 2015. 6 (67). С.117-122.
5. Леонтьев Д.А. Ценностные представления в индивидуальном и групповом сознании: виды, детерминанты и изменения во времени / HR-Portal, 2005-01-01. URL: <https://hr-portal.ru/article/da-leontev-cennostnye-predstavleniya-v-individualnom-i-gruppovom-soznanii-vidy-determinanty> (дата обращения: 15.12.20).
6. Маслоу А. Теория человеческой мотивации / Флогистон, 2002. URL: <http://flogiston.ru/library/maslow> (дата обращения: 21.11.20).
7. Подольская Е.А. Ценностные ориентации личности как предмет социально философского исследования: дис. ...канд. филос. наук. Москва, 1996. 178 с.
8. Полякова И.П. Роль ценностей в процессе мотивации: дис. ... канд. филос. наук. Москва, 2003. 163 с.
9. Руднева Е.Л. Формирование жизненных и профессиональных ценностных ориентаций студенческой молодежи: дис. ...д-ра пед. наук. Кемерово, 2002. 443с.
10. Фоминых Н.Ю. Модернизация иноязычной профессиональной подготовки будущих специалистов на основе мобильного обучения // Гуманитарные науки. 2014. № 1 (27). С. 69-76.

УДК 81'276.6

**СТРУКТУРА КОМПЕНСАТОРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В УСЛОВИЯХ
ОБУЧЕНИЯ ИНОЯЗЫЧНОМУ ОБЩЕНИЮ**

*Михайлова Алла Григорьевна
старший преподаватель*

**THE STRUCTURE OF COMPENSATORY COMPETENCE IN THE CONTEXT OF
FOREIGN LANGUAGE COMMUNICATION TRAINING**

*Alla G. Mikhaylova
senior lecturer*

АННОТАЦИЯ. Актуальность исследования определяется социальным запросом общества на качественную подготовку инженеров, владеющих коммуникативной компетенцией для осуществления эффективного взаимодействия. В статье рассмотрена проблема создания условий, обеспечивающих результативность формирования

компенсаторной компетенции будущих инженеров в области информационных технологий в условиях вуза. Использован комплекс взаимодополняющих методов исследования: теоретических (анализ литературы по проблеме), эмпирических (тестирование). Для определения социально-психологических качеств личности применялся психологический тест Майерс-Бриггс. Охарактеризованы основные компоненты структуры компенсаторной компетенции, а также условия, обеспечивающие результативность формирования компенсаторной компетенции в условиях обучения иноязычному общению.

Ключевые слова: компенсаторная компетенция, социально-психологические характеристики, интровертированность, иноязычное общение.

ABSTRACT. The relevance of the study is determined by the social demand for engineers' high-quality training which provides communicative competence forming in the context of a productive interaction. The article deals with the problem of conditions development ensuring the effectiveness of future engineers' compensatory competence formation in the university. A complex of complementary research methods was used: theoretical ones (analysis of the literature on the problem), empirical ones (testing). To define person's socio-psychological qualities, the psychological test by Myers-Briggs was applied. The main components of a compensatory competence structure, as well as the conditions providing the effectiveness of its formation in the conditions of teaching foreign language communication are considered.

Keywords: compensatory competence, social and psychological characteristics, introversion, foreign language communication.

ВВЕДЕНИЕ. Под воздействием информационных технологий (ИТ) происходит явная трансформация коммуникативных процессов, принятых в обществе, изменяется система экономических и социальных отношений в направлении глобализации данных преобразований. Насущной проблемой сегодня является низкий уровень подготовленности персонала, поскольку скорость подготовки квалифицированных кадров не всегда соответствует стремительному развитию ИТ [9]. Нехватка специалистов, владеющих коммуникативной компетенцией как коммуникативно-социальной характеристикой, является основным сдерживающим фактором развития современного и производства.

Нормативные требования, предъявляемые к профессионально-личностной подготовке программистов, соответственно растут. На рынке образовательных услуг будут выигрывать те ВУЗы, которые целенаправленно готовят ИТ-специалистов, открытых для взаимодействия и быстро адаптирующихся к любой организационной среде [14].

Актуальность данного исследования определяется социальным запросом общества на более качественную подготовку инженеров в области ИТ, владеющих компенсаторной компетенцией, обеспечивающей продуктивное иноязычное общение.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ. Ученые А.Р. Ахмадуллин [1], А.А. Долныкова, Н.В. Чудова [2], Д. Кнут [4], Е.А. Орел [8], И.В. Рухляда [10], Б.И. Фурманец [11], С. Зоннентаг [13] и др. рассматривали умения, необходимые для работы в команде. Многие исследователи подчеркивают важность владения программистами такими качествами, как понимание отношений между элементами, гибкость мышления, критичность, склонность к планированию, анализу и систематической работе, готовность пополнять знания и переучиваться [6]. Вопросы развития компенсаторной компетенции в рамках иноязычного общения изучали А.В. Иванов [3], Л.А. Милованова, В.В. Давыщенко [5] и др.

Одним из существенных критериев мастерства программиста являются развитые навыки социального общения: «лучшие программисты – это те, кто участвовал в большем числе разнообразных проектов, в большем количестве групповых совещаний и консультативных встреч» [13]. Умение объяснять возникающие затруднения, оказывать помощь иностранным коллегам и понимать их проблемы в ходе групповых обсуждений

поможет программисту найти свое место в работающей команде и оказаться ценным сотрудником [13].

Анализ отечественных и зарубежных источников и педагогическая практика свидетельствуют о том, что есть следующее противоречие в современном образовании: между потребностью предприятий в специалистах сферы ИТ, владеющих компенсаторной компетенцией, для осуществления эффективного иноязычного общения и недостаточной разработанностью содержательного обеспечения структуры рассматриваемой компетенции.

Цель данной статьи – анализ структуры компенсаторной компетенции в рамках обучения иноязычному общению будущих инженеров.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Для достижения поставленной цели использован комплекс теоретических методов: анализ социологической, психолого-педагогической, инженерной литературы по проблеме; анализ, синтез и систематизация основных подходов к решению проблемы исследования. С помощью психологического теста Майерс-Бриггс определены социально-психологические качества, характерные для специалистов сферы информационных технологий.

РЕЗУЛЬТАТЫ. Психологический аспект общения существенно обогащает процесс двустороннего обмена информацией, оказывает регулирующее воздействие на ход данного взаимодействия. В процессе профессиональной деятельности личность находится в сфере влияния различных социальных отношений. Социально-психологическая сторона отражает основные характеристики, позволяющие занимать определенное положение в обществе. Социально-психологические характеристики инженеров в сфере ИТ, формирующиеся во взаимодействии и в результате социального влияния, обеспечивают применение социальных способностей личности в профессиональной деятельности (социальной перцепции и характеристик межличностного оценивания) [7].

Поскольку при совместной работе существует высокая вероятность снижения эффективности работы программистов из-за возможных языковых трудностей, следует рассмотреть структуру возможности развития компенсаторной компетенции в условиях обучения иноязычному общению будущих программистов.

Важна роль практических психологов в обеспечении профессиональной подготовки программистов необходимыми рекомендациями. В некоторых ситуациях, когда требуется оперативное межличностное взаимодействие и эффективные стратегии коммуникации, социально-психологические характеристики могут представлять собой наиболее значимый ресурс эффективности взаимодействия.

Для диагностики значимых социально-психологических качеств специалистов в настоящее время активно применяется психологический тест Майерс-Бриггс [9], который базируется на теории психологических типов Юнга. Данный тест определяет как некоторые индивидуально-личностные показатели, так и отдельные параметры эффективности освоения навыков программирования и составления компьютерных программ. Создателям тестов для подбора инженеров в сфере ИТ следует разрабатывать шкалы для выявления тех личностных показателей, которые повлияют на эффективность интеграции во внутриорганизационную среду и социально-экономическую структуру общества.

На основе психологического теста Майерс-Бриггс обозначили следующие социально-психологические особенности, характерные для программистов и существенно влияющие на ход общения:

- в значительной степени мотивация специалистов ИТ зависит от отношения к работе, сложившейся в рабочей группе;
- заинтересованность в профессиональном росте, стремление к обучению;
- большой набор недокументированных ценностей;
- склонность к поиску, а также созданию факторов собственной мотивации;
- готовность к общительности не очень высокая;

– склонность ориентироваться на материально-техническое развитие ИТ-отрасли в отношениях с заказчиком;

– неумение распределять рабочее время.

Анализируя личностные качества и особенности высококвалифицированных программистов, можно отметить, что для них характерны не только такие качества как самодостаточность и упорство, но также интровертированность, дистанцированность от других людей, неумение распределять рабочее время, что отрицательно сказывается на эффективности коммуникативного взаимодействия.

Нехватка профессиональных знаний и умений компенсируется компенсаторной компетенцией в рамках иноязычного общения, которая представляет собой умения выходить из положения в условиях дефицита языковых средств при помощи получения и подачи информации. Некоторые ученые определяют компенсаторную компетенцию как способность и готовность личности использовать жизненный опыт, лингвистические и нелингвистические знания, умения и приемы, владение которыми необходимо для обеспечения продуктивной коммуникации, когда жизненные обстоятельства требуют речевых умений и навыков, которыми располагают программисты в конкретной ситуации иноязычного общения [5].

Структурная характеристика компенсаторной компетенции представлена следующими компонентами:

– *когнитивный* (знание лексики, необходимой для общения на изучаемом иностранном языке; грамматических структур языка, вызывающих трудности при переводе; владение навыками межкультурной коммуникации);

– *деятельностный* (умение правильно использовать единицы иностранного языка для общения; навыки применения синонимов при дефиците языковых средств; умения использовать невербальные средства компенсации, навыки социального общения (решение межличностных конфликтов из-за разного уровня мотивированности в процессе групповой работы));

– *эмоционально-личностный* (эмоциональный интеллект (поддержка собственной мотивации и мотивации других), готовность к адаптации в иноязычной социальной среде, осознанность (управление вниманием; понимание, что важно в данный момент и почему, рефлексия), эмоциональная зрелость (способность брать ответственность на себя и умение управлять эмоциями)).

Объединяющей целью общения является благоприятный социально-психологический климат общественного сосуществования специалистов, где важным критерием является групповая продуктивность [12]. Многие знания, умения и навыки, востребованные в современной организационной среде, выходят далеко за рамки профессиональной подготовки инженеров в сфере ИТ. Как следствие, даже если специалисты компетентны в своей сфере деятельности, они не всегда соответствуют ожиданиям их коллег и руководства.

Программа профессиональной подготовки специалистов в области ИТ должна включать развитие компенсаторной компетенции в рамках обучения иноязычному общению. Для этой цели необходимо использовать следующий способ развития компенсаторной компетенции изучающих иностранный язык: подбирать тексты, которые представляют собой специфическую часть содержания обучения компенсаторной компетенции, а именно:

– наличие иллюстративного материала, таблиц, повтор ключевых слов внутри текста, наличие интертекстов, схем, диаграмм (*Mind Map*) (рис. 1);

– наличие в изучаемом языке языковых явлений, сходных с изученными в родном языке, например заимствованных слов (*installation, investor, diverse, implementation, web, deadline, disk drive, outsourcing, acquisition, counterfeit, release, webcast, content, cyber, start up, recipient, identity, browser, click, log, post, provider, decode, to hack, diversification* [5].

Кроме того, с целью развития навыков управления временем необходимо использовать методику «Тайм-менеджмент», включающей следующие методы: принцип Парето, Матрицу Эйзенхауэра, Интеллект-карты и Пирамида Франклина.

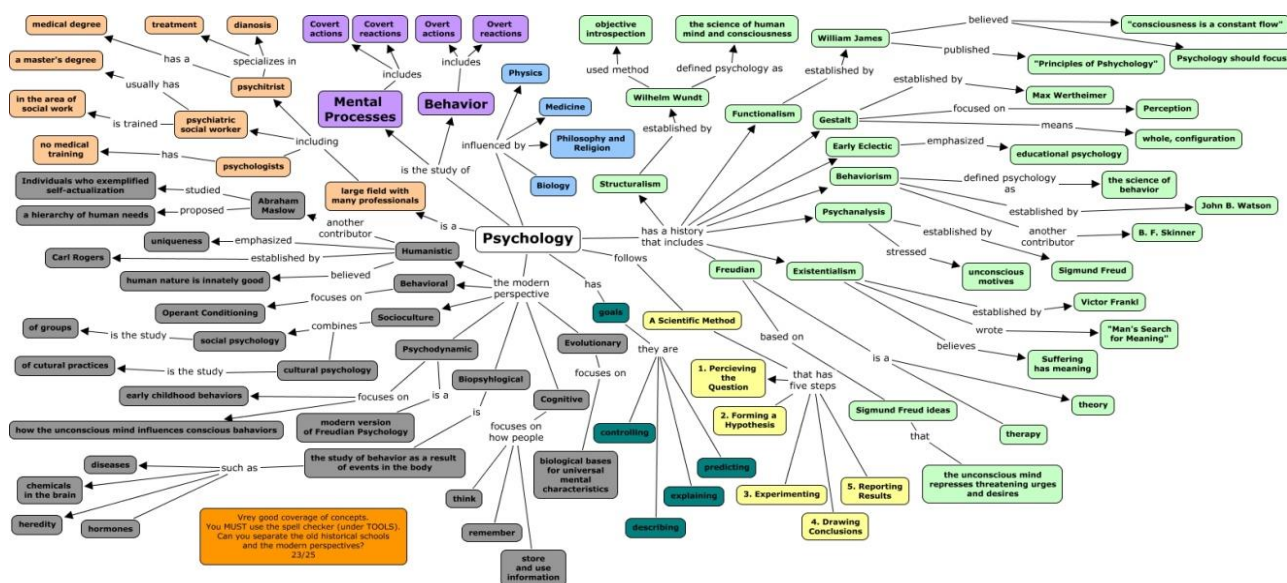

Рисунок 1. Пример Mind Map

Профессиональная деятельность программистов предполагает высокую степень вовлечения в деятельность других специалистов. При совместной работе ИТ специалистов имеется высокая вероятность межличностных конфликтов из-за разного уровня владения коммуникативными умениями, что снижает эффективность командной работы. Значимым фактором конструктивного общения является учет социально-психологических качеств, характерных для специалистов ИТ. Немаловажное значение имеет уважительное отношение к партнерам по коммуникации, а также установка на преодоление возможных языковых трудностей, умение выходить из положения в условиях дефицита языковых средств в рамках коммуникации и поиск творческих путей решения таких ситуаций.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Актуальность обсуждаемой проблемы определяется социальным запросом общества на более качественную подготовку инженеров в области ИТ, владеющих компенсаторной компетенцией в рамках продуктивного иноязычного общения, а также значительным вниманием к разработке условий, обеспечивающих эффективность данного процесса. На основе психологического теста Майерс-Бриггса определены социально-психологические качества личности программиста, который показал, что для специалиста ИТ характерны не только такие качества как самодостаточность и упорство, но и интровертированность, дистанцированность от других людей, неумение распределять рабочее время, что отрицательно сказывается на эффективности коммуникативного взаимодействия. Выделены основные компоненты структуры компенсаторной компетенции: когнитивный (знание лексики, грамматических структур языка; владение навыками межкультурной коммуникации); деятельностный (умение правильного использования единиц иностранного языка; навыки применения синонимов при дефиците языковых средств; навыки социального общения); эмоционально-личностный (готовность к адаптации в иноязычной среде, эмоциональный интеллект; осознанность; эмоциональная зрелость).

В рамках исследования предложены условия, обеспечивающие результативность формирования компенсаторной компетенции в условиях обучения иноязычному общению: создание благоприятного социально-психологического климата общественного сосуществования специалистов, где важным критерием является групповая продуктивность. Для развития компенсаторной компетенции изучающих иностранный язык предложены следующие методические рекомендации: использовать иллюстративный материал, схемы,

диаграммы, Mind Map, таблицы, применять повтор ключевых слов внутри текста, интертексты и языковые явления, сходные с изученными в родном языке.

Список литературы:

1. Ахмадуллин А.Р. Особенности персонала и специфика трудовой деятельности в отрасли информационных технологий как основа повышения конкурентоспособности // Вестник университета. 2016. № 13. С. 165-171.
2. Долныкова А.А., Чудова Н.В. Психологические особенности суперпрограммистов // Психологический журнал. 1997. № 18 (1). С. 113-121.
3. Иванов А.В. Формирование у студентов вуза компенсаторной компетенции при обучении иноязычному говорению: на материале преподавания английского языка: дисс. ... канд. пед. наук: 13.00.02. Нижний Новгород, 2012. 169 с.
4. Кнут Д.Э. Искусство программирования. Том 1. Основные алгоритмы = The Art of Computer Programming. Volume 1. Fundamental Algorithms / под ред. С.Г. Тригуб, Ю.Г. Гордиенко, И.В. Красикова. М.: Вильямс, 2002. Т. 1. 720 с.
5. Милованова Л.А., Давыщенко В.В. Компенсаторная компетенция как компонент содержания обучения иностранному языку в условиях естественнонаучного профиля // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2015. №5 (100). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kompensatornaya-kompetentsiya-kak-komponent-soderzhaniya-obucheniya-inostrannomu-yazyku-v-usloviyah-estestvennonauchnogo-profilya> (дата обращения: 07.12.2020).
6. Михайлова А.Г. Информационно-коммуникативная компетенция как показатель профессиональной квалификации будущего инженера // Современные тенденции развития социально-экономических систем: Материалы международной научно-практической конференции (27 октября 2017 г., г. Волгоград): Сборник статей. Волгоград: Сфера, 2018. С. 777-780.
7. Михайлова А.Г. Формирование коммуникативных способностей современной молодежи // Культура в фокусе научных парадигм. Научный журнал. Культурология. Филология. Журналистика: научн. ред. Кравченко О.А., Каика Н.Е. Донецк: ДонНУ, 2017. Вып. 5. С. 353-359.
8. Орел Е.А. Особенности интеллекта профессиональных программистов // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2007. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-intellekta-professionalnyh-programmistov> (дата обращения: 07.12.2020).
9. Психологический тест Майерс-Бриггс [Электронный ресурс]. URL: <https://4brain.ru/blog/тест-на-тип-личности-маерс-бриггс/> (дата обращения: 22.09.2020).
10. Рухляда И.В. Организация труда и формирование квалификационных требований к специалистам в сфере информационных технологий: 08.00.04 дисс. ... канд. экон. н., М., 2011. - 146 с.
11. Фурманец Б.И., Мовчан Я.А. Психологические особенности деятельности специалистов по информационным технологиям с учетом системного подхода // Психологічні проблеми освіти. № 2. 2012. С. 131-138.
12. Kruchina O. N., Mikhaylova A. G. Formation of professional and communicative skills in the study of foreign languages in maritime specialties. E3S Web Conf. International Science Conference SPbWOSCE-2018 “Business Technologies for Sustainable Urban Development Volume 110, 2019. URL: https://www.e3s-conferences.org/articles/e3sconf/abs/2019/36/e3sconf_spbwosce2019_02004/e3sconf_spbwosce2019_02004.html (дата обращения: 04.09.2019).
13. Sonnentag S., Niessen C., Volmer J. Expertise in Software Design. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/7783/f0fe2aff9c858e6282c85ea2c67a296f10a5.pdf> (date of access 30.09.2020).

14. Who are you, mr. Programmer? // Интеллектуальные особенности программистов
URL: <http://www.interface.ru/home.asp?artId=3607> (date of access 12.10.2020).

УДК 373.31

РОЛЬ ФОЛЬКЛОРНОЙ СКАЗКИ В ОБУЧЕНИИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРНОГО ЧТЕНИЯ

Огурцова Дарья Александровна

студент

Кабанкова Елена Николаевна

научный руководитель

THE ROLE OF FOLKTALES IN TEACHING PRIMARY SCHOOL CHILDREN AT THE LITERARY READING LESSONS

Darya A. Ogurtsova

student

Elena N. Kabankova

scientific advisor

АННОТАЦИЯ. В статье исследуется роль сказок на уроках литературного чтения младшей школы. Установлено, что чтение сказок дает детям четкое представление о традициях, культуре, истории и реалиях. Цель статьи – выяснить роль сказок в воспитании и социальном развитии школьников. В статье утверждается, что сказки помогают ученикам справляться с эмоциями и чувствами эффективным и безопасным для раннего детского эмотивного состояния способом. Авторы рассматривают сказки как источник примеров взаимоотношений и способов преодоления возникающих сложностей. Чтение сказок способствует формированию правильных жизненных ориентиров и ценностей, а также пополнению словарного запаса и улучшению грамматики учащихся.

Ключевые слова: сказка, начальная школа, литературное чтение, ученики, речевая деятельность.

ABSTRACT. The article is to examine the role of folktales at the literature reading lessons. Fairytales are found all over the world and in every culture. It is found that reading fairytales gives children clear understanding of traditions, culture, history and realities. The aim of the article is to find out their role in the upbringing and social development of pupils. It is stated that fairytales help them to deal with emotions and fears in a healthy way, as they often give hope for a better future. They offer children examples of relationships and ways to overcome emerging differences. Reading fairytales contributes to the replenishment of pupils' vocabulary and grammar, their values and attitudes toward life.

Keywords: fairytale, primary school, literary reading, pupils, speech activity.

The study of folklore, the origins of indigenous literature, folk songs, fairy tales forms true patriotism and love for the native word. It reflects the most important stages of people's life: birth, love, marriage, death, etc. Child's worldview begins to develop in the preschool age and continues to grow stronger during the period of study at school. Therefore, at the literary reading lessons, much attention is paid to folklore. Its role cannot be exaggerated, since at the literary reading lessons pupils get acquainted with various literary forms, including the very genres of folklore.

Russian folklore is believed to be one of the richest in the Slavic world. It is full of teaching experience and folk wisdom and, therefore, is used to form character. On the basis of folklore, a huge amount of pedagogical ideas was created: respect for elders, diligence, patriotism, courage,

tolerance for other people's opinions, kindness, etc. Oral folklore texts are one of the defining means ensuring the development of the children.

A fairytale is known to be a genre of folklore literary oral or written creativity transmitted in prose form "by word of mouth". Notably, teaching in pedagogy is considered to be a didactic process purposefully organized and stimulating active educational and cognitive activity of pupils in order to acquire knowledge, skills, develop creative abilities and moral and ethical views. In view of this it is significantly to use this folklore genre at the literary reading lesson in primary school as a means of teaching the pupils. This explains the relevance of the topic.

It should be noted that such scientists as N.S. Bibko, M.P. Voyushina, L.S. Vygotsky, I.A. Zimnyaya, E.M. Meletinsky, N.D. Moldavskaya, M.M. Rubinstein, M.A. Rybnikova, L.E. Streltsova, V.A. Sukhomlinsky, K.D. Ushinsky and others worked in the area studied.

The origin of fairytales is difficult to establish, as they have got an oral tradition. They were passed down from generation to generation or played out dramatically. Storytellers constantly changed the form of fairytales for their own purposes. They were intended for adults and children and did not always end well.

In the dictionary of literary terms S.P. Belokurova defines "fairytale" as one of the main genres of folklore, an epic, predominantly prosaic work of a magical, adventurous or everyday character with a focus on fiction [1].

At present, fairytales should be perceived not only as a work of art. They are more than one story, built on a set of storytellers and in which the main motif, the archetypal value, covered with excessive decorativeness, remained untouched [2].

The evidence that can be found in other literary works proves that fairytales have existed for thousands of years. They are found all over the world and in every culture and deal with the same basic motifs in endless variations.

The more primitive the fairytale origin is, the more incoherent the form in which it is told. This is because the undeveloped mind cannot sufficiently collect the unconscious popup images, while an impeccable fairytale story can be considered as an artistic cultural product of the more orderly society.

Fairytales are the translation of collective subconscious mental processes. Since they do not contain as much cultural material as the myths or legends, the fundamental structures of the psyche are very clear. The essential psychological meaning is expressed in symbolic images and events. A fairytale itself is the best explanation. Its point is constrained in the totality of motifs that are connected with each other by the fairytale yarn [3].

People couldn't find a way to explain what they had experienced, and tried to describe their experience using known material. Thus, we can say that each fairytale is a relatively closed system with one significant psychological meaning, which is expressed and can be derived from the totality of symbolic images and events. Some authorities believe [8, 9] that all fairytales attempt to describe the same inexhaustible complex psychic truth. Each individual and each nation experienced this psychological reality in their own way. Different fairy tales are pictures of different phases of this experience.

In addition, fairytales stimulate our imagination, but sometimes they can give us a false sense of reality, including realistic scenarios. This is the main reason why some parents prefer not to read them to their children. As an adult they wanted to go beyond fairytales and find out what their role in the upbringing and social development of our children is. All fairytales tell about relationships and people, as well as about negative and positive interactions between them. As a result, we decided to do the research on this topic because even the worst stories can be used as learning tools.

Fairytales are believed to be transmitted by word of mouth from generation to generation. The main purpose of these stories was to teach morality, which is the kind of focus they should possess today. Fairytales were originally created for a wide variety of readers of all ages.

In 2014, fairytales became known mainly due to the amazing Disney movie business. The films we've watched in recent years are mostly adaptations of their original versions. Some of the stories in their original form may have had a dark side, which for many pupils' parents can be anxious.

There can be many psychological benefits of a fairytale for children. These benefits vary from child to child, and we should not depend only on fairytales as the only possible tool. A child may have many repressed feelings that they may not understand, and this is the very point where fairytales come to help. The children can identify themselves with the conflict situations presented in the stories as well as find solutions in them. Moreover, fairytales can help a child to deal with emotions and fears in a healthy way, as fairytales often give hope for a better future.

Fairytales can help us in teaching pupils about cultural differences. Among the most difficult topics that parents and tutors have to deal with is physical beauty. Given the challenges faced to society today, we should use fairytales to make it clear that beauty is not what we can see in the magazines. The need for the "real" beauty is becoming more and more popular. Vivian Diller shows in her article what real beauty is [7].

For years, society has taught us how to dress, behave, and influenced our overall appearance. Solving these problems can be difficult for children to understand. However, parents need to use available resources to help them cope with this. Fairytales also face these issues and include a message about accepting someone regardless of their physical appearance. We can definitely teach children that no one is "perfect", that we all have flaws, and that love is not just a physical attraction, it has a deeper meaning.

The first social interaction of a child occurs with its parents. The mother was the first educator who helped the child to perceive the language, customs and rites. The role of relationships in fairytales is very significant for children and their social development. They offer children examples of relationships and ways to overcome emerging differences. This work cannot be done only by reading the fairytales. The role of parents and teacher is of great significance. The relationships that children build with their parents in the early stages help them get closer to other people as they get older.

There's a reason why fairytales are so popular and have remained interesting for centuries. It's because we all love to imagine. When we become adults, there are still things in our subconscious that get a certain satisfaction from fairytales. We must remember that children do not have the same levels of awareness that we do. Reading is a fun way to learn, and children should not be deprived of this experience. In fact, they need these experiences to make sense of the world. This is why parents should have a close relationship with their children and be ready and able to answer any questions that may arise.

During the periods of changing social mentality and technological progress, the relationship and succession of generations in the upbringing and education of children are degraded. As a result, the transmission of moral and ethical experience and fundamental values of life are disrupted.

Formed moral values are one of the main indicators of a whole person, who is responsible, independent, able to defend own opinions, determines further development and own future. Today, it is very important to realize the responsibility for educating younger generation, as the future of not only our country, but the entire Earth depends on them.

Society is always interested in preserving and transferring the accumulated experience and knowledge without which its existence and development is impossible. To preserve and pass it on, it is necessary to build a proper system of education and upbringing of society members starting from early childhood. For a long time, fairytales were the keepers of society morality. They were invented by people, improved over time, but the main stories have remained unchanged until now.

The word "fairy tale" is derived from the verb "to tell" or "to show", meaning to tell. For the first time the term was attested in written sources in the XVII century. At the same time, it got a modern meaning as before that, the term "fable" was used to refer to such texts.

The folktale came from myths that lost their aims over the time. Initially, the fairytale was opposed to the stories from mythology. The doubtful veracity of the fairytale led to the fact that the artistic side of the myth came to the fore. And the historicity, sacredness, and strict authenticity of the myth became irrelevant. The events of the fairy tale are transferred outside the reality of our world, to the fairytale world.

Fairytales, like any genre of literature, have their own characteristics. So, for example, the distinctive features of a fairytale are special fairytale phrases like ‘once upon a time ...’, ‘there lived ...’, ‘in a faraway kingdom ...’, etc. Moreover, entire episodes, archetypes and characters are found in almost every fairytale. For instance, when describing Baba Yaga, the phrase ‘bone leg’ is the most often used. Characters refer to each other using cliché phrases like ‘stand in front of me, back to the forest’ and folk epithets ‘good fellow’, ‘red girl’.

There are a huge number of varieties of fairytales, the heroes of which are not only people, but even animals. However, all the stories are aimed at upbringing and educating children. So why are these sometimes magical, sometimes heroic stories not always connected to reality at first glance so significant to primary school pupils?

In accordance with the Federal State Educational Standard for the Primary General Education the course of literary reading in grades 1-4 is aimed at achieving several groups of goals:

- ✓ to teach primary school students mastering conscious, expressive reading as a basic skill; to improve all types of speech activities that provide the ability to work with different types of texts; to develop interest in reading books; to form a reader’s world view and to gain experience in choosing books, independent reading.

- ✓ to develop artistic, creative and cognitive abilities, emotional responsiveness when reading literary works; to form an aesthetic attitude to the word and the ability to understand the works of art.

- ✓ to enrich the moral experience of younger students by means of fiction; to form moral ideas about kindness, friendship, truth and responsibility; to foster interest and respect for the national culture and the culture of other nations and other countries [6].

Thus, literary reading as an academic subject in primary school plays a significant role in solving educational and educational tasks in the process of teaching younger students.

Younger students’ acquaintance with accessible, understandable to their perception and age works of art helps to form their personal qualities due to the spiritual, moral and aesthetic content of works that affect the worldview and consciousness of the reader. The child grows up with appropriate national and universal values. The use of works about moral norms develops the ability of pupils to compare their actions with the generally accepted principles of behavior of a well-mannered person.

The significance of fairytales was also noted by great Russian teachers and literary critics in the XIX century. For example, V.G. Belinsky, a famous Russian critic, had a high opinion about the educational value of fairytales. He appreciated in the fairytales their national character and advised to use them widely in teaching. V.G. Belinsky believed that the real social relationships and real life are reflected in the fabulous fiction and fantasy. Understanding the characteristics of children, their nature, the scientist was convinced that younger students strongly express a desire for everything transcendent, incomprehensible, supernatural, that they do not need abstract sounds. According to V.G. Belinsky, for children development and education specific images are needed which are expressed through colors, sounds, and maximum visibility [2].

K.D. Ushinsky, the founder of scientific pedagogy in Russia, added Russian folktales to his pedagogical system, because he was convinced that the direct simple language of fairytales corresponds to child psychology: “In a folktale children are told about their childhood dreams and, at least, half of them believes in these dreams” [4, p. 57].

So, as it has already been pointed, a fairytale is attractive for children for several reasons:

1. In the fairytale there are no direct moralizing, the child independently understands what good and bad is.

2. Imaginative narration, unusual speech, a large number of epithets and metaphors allow the children not only replenish their vocabulary, but also independently imagine the characters and the place of the story, freedom of imagination.

3. Good always wins in fairytales, it allows children understand that they need to act kindly, they are also felt psychologically protected regardless of the circumstances at the moment. The heroes have to pass testing before reaching a happy end, but they remain kind, fair and merciful, so the child usually follows them independently and not because “the adults said so”.

4. The presence of magic. This feature of the fairytale is significant not only for the development of imagination and interest of little readers, but also for the children to understand that certain grotesque features, for example, animals, can also occur in people surrounding them. So that the pupils can associate themselves not only with anthropomorphic creatures, but also choose those images corresponding to their character. As a result, they learn to put themselves in the place of others.

One of the production methods that contribute to the active acquaintance of students with knowledge is the study of the fairytales in Russian lessons. It helps to combine elements of literary and language analysis. Introducing a fairytale in a foreign language lesson allows you to analyze the various types of speech activity that should be practiced in Russian lessons.

In modern pedagogical practice, special attention is paid to the communicative method of teaching literary reading. It is considered to be the most effective one in language acquisition allowing students to learn Russian in a fun and unobtrusive way. Today, it is believed that when learning Russian, primary school children should master not only all language skills, but also have a clear understanding of traditions, culture, history and realities [2].

There are a number of general guidelines for working with fairytales at the literary lessons in grades 1-4 [5, p. 41-42].

- In preparation for reading a fairytale, a preparatory conversation is held (one can ask what fairytales are, which ones have been read).
- It is desirable for the teacher to use the so-called reading-storytelling, since a fairytale is by nature intended for oral reproduction.
- Reading a fairytale is best accompanied by showing various filmstrips, illustrations, applications, drawings, etc.
- When analyzing a fairytale, one should not focus on the fact that something in it is fiction, otherwise the charm of the fairytale disappears. After working out the content of the tale, its full analysis, the fairytale should be read in roles.
- The retelling of the tale should be very well prepared. One can retell using a verbal plan, a picture plan, filmstrip frames, slides, illustrations, in a chain, based on specific words.
- A fairytale can be used to draw up characteristics and assessments, since the characters in fairytales are usually the exponents of one or two characteristic features that are clearly revealed in their actions.
- Do not interpret the moral of the tale into the area of human characters and relationships. The fairy tales are so strong and vivid that the children conclude themselves.
- The tale is also used for educational work on drawing up plans, since it is clearly segmented into scenes – parts of the plan, headings are easily found in the text of the tale.
- It is necessary to conduct elementary observations on the peculiarities of the composition of the tale, since these observations increase the consciousness of the perception of the fairytale by children.

Thus, we can conclude that fairytales are an excellent and valuable source for Russian language lessons. They are fun, pleasant, short and of great interest to pupils of primary school age. This interest motivates reading and analyzing the fairytale at the literary reading lessons. Observing the actions and characters allows the pupils to establish the causes and results of the events. With the help of fairytales, children learn various language aspects: grammar, new vocabulary, values,

and, in addition, they can positively influence children's interest in books. Therefore, it has the potential for the all-round development of schoolchildren at the literary reading lessons.

References:

1. Белокурова С. П. Словарь литературоведческих терминов [Электронный ресурс]. URL: https://literary_criticism.academic.ru/354 (дата обращения: 15.10.2020).
2. Бунятова А.Р. Роль сказки в формировании духовно-нравственных ценностей у детей дошкольного возраста // Успехи современного естествознания. 2010. №6. С. 11-15.
3. Гусарова С.В. Воплощение основных функций искусства через призму русской народной сказки / Московский финансово-юридический институт // Вестник МФЮА. 2014. № 4. С. 213-216.
4. Зинкевич-Евстегнеева Т.Д. Практикум по сказкотерапии. СПб, 2002. 201 с.
5. Методика обучению русскому языку и литературному чтению / под ред. Т.И. Зиновьевой. М.: ЮРАЙТ, 2016. 468 с.
6. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования / Министерство образования и науки Российской Федерации. М.: Просвещение, 2010. 31 с.
7. Building a Case for Real Beauty. URL: https://www.huffpost.com/entry/building-a-case-for-real-_b_4336687 (date of access 15.09.2020)
8. Collie, J., & Slater, S. (1991). Literature in the Language Classroom (5thed.). Glasgow: Cambridge University Press.
9. Maley, A. (1989a). Down from the Pedestal: Literature as Resource // Carter, R.; Walker, R. & Brumfit, C. (Eds.), Literature and the Learner: Methodological Approaches. Modern English Publications and the British Counsel. P. 1-9.

УДК 373.811

СПОСОБЫ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАММАТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Осадчая Ирина Юрьевна
старший преподаватель

THE WAYS OF CREATING GRAMMAR COMPETENCE OF THE PRE-SERVICE ENGLISH TEACHERS

Irina Yu. Osadchaya
senior lecturer

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена формированию грамматической компетенции как основной составляющей иноязычной коммуникативной компетенции будущих учителей английского языка. Исследование построено на гипотезе, что студенты-практиканты свободно пользуются грамматическими средствами иностранного языка в стандартных ситуациях общения на уроке, но сталкиваются с определёнными речевыми проблемами в нестандартных ситуациях. Цель данной статьи рассмотреть способы формирования грамматических знаний, навыков и умений на примере обучения вопросительным высказываниям. Автор приводит различные методы и творческие задания, позволяющие раскрыть педагогический потенциал студентов – будущих преподавателей, на примере использования вопросительных конструкций. На основе проведенного исследования сделан вывод о том, что данная методика повышает эффективность подготовки будущих специалистов.

Ключевые слова: грамматические навыки и умения, стандартные ситуации, нестандартные ситуации, коммуникативная направленность, личностно-ориентированное общение, лингвистическая компетенция, коммуникативная установка.

ABSTRACT. The article is devoted to the formation of grammatical competence as the main component of the foreign language communicative competence of future English teachers. The study is based on the hypothesis that students-interns freely use grammatical means of a foreign language in standard communication situations in the classroom, but face certain speech problems in non-standard situations. The purpose of this article is to consider the ways of forming grammatical knowledge, skills and abilities on the example of teaching interrogative statements. The author presents various methods and creative tasks that allow to reveal the pedagogical potential of pre-service English teachers, using the example of the use of interrogative constructions. Based on the conducted research, it is concluded that this technique increases the effectiveness of training future specialists.

Keywords: grammatical skills and abilities, standard situations, non-standard situations, communicative orientation, personality-oriented communication, linguistic competence, communicative attitude.

The formation of grammatical knowledge, skills and abilities of oral speech in the context of educational communication is one of the main tasks in the training of future teachers of English. Many methodologists note that students-interns freely use grammatical means of a foreign language in standard situations in the classroom (conversation with the pupil on duty, phonetic exercises, naming the homework, etc.), but often make grammatical mistakes, lag behind with speech response, or switch to their native language when non-standard situations and new communication tasks arise. Poor grammar skills are often the reason that prevents students from communicating fully and creatively in a foreign language.

Traditionally, grammatical skills of oral speech are formed in students isolated, outside the speech communication. Skills are mainly developed in the process of performing exercises that are formal in nature and do not have a communicative orientation. As the analysis of University textbooks and collections of grammar exercises shows, communication exercises make up about a fifth of the total number of exercises. And there is no need to talk about the number of exercises aimed at forming grammatical skills at all.

How can we bring the conditions of students' learning activities for developing grammatical skills closer to the natural conditions of foreign language communication? We should remember that grammatical skills as one of the characteristics of the personality in the process of communication is inextricably linked with the structure activity and structure identity of the participant in foreign language communication. Therefore, when speaking about training foreign language communication, it is necessary to keep in mind personal-oriented communication, and consider natural conditions that ensure the inclusion of many aspects of the student's personality (his emotions, motives, intelligence) [2]. To make students feel like full-fledged participants in foreign language communication from the first steps, it is necessary to make them think, fantasize, feel and speak when performing simple tasks.

Naturally, at the beginning of grammatical skills formation, students do not have a sufficient level of linguistic competence and are not psychologically ready for full-fledged foreign language communication. Therefore, starting from the first year, it is necessary to create such situations in the educational process, in which the involvement of students in communication occurs gradually with increasing psychological and linguistic level.

The following approach to organize student's activity is suggested:

1 Introduce the communicative patterns of a native speaker. It is provided in the form of a detailed rule that introduces general communication tasks, the general meaning of the grammatical phenomenon, and ways to solve communication problems depending on the communication conditions. In our case, the students are informed that interrogative sentences have common

meanings of interrogativeness and motivation, they can be used to solve the following communicative tasks: request information, get confirmation of available information, encourage the interlocutor to perform an action, express their feelings, give the interlocutor a choice, etc.

2. Analyze the structure of interrogative sentences and explain that the choice of a particular structure (with or without a question word, with direct or reverse word order) is determined by the communication situation and the communicative task.

3. Involve students in communication as a listener. At this stage, it is necessary to create conditions for them to form the necessary communicative attitude, which is formed by implementing the communicative intention of the communication participant in a specific situation. Therefore, alongside with the theoretical knowledge, students should take as examples authentic samples of native speakers' speech containing interrogative sentences in situations of real communication.

Situations are presented twice. The first presentation is listening and empathy, that is, situations presented to students' effect on emotions, and thus stimulate the creation of a certain psychological mood. It should be noted that a high level of students' emotional activity occurs only if the situation is fully understood. Therefore, not only should they be familiar with linguistic units, but also the content of situations should touch the problems that concern students and all people in general, regardless of their belonging to a particular language community (a conversation between lovers, a police officer and a city resident, a television interview with the Minister of education and science, etc.) [1].

An emotionally colored situation, firstly, attracts the attention of students, and secondly, it causes a desire to understand what is being said, that is, a motive arises, and the feelings that arise are similar to those experienced by native speakers in this situation.

The second presentation of the text for listening should be carried out immediately after the first. This is listening and analyzing. Students should pay attention to the formal signs of interrogative sentences. Listening is performed with pauses. During pauses, students can recite what they have heard. The teacher comments on the use of interrogative sentences in speech, paying attention to how the conditions of communication affect the implementation of the communicative task.

The next stage is listening and understanding. At this stage, an actual awareness of the formal features of the utterance and its communicative purpose in specific communication conditions is provided. Situations presented to students can be either neutral or emotionally colored. Students are assigned the following tasks:

- Listen to the dialogue:
 - determine the grammatical phenomenon being studied in the speech stream by its formal features;
 - understand what communication task the speaker needs to solve; correlate the communicative task with the formal means of its implementation.

The sequence of exercises corresponds to the order of operations when listening to foreign language speech: from perception and recognition of formal signs of a grammatical phenomenon to their correlation with a certain meaning and understanding the meaning of the utterance.

For example, when studying question sentences, the student is given the following tasks:

- Listen to the dialogue (story) and say how many interrogative sentences the partners use;
- Listen to the dialogue and say how many interrogative sentences with interrogative words (inversion) the speakers use;
- Listen to the dialogue, every time you hear interrogative sentence try and guess what purpose the speaker is pursuing by using it. Choose the correct answer from the list.

Sample: the speaker wants:

- a) to get information;
- b) to have his information confirmed;
- c) to make a suggestion;

- d) to offer help;
- e) to give advice;
- f) to ask for a favor;
- g) to show his emotions.

Performing such tasks, students put themselves in the place of a participant in communication, analyze the communicative task facing them from their positions [5].

Tasks involving the student as a listener are performed in two or three sessions of 7-12 minutes each. In the third lesson, you can move on to tasks that involve students in communication as a speaker and listener. Students perform actions with grammatical material aimed at solving communication problems in natural conditions of communication.

We suggest choosing communicative situations from the context of students' activities, since it is not always possible to take into account all factors when modeling communicative educational situations.

The period of study in the first year is characterized by industrial and socio-psychological adaptation of the student at the University. All first-year students are in a new social situation. The main purpose of interaction between members of the student group is to form a team. This goal implies the need to solve such tasks as the disclosure of individual abilities of each member of the group, the formation of his self-esteem and self-awareness as a member of the team. To solve these problems, students need to know each other well. They receive the relevant information in the course of speech communication directed by the teacher in the classroom [4]. At the same time, tasks are formulated in a way that involves the use of interrogative sentences in communication, for example, the teacher introduces students to the situation at the beginning of the lesson:

“After a week’s cooperation we have got to know each other better. But sometimes, even though we have known a person for many years, we failed to understand him/her. We are always in a hurry. We have no time for other people. We have no time to speak to them, to take a close look at their faces. We forget the expression on our friend’s face can tell us more than words. Let’s see how well you observe the people around you”.

Then, the teacher gives the following task:

“Sit in a semi-circle please. Watch the student on your right carefully for a moment. Try and guess he/she feels at the moment (well, happy or, perhaps, tired or sleepy). To make sure your guess is correct, ask him/her if he/she is exactly in the mood you think”.

This task is aimed, on the one hand, at creating a favorable psychological mood in the group, and on the other - at mastering the structures of interrogative sentences without a question word. As the tasks are completed, students receive information about each other's inclinations and affections, personal successes and achievements, plans and dreams [3]. At the same time, the structure of the situation gradually becomes more complex, they already include not one communicative task, but two or three, for which students need to master various structures of interrogative sentences. For example, in the situation “Pictures” work in pairs and act out the situation where one of them does not see the picture and ask various questions to guess what is depicted at it. One more example is the situation “Texts”. All students have different parts of the story (one has a beginning; another has the ending or the middle part of the story and so on). First, each student should find the partner, asking different questions and restore the whole story. Note that the speech task is not imposed, it naturally occurs in a real situation in the classroom.

All tasks are performed in pairs or groups, which increases the speaking and listening time of each student. Involvement in independent communication is carried out gradually. First, students perform tasks that involve interaction in the form of a conversation in a circle, where the teacher acts as a full partner in communication, and then they move on to work in pairs and small groups (three or four people) without the participation of the teacher. The teacher corrects and analyzes errors at the end of the lesson.

Using this method will allow students to develop strong grammatical skills, which will make it possible to be a full participant in foreign language communication, freely solve communication

problems in various situations. This research will help you create sets of exercises aimed at developing the grammatical competence of future English teachers.

References:

1. Айнутдинова И.Н. Интеграция профессиональной и иноязычной подготовки конкурентоспособного специалиста в высшей школе: дис. ... д-ра пед. наук. Казань, 2012. 297 с.
2. Драганова Г.В. Использование лингвистической теории при обучении грамматике в языковом Вузе //Актуальные вопросы обучения основным видам речевой деятельности: сб. научн. тр. 1975. С. 136-142.
3. Соловова Е.Н. Методическая подготовка и переподготовка учителя иностранного языка: интегративно-рефлексивный подход. Монография. М.: ГЛОССА-ПРЕСС. 2004. 336 с.
4. Фоминых Н.Ю. Модернизация иноязычной профессиональной подготовки будущих специалистов на основе мобильного обучения // Гуманитарные науки. 2014. № 1 (27). С. 69-76.
5. McKeegan David First certificate pass key: Grammar Practice. Oxford: Oxford University Press. 1995. 104p.

УДК 37.04; 372.09

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СРЕДСТВ ОНЛАЙН ОБУЧЕНИЯ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

Павлова Татьяна Александровна
ассистент

Роговенко Наталья Сергеевна
старший преподаватель

THE USE OF ONLINE LEARNING TOOLS IN A NON- LINGUISTIC UNIVERSITY

Tatiana A. Pavlova
assistant lecturer

Natalia S. Rogovenko
senior lecturer

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена использованию современных Интернет-ресурсов при обучении иностранному языку студентов неязыковых вузов, что способствует разностороннему развитию будущих специалистов, реализации наиболее эффективных условий их подготовки, интенсификации процесса обучения иностранному языку, а также формированию интереса к изучению иностранного языка. Рассмотрены варианты использования интернета как обучающего вспомогательного средства при изучении иностранного языка. Предпринята попытка обосновать необходимость изучения английского языка студентами-нелингвистами. Приведены примеры Интернет-технологий и программ, способствующих интенсификации изучения английского языка.

ABSTRACT. This article analyzes the role of using Internet resources in teaching foreign language students at non-linguistic universities. It contributes to the comprehensive development of future specialists, the implementation of the most effective conditions of their training, the intensification of the process of learning a foreign language, as well as the formation of their interest in learning foreign language. Variants of using the Internet as a teaching aid in language learning are considered. An attempt is made to substantiate the necessity of studying English by

non-linguistic students. The examples of Internet technologies and programs promoting the intensification of learning English are given.

Keywords: Internet resources, foreign language, non-linguistic specialties, MOODLE, online learning.

Ключевые слова: Интернет-ресурсы, иностранный язык, неязыковые специальности, МУДЛ, онлайн-обучение.

INTRODUCTION. There is no doubt about the relevance of using information and telecommunications technologies in the educational process. Modern educational technologies are based on a wide application of computer technology, including the use of multimedia textbooks and electronic resources, video lectures, research, communication and control tools. In addition, they involve the use of various interactive methods, trainings, and modeling of various situations. One of the most effective ways to learn a foreign language is to use training sites that contain modern authentic material on any topic. Through such electronic educational resources, you can solve many didactic tasks: developing reading skills, enriching students' vocabulary, increasing motivation to learn a foreign language, expanding horizons, and forming students' foreign language competence. Many sites offer various educational and methodological materials and allow students to monitor and evaluate the results of their activities. With the help of online resources, teachers create new virtual educational space that is better integrated into the educational process.

Modern technologies of online (distance) learning include the use of computer, multimedia and Internet technologies which contribute to many learning prospects and have great advantages over traditional teaching methods [2, p. 205].

Online learning is based on a carefully planned educational process in electronic distance learning system (EDLS), supported by a sequence of teaching materials, control and measurement materials that ensure the achievement of learning outcomes in an exclusive e-learning format. Here we highlight the main parameters that are taken into account when designing a course with alternative options for implementing online learning:

- training model: exclusive e-learning, mixed training with a different ratio of full-time and online formats, e-learning with the integration of webinars;
- number of students: up to 35 people, from 36 to 99 people, from 100 to 999 people, more than 1000 people;
- pedagogical technology: explanatory course, practice-oriented course, research course, course for organizing joint collective activities;
- role of the teacher: active interaction with students online, insignificant online presence, absence of the teacher in the online environment;
- the role of the student: reading and listening; solving problems and answering questions, actively experimenting through simulators and other tools, interacting with other students;
- interaction synchronization: asynchronous only, synchronous only, mixed interaction format;
- feedback: automated from the system, from the teacher, from other students [4, p. 112].

All these parameters affect the content of the online course, namely, the form of content presentation, the choice of control and measurement tools, the use of certain communication services and the procedure for final certification of the course.

MATERIALS AND METHODS. The study was conducted in several stages. At the first stage, the analysis of theoretical literature on the problems of using online learning tools in a non-linguistic university was carried out. At the second stage there were investigated different types of online learning tools and how to use them.

The main sources of research were scientific works of leading experts in the field of online learning (such as V.V. Borshcheva, O.V. Borshcheva, Yu.V. Seleznev, N.I. Virshits, and others).

The following methods were used: analysis, empirical, descriptive, and comparative methods.

RESULTS. In the current academic year, the transitioning to online education has become especially important due to the current epidemiological situation in the world and the introduction of measures to prevent the disease of a new coronavirus infection.

Since March 17 2020, in accordance with the order for SevSU №. 387-p from 16.03.2020 “On the implementation of educational programs in the context of preventing the spread of a new coronavirus infection”, the University has switched to the implementation of training using distance education technologies and e-learning, as well as training according to individual plans.

At that time, for additional support in the transitioning to e-learning, the Directorate for the development of educational programs created a group of methodological support for teachers and students in the VKontakte, which promptly posted information on the organization of distance learning.

MOODLE has become the main component of the learning process. Communication courses have been developed in the SevSU Moodle for the teachers and students. The communication course designed was a single-entry point. In it, students and teachers could communicate with their teachers, receive theoretical materials on the subjects studied, learn tasks for laboratory and practical work, send reports for verification, and ask questions.

Students had to log in and find a course using the code of their direction. In it, find the section with the student’s course number (Section 1 – First year). In this section, forums were created with the names of disciplines, where teachers uploaded educational materials.

Teachers selected such services that were convenient for both students and teachers to work in. Students and teachers had to be prepared for the fact that it was necessary to download and install certain programs (for example, for webinars) and take care that during online classes:

- students and teachers were definitely authorized in the program/on the site
- there is a stable Internet connection.

Because of the lack of full-time classes, it might seem to you that you have a lot of time, but it’s not the case. To prevent distance learning from becoming a complex routine process, students and teachers needed to plan their own activities.

Also, through this site, the students’ attendance was tracked (registration of login, participation and activity in webinars, sending homework).

Teaching a foreign language in a non-linguistic university involves the use of interactive technologies: e-learning, blended learning, and modern educational platforms. Moodle in particular helps to increase the amount of study time, to establish a permanent connection such as “teacher-student”, “student-student”, thus to conduct combined training blended learning.

The structure of Moodle courses includes everything necessary for effective teaching of a foreign language in a non-linguistic university. Thus, Wiki allows creating a translation of a text by several people at once using a simple markup language directly in the browser window; a survey allows the teacher to vote among the participants of the course; tasks allow the teacher to set a goal and make students prepare an answer and upload it to the system.

Interactive exchange in Moodle includes a forum, email for consultations, chat, exchange of attached files with the teacher, and exchange of personal messages.

In the Moodle SevSU system, it is possible to organize a webinar (without using other services and applications). At the specified time, teachers and students enter the “BigBlueButton (BBB) video Conference” element via a link in the forum or directly through the corresponding element in the course. It is important not to use long names for the element you are creating. If you successfully log in to a video conference, you will be asked to choose an entry option: with the option to use a microphone or just to listen to the speaker. After that, you need to pass the microphone test. At the end of the webinar, log out the conference and the BBB server. After some time, the webinar recording becomes available for viewing. The record will be deleted from the BBB server automatically in 7 days. There is no direct function for saving video recordings, so the webinar must be recorded using programs that allow you to capture images from a computer screen or window.

In addition, Moodle provides additional features, such as the ability to evaluate students' own work, to organize the review of a student work by other students. These opportunities are a consequence of the platform's initial focus on actively involving students in the learning process.

During this period, the following video calling services were also used: Skype, Zoom, and Discord.

It is important that the remote session is effective before the online session:

- notify students in advance about the site or app where the lesson will be held,
- prepare a presentation (visual aids) that will be clearly visible from the phone,
- check the settings of a webcam and a microphone.

DISCUSSION. Social networks can be used for direct activation. Instagram, Vkontakte, Odnoklassniki, and Facebook have this feature. For example, YouTube allows you to create a private broadcast meaning that you may only get to it by using an invitation link that you can send to students in advance. Here you should highlight the strengths and weaknesses. Plus, students are already registered in social networks and you don't need to download and install apps on your computer. It is worth noting the main drawbacks such as: anyone from the friends list can connect to the broadcast, the video quality is usually average and there are no functions for broadcasting presentations, recordings are either not saved or they are difficult to share (except for the YouTube platform, it is all right with this). Skype. A well-known tool, simple and clear. Allows you to make video and audio calls. From 3 to 50 people can participate in group calls. There are also the following restrictions: no more than 100 hours of group video calls per month, no more than 10 hours per day, and no more than 4 hours per group video call.

We would also like to add webinar services which can help you to organize the processes of distance learning:

Zoom: video conferences with real-time messaging and content.

Webinar: video conferences with real-time messaging and content. The service is available both on the site and in the form of apps on iOS and Android.

The Moodle system itself has a built-in ability to conduct a webinar – called BigBlueButton. That is, you can conduct a video lecture without leaving the Moodle. To set up this feature, contact your institute's online learning manager.

Microsoft Teams: audio and video call on the Internet, the ability to show the screen, work in group chats (up to 300 users in the free version of the program), file sharing, web versions of Word, Excel and PowerPoint.

If there is a decline in group dynamics during a video lecture, survey tools can help you improve it.

So, Google Forms is a simple survey form and one of the most popular. You can create several different types of questions: open, closed, single or multiple choice, and matching questions.

Responses are automatically included in the Google document. To create a survey using Google Forms, you must have an email address in Gmail, go to Yandex Disk (Google Drive), click the Create button at the top and select Google Forms.

Survey Monkey is a service designed for creating quick online surveys. The free rate provides up to 10 questions for 1 questionnaire and work with 100 respondents. There is a mobile app.

Menti. The beauty of this service is that survey participants also see the results in real time. Plus, it has a nice visualization setup. The usage is simple – you create a survey and get the code from it. Share this code with students. They go to the site menti.com, enter the code and participate in the survey. After sending a response, participants gradually see the responses of others.

The above proposed services are still aimed at individual work. But there are tools that allow multiple people to work at the same time.

Miro. This is an interactive whiteboard where students can use the link to work. With its help, students can create virtual canvases on which they can visualize ideas and concepts for

discussion, keep notes, create sketches, and build diagrams. Available through both the browser and the mobile app.

Sutori. Interactive worksheet for sharing notes. The service features allow you to set a variety of educational goals for teachers and students. Indeed, with the help of Sutor, you can easily create interactive material within a few minutes, easily readable from the screens of personal computers and mobile devices.

Trello. A great option if you need to track the dynamics of teamwork and distribution of tasks. It allows you to effectively organize work on the Japanese methodology of Kanban boards.

It is extremely necessary to use interactive tools, because feedback is important in the educational process, and in distance learning. It can be provided by teaching skills, which include (among other things) the use of new educational technologies.

It is also worth mentioning that there are many open platforms and services for conducting educational laboratory work. Here are some of them:

LabXchange – a set of lab simulations with assessments focusing on basic molecular biology techniques, a wide range of interactive content, and discussion forums. LabXchange is an online community for learning, sharing, and collaboration. We curate and create world-class digital content, delivered on a free, online platform that lets you integrate your learning and research experiences. Here, you take control of your learning and solve real-world problems as a community.

Merlot Collection – free access to curated online training and support materials and content creation tools for various disciplines. The Merlot collection consists of tens of thousands of discipline-specific learning materials, learning exercises, and Content Builder webpages, together with associated comments, and bookmark collections, all intended to enhance the teaching experience of using a learning material.

PhET: Interactive Simulations for Science and Math – simulations in various disciplines, including physics, chemistry, mathematics, science, and biology. The name “PhET” was originally an acronym for Physics Education Technology. However, the PhET site now includes simulations about many other subjects besides physics, so the acronym is too limited.

Physics Simulations – a collection of physical simulations with variable parameters and real-time animation. A physics simulation is a recreation of a real-world occurrence. These simulations could be in the real world, in a virtual environment by using a physics engine, or partially in both. The existence of virtual simulation brought about a field of simulation-based physics.

Summing up we see that there are many platforms, services and tools at our disposal for conducting full-fledged online training of students, their maximum involvement in the educational process and interaction with both the teacher and other participants of training.

CONCLUSION. Correctly selected course materials, based on the goals and objectives of training and the characteristics of the educational process in an online environment, will provide students with an educational result, and the teacher-positive feedback. And it is worth remembering that online learning is primarily a cognitive, creative and social process, and not just a process of transmitting information through Internet technologies.

References:

1. Борщева В.В. Особенности использования массовых открытых онлайн-курсов в обучении иностранному языку для специальных целей // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. № 1. 2017. С. 86–95.
2. Виршиц Н.И., Селезнев Ю.В. Интернет-технологии как средство организации самостоятельной работы студентов в обучении профессионально ориентированному общению на иностранном языке в неязыковом вузе// Межкультурная коммуникация и профессионально ориентированное обучение иностранным языкам : материалы XI Междунар. науч. конф., посвящ. 96-летию образования Белорус. гос. ун-та, Минск, 25 окт. 2017 г./ БГУ, ФМО; редкол.: В. Г. Шадурский (пред.) [и др.]. Минск: Изд. центр БГУ, 2017. С. 207-209.

3. Еренчинова Е.Б. Использование сети Интернет при обучении иностранному языку [Текст] // Инновационные педагогические технологии: материалы Междунар. науч. конф. (г. Казань, октябрь 2014 г.). Казань: Бук, 2014. С. 325-327. URL <https://moluch.ru/conf/ped/archive/143/6149/> (дата обращения: 03.05.2019)
4. Жапарова, Самал Внедрение системы дистанционного обучения Moodle в высшем образовании / Самал Жапарова. М.: LAP Lambert Academic Publishing, 2019. 112 с.
5. Иманова, Алия Дистанционное обучение в системе повышения квалификации педагогов / Алия Иманова. М.: LAP Lambert Academic Publishing 2019. 158-160 с.
6. Сатарова Л.Х. Современные методы межкультурной коммуникации в информационной системе Интернет // Современная педагогика. 2014. № 3. URL: <http://pedagogika.snauka.ru/2014/03/2199> (дата обращения: 03.05.2019).
7. Соколова Э.Я. Анализ потенциала интернет-ресурсов в обучении иностранному языку // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. № 5-4. С. 607-610; URL: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=7179> (дата обращения: 03.05.2019).
8. Якушева Е.Г. Развитие учебных стратегий освоения лексики иностранного языка на основе образовательных интернет-ресурсов //Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики: материалы ежегодной международной конференции. Екатеринбург, 2 февраля 2018 г. / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург: [б. и.], 2018. Ч. II. С.139.
9. Теория и практика дистанционного обучения / под ред. Полат Е.С. М.: Издательский центр «Академия». 2004. 416 с.

УДК 37.012

КОРРЕКТИРУЮЩАЯ ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ И СТРАТЕГИИ ЕЕ ВЫРАЖЕНИЯ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Потовская Ксения Сергеевна
ассистент

CORRECTIVE FEEDBACK AND ITS STRATEGIES IN SECOND LANGUAGE TEACHING

Kseniya S. Potovskaya
assistant lecturer

АННОТАЦИЯ. В статье исследуется проблема коррекции выявленных в устной речи ошибок при изучении иностранного языка. Рассмотрены различные подходы к корректирующей обратной связи с учетом типа ошибок, вида заданий, а также времени и способа выражения обратной связи. Также излагаются результаты исследования, проведенного в целевой группе студентов с целью выявления предпочтительных стратегий корректирующей обратной связи.

Ключевые слова: фидбэк, корректирующая обратная связь, изучение иностранного языка, лингводидактика, исправление ошибок.

ABSTRACT. This article presents a study of controversies of oral corrective feedback in language teaching. We explored different approaches to error treatment regarding types of mistakes and learning activities, ways of expressing and timing of corrective feedback. The article also reports on the findings of a small-scale investigation of correction preferences of the target group learners.

Keywords: corrective feedback, second language acquisition, language pedagogy, error correction, fluency and accuracy.

The significance of corrective feedback in language learning can hardly be overestimated due to the growing evidence that it can enhance linguistic accuracy and advance the learning process. The latter, however, is debated by some researchers who claim that correction distracts the learners' attention from communicative tasks and makes them focus on the form rather than on the meaning. Being highly controversial, the problem of corrective feedback stirs up disputes among researchers in second language acquisition and language pedagogy. This article is an attempt to investigate controversial features of negative feedback in the process of language teaching as well as to study different strategies of corrective oral feedback. We will also try to ascertain which types of correction are preferred by learners and draw some practical conclusions that might be of interest to English language teachers.

In the context of teaching, feedback is information that is provided to the learner about his or her performance of a learning task, usually with the purpose of improving this performance. Examples of feedback in language teaching can be: "Excellent!" said by a teacher to a learner in response to a right answer; a raised eyebrow in response to a mistake in a grammar exercise. From the given examples you can see that feedback can be positive or negative. Positive feedback affirms linguistic correctness of the learner's statement. In pedagogical theory positive feedback is viewed as a means of fostering learner motivation. As for negative feedback, its role in the process of foreign languages learning is much debated due to its demotivating potential and dubious value in advancing the learning process. However, some researches in this field demonstrate convincingly that negative feedback can in fact enhance learner motivation. Upon receiving negative feedback learners become dissatisfied with their performance level, set higher goals for their future performance and perform at a higher level than those who receive positive feedback [3, p. 81].

To define negative feedback which is corrective in its intent, SLA researchers use the term "corrective feedback". It signals that the learner's answer lacks accuracy or is linguistically deviant. Corrective feedback indicates that a mistake has been committed as well as provides the correct target language form and metalinguistic data about the nature of the mistake.

The controversial nature of corrective feedback in the field of language learning centers on a number of factors. In this article we will discuss the given problem with regard to only oral corrective feedback relying on both the pedagogic and the SLA literature.

The controversy of the corrective feedback is determined by different approaches to error correction. Thus, in audiolingualism "negative assessment is to be avoided as far as possible since it functions as punishment and may inhibit or discourage learning," whereas in humanistic methods "assessment should be positive or non-judgmental in order to promote a positive self-image of the learner as a person and language learner," and in skill-learning theory "the learner needs feedback on how well he or she is doing" [6, p. 243].

Researchers in SLA and language pedagogy frequently disagree about what mistakes to correct, when to correct them and how to correct them. We shall dwell on each of these problems in detail.

Various proposals have been made regarding what mistakes to correct. For example, a prominent methodologist Julian Edge in his book on mistakes and correction divides all mistakes into three categories and gives recommendations as to their correction:

1. Slips – mistakes which students can correct themselves once the mistake has been pointed out to them. Whenever it is possible a teacher should give the chance to self-correction or use peer-correction rather than direct teacher correction.
2. Errors - mistakes which students can not correct themselves and which therefore need to be corrected by a teacher.
3. Attempts – when a student tries to convey some meaning but does not yet know how to structure that meaning correctly in English. In this case it is justifiable to ignore a mistake.

Many researchers distinguish between “accuracy” and “fluency” exercises and argue that corrective feedback has a place in the former but not in the latter. Harmer, for example, argued that when students are engaged in communicative activity, the teacher should not intervene by “telling students that they are making mistakes, insisting on accuracy and asking for repetition” [4, p. 104]. He recommends to refrain from correcting during fluency-oriented speech and to do so only during accuracy-oriented exercises. This view is shared by Julian Edge who points out that “There should always be times in our lessons when we simply encourage fluency. At such times we don’t correct linguistic mistakes unless they affect the communication of what the students want to say” [1, p. 19].

Another controversial aspect of the corrective feedback is the timing. In the language learning process teachers always have to decide when the perfect time to correct a mistake is – immediately or afterwards. For writing exercises correction feedback is always delayed, which allows teachers to collect written works and respond to mistakes. In case of oral corrective feedback teachers are faced with the choice whether to correct immediately after learner’s mistake or to delay correction until later. There is general agreement among researchers in SLA and language pedagogy that in accuracy-oriented tasks it is preferable to correct immediately after the student’s erroneous utterance whereas in fluency-oriented tasks delayed correction should be provided. The teacher can note down mistakes as the student performs a fluency activity and go through mistakes in the end of such activities. In this case a natural communicative flow of the lesson will not be disrupted.

Finally, there is some controversy about the problem of expressing corrective feedback. Researchers’ opinions differ as to how to provide correction: gently or assertively, supportively or sternly, tactfully or rudely. In general, teachers’ feedback should be encouraging and tactful but the problem is that different learner populations require different kinds of correction – some learners respond better to the one, some to the other. Besides, learners’ responses to different expressions of feedback can be sometimes surprising. As Penny Ur points out, “A teacher correction that seems to an observer a humiliating ‘put-down’ may not be perceived as such by the learner to whom it was addressed; or an apparently gentle, tactful one may give offence” [6, p. 248].

SLA researchers and methodologists have identified a number of different ways in which mistakes can be corrected. In this article we would like to confine our attention to the most frequently classified strategies:

1. Explicit correction
2. Recast
3. Clarification request
4. Metalinguistic feedback
5. Elicitation
6. Repetition
7. Paralinguistic signal

Before we proceed to detailed consideration of corrective feedback techniques it should be noted that teachers often choose each particular strategy intuitively rather than guided by predetermined corrective policy and may respond variably to the same mistake made by different students in the same class, correcting some students while ignoring others. Partially this is explained by the fact that teachers attempt to take into account individual differences of students.

We can now turn to review strategies of corrective feedback:

1. Explicit correction presupposes explicit provision of the correct form. In this case the teacher clearly indicates that a mistake has been made, identifies the mistake and provides the correct form. Explicit correction includes such phrases as “Oh, you mean”, “You should say” and so on.

For example:

Learner: It was on June.

Teacher: Not on June. In June. We say, “It was in June”.

2. Recast involves the teacher's reformulation of student's utterance without the mistake. In other words, the teacher changes and corrects the student's speech in some way (phonological, syntactic, morphological or lexical).

For example:

Learner: I was there two times.

Teacher: You've been. You've been there twice.

As you can see, recast is a direct repair strategy. However, it is generally implicit as it is not introduced by phrases "You mean", "You should say" and so on. Recasts also include translations in response to a student's use of L1.

3. Clarification request indicates to learners that their utterance has been misunderstood by the teacher or that the utterance is incorrectly formed and requires a repetition or a reformulation from the teacher. This type of corrective feedback can be indicative of the problem either in comprehensibility or accuracy, or both. A clarification request includes such phrases as "Sorry?", "What do you mean?", "Once again?" It may also include the mistake repetition as in the phrase "What do you mean by X?"

For example:

Learner: What do you tell with your brother?

Teacher: Sorry?

4. Metalinguistic feedback provides information, comments or questions related to the mistake in the student's utterance without explicitly providing the correct form. For example, the teacher can ask the question "Can you find your error?" Metalinguistic feedback contains some metalanguage that refers to the nature of the mistake or a word definition in case of lexical mistakes. Metalinguistic questions point out the nature of the mistake but do not elicit the information from the student.

For example:

Learner: He did it herself.

Teacher: It's masculine.

5. Elicitation involves at least three techniques that teachers use to directly elicit the correct form from the student. First, teachers repeat part of the learner's utterance but without the mistake and then strategically pause or use the rising intonation to signal the learners should complete the utterance. Such eliciting technique may be preceded by some metalinguistic comments such as "No, it's incorrect. It's a..." Second, teachers can use questions to elicit correct forms. For example, "How do we say X in English?" Such questions exclude the use of yes/no questions. Thus, a question "Do we say that in English?" is metalinguistic feedback, not elicitation. Third, teachers can ask students to reformulate their utterance.

6. Repetition refers to the teacher's repetition of the student's utterance highlighting the mistake by means of emphatic stress. This can be a precise way of pinpointing a mistake. Moreover, it is quite effective method to show incorrectness during accuracy work.

For example:

Learner: I will showed you.

Teacher: I will SHOWED you.

Learner: I will show you.

7. Paralinguistic signal involves the teacher's gestures or facial expressions to indicate that the learner has made a mistake. The teacher should give paralinguistic signals with care as the wrong expression or gesture can sometimes appear to be cruel or mocking.

For example:

Learner: Yesterday I go shopping.

Teacher gestures with right forefinger over left shoulder to indicate past.

In addition to the above-stated feedback strategies there can be used multiple feedback which represents a combination of several types of feedback. For example, repetition can be combined with all other feedback types except for recasts: in clarification requests ("What do you

mean by X?”), in metalinguistic feedback (“No, not X. We don’t say X in English.”), in elicitation (“How do we say X in English?”), and in explicit correction (“We don’t say X in English; we say Y.”).

As was stated in the first part of the given article, one of the main aims behind this research is to explore students’ attitudes to which correction feedback strategies they consider to be the most helpful and preferable in the language learning process. Insights of the target group of 100 students of Sevastopol State University were surveyed by means of a questionnaire. It is worth noting that the students in the surveyed group are the speakers of Russian and mixed-level English learners. For the purpose of research, we used a specially designed questionnaire with a brief description of each strategy in Russian to avoid any kind of misunderstanding. The students were offered to choose one correction feedback strategy from the above-stated classification. The survey outcomes demonstrate that the given group of students mostly preferred metalinguistic feedback (30%) and explicit correction (21%). The least popular options turned out to be repetition (3%) and elicitation (7%). Other results are distributed in decreasing frequency as follows: paralinguistic signal - 16%, recast – 14% and clarification request – 9%.

Relying on the survey results we cannot but conclude that the majority of the target group students prefer less intellectually challenging strategies of corrective feedback. Metalinguistic explanation and explicit correction, though eliminate ambiguities, do not involve much cognitive autonomy and do not encourage students to self-correct. Conversely, the least popular strategies among the surveyed group - repetition and elicitation seem to be more intellectually stimulating and require some mental effort from the learners.

It is noteworthy that according to the survey results, students with a higher level of proficiency tend to choose more implicit types of correction feedback such as elicitation. The subsequent discussion of the survey results with this group of students showed that they generally enjoy the challenging process of error discovery and self-correction.

Summing up the results of our research we would like to say that teachers need to be able to implement a variety of corrective feedback strategies and to adapt specific strategies they use to the particular learner they are correcting. It appears preferable to start with implicit types of correction feedback such as paralinguistic signal or elicitation and, if the learner is unable to self-correct, to proceed to more explicit corrective feedback such as direct correction. In this case teachers will be able to encourage learners’ self-correction potential and enhance their linguistic accuracy.

References:

1. Edge J. Mistakes and Correction, London: Longman keys to language teaching, 1989. P. 19-42.
2. Ellis R. Corrective Feedback and Teacher Development. L2 Journal, UC Consortium for Language Learning & Teaching, 2009. P. 8-11.
3. Hattie J, Timperlay H. The Power of Feedback. Academic Research Library, 2007. P. 81.
4. Harmer J. The Practice of English Language Teaching. Longman, Pearson Education Limited, 2005. P. 104-107.
5. Lyster R., Ranta L. Corrective feedback and learner uptake: Negotiation of form in communicative classrooms. Studies in Second Language Acquisition, 1997. P. 37-58.
6. Ur P. A Course in Language Teaching. Cambridge University Press, 1996. P. 243-248.

УДК 81-139

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДИСТАНЦИОННОЙ СРЕДЫ ПРИ ОБУЧЕНИИ ГРАММАТИКЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Секрет Ксения Анатольевна
ассистент

USING DISTANCE LEARNING ENVIRONMENT IN TEACHING ENGLISH GRAMMAR

Kseniya A. Sekret
assistant lecturer

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена проблеме дистанционного обучения грамматике английского языка студентов неязыковых специальностей. Актуальность данной темы подтверждается федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации», который направлен на развитие образовательной среды так же посредством дистанционного, электронного и сетевого образования. В статье изучаются вопросы, отражающие теоретические аспекты дистанционного обучения и особенности преподавания грамматики с применением электронных образовательных технологий. Автор рассматривает интернет-ресурсы и онлайн-платформы в качестве возможности формирования грамматических навыков в формате очного и дистанционного обучения. Вывод о преимуществах интегрирования информационно-обучающих систем с целью эффективного формирования грамматической компетенции в ходе практических занятий по английскому языку был сделан на основе эксперимента, который показал высокую результативность применения дистанционных способов обучения в интеграции с очным обучением. Средний балл группы слушателей, участвующих в эксперименте с применением смешанного формата обучения, увеличился на 15,4%.

Ключевые слова: онлайн-обучение, дистанционный образовательный ресурс, обучение грамматике, английский язык, MOOC, Moodle.

ABSTRACT. The article deals with the problem of distance learning of English grammar by non-linguistic students. The relevance of this topic is confirmed by the federal law “About education in the Russian Federation”, which is aimed at the development of the educational environment also through remote, online, and distance education. The article deals with the theoretical aspects of distance learning and the peculiarities of teaching grammar using electronic educational technologies. The author views Internet resources and online platforms as a way to develop grammatical skills in face-to-face and distance learning formats. The conclusion about the advantages of integrating information and training systems for effective teaching of grammar in practical classes of the English language was made based on an experiment that showed the use of distance learning forms in integration with face-to-face training is more effective. The average score of the pilot group increased by 15.4 percent using distance learning and practical training, compared to only practical training.

Keywords: online learning, distance learning resource, grammar teaching, English, MOOC, Moodle.

Современный мир всецело основывается на технологиях и открытом доступе к информации. Научно-технический прогресс охватывает все новые аспекты жизнедеятельности человека и сфера образования, как ключевой элемент становления современного цивилизованного социума, приобретает более открытые и доступные формы организации и проведения учебного процесса.

Последнее время дистанционное обучение широко интегрируют в общую систему среднего и высшего образования, что объясняется гибкостью относительно временных и локальных особенностей проведения образовательной деятельности. Все больше университетов РФ внедряют информационные и коммуникационные технологии в

обучающий процесс и дополняют традиционные формы обучения (очную, очно-заочную и заочную) дистанционными образовательными технологиями, что, собственно, и раскрывает актуальность данного исследования

Несмотря на то, что изучением вопроса дистанционного образования и его постепенной интеграцией в учебный процесс российских вузов активно занимались в течение последнего десятилетия. Динамичным толчком к интенсивному развитию обучения с применением компьютерных технологий и стремительному переходу от традиционных форм обучения к интерактивным можно считать распространение на территории РФ новой коронавирусной инфекции COVID-19.

Еще год назад дистанционное образование не имело большого продвижения на территории России, что нельзя сказать о странах Европы, Азии и США, где в зависимости от государственной политики стран дистанционные образовательные технологии признаны одной из форм обучения [4]. Например, в университетах США, Канады, Японии, Англии и Германии существуют свои теле- и компьютерные системы, а также локальные образовательные сети [8], которые способствуют эффективному учебному процессу. В России виртуальное обучение еще новый и не всегда правильно выстроенный образовательный продукт, что объясняется рядом трудностей, связанных с отсутствием системности применения и не регламентированности использования современных информационных технологий в процессе обучения. Также важным фактом является то, что в России дистанционное обучение не причисляется к формам получения образования, а рассматривается как способ обучения с использованием дистанционных образовательных технологий, что вводит определенные ограничения на распространения виртуального обучения в РФ.

Тем не менее в научном дискурсе уже широко применимы такие понятия, как «дистанционное обучения», «электронное обучение», «e-learning», «обучение с применением компьютерных технологий», «дистанционные образовательные технологии», «сетевое обучение» (сетевая форма реализации образовательных программ), «виртуальное обучение» и т.д. [2, с. 11].

Появлению понятия «дистанционное обучение» в российской сфере образования мы обязаны работам Е.С. Полат и А.А. Андреева. В работах Е.С. Полат дает пояснение дистанционному обучению как самостоятельной форме обучения, при которой происходит взаимодействие учителя и учащихся, учащихся между собой на расстоянии и отражает все компоненты свойственные учебному процессу, которые реализуются средствами интернет-технологий [9].

А.А. Андреев предлагает следующее определение дистанционному обучению, как «целенаправленному, организованному процессу интерактивного взаимодействия обучающихся и обучающихся между собой и со средствами обучения, инвариантный к их расположению в пространстве и времени, который реализуется в специфической дидактической системе» [2, с. 11].

Исходя из определений данных дистанционному обучению, можно сделать вполне закономерный вывод, что дистанционная форма обучения очень напоминает заочную, но Козлова Д.А. в своей статье «Дистанционное обучение как инновационный подход в реализации непрерывного образования» отмечает, что «систематическая и эффективная интерактивность» и отличает данную форму от заочной [7].

В данном исследовании под электронным обучением понимаем «образовательную деятельность с применением информации, которая хранится в базах данных и используется при реализации образовательных программ, а также обеспечивающую ее обработку с использованием информационных технологий, технических средств и информационно-коммуникационных сетей. Сети обеспечивают передачу по линиям связи необходимую информацию, осуществляя взаимодействие обучающихся и педагогов» [10]. Другими словами, дистанционное обучение происходит в какой-либо электронной информационно-

образовательной среде. При реализации электронного обучения применение дистанционно образовательных технологий выступает необходимым условием.

Что же касается дистанционного обучения иностранным языкам, здесь следует отметить, что каждый предмет (языковой или нет) имеет свои особенности, вызванные спецификой данного предмета. Спецификой обучению иностранным языкам выступают способы деятельности, а именно обучение четырем видам речевой деятельности (аудированию, чтению, письму, говорению) и «беспредметность» (возможность говорить на любые темы, которые соответствуют возрасту обучающихся). Иностранный язык входит также в группу дисциплин, задачей которой является формирование умений, непосредственно связанных с общением. Таким образом, иностранный язык выступает как цель и средство обучения [6]. Важно также отметить, что дистанционный курс обучения грамматике иностранного языка может являться самостоятельным курсом либо дополнением к очной форме обучения [5].

Интернет, позволяет погрузиться в аутентичную атмосферу иностранного языка посредством чтения и просмотра видеоматериалов на языке оригинала, что способствует повышению мотивации к изучению языка. Интернет-технологии также дают возможность реализации дополнительной устной и письменной коммуникации в ходе общения с носителями языка, что стимулирует эффективное и быстрое освоение лингвистического материала.

Но особое внимание при сетевом обучении стоит обратить на специфику преподавания грамматического материала изучающим иностранный язык. Однозначно, грамматика имеет первостепенное практическое значение, так как с ее помощью обеспечивается формирование умений устного и письменного общения [5, с. 305].

Онлайн-обучение грамматике необходимо выстраивать как практично-ориентированное занятие с использованием проектной методики или метода кейсов. Кейс (от англ. case) – это описание конкретной ситуации или случая в какой-либо области: социальной, экономической, медицинской и других сферах жизни человека. Как правило, кейс содержит не просто описание, но и некую проблему или противоречие и строится на реальных фактах. Соответственно, решить кейс означает проанализировать предложенную ситуацию и найти оптимальное решение поставленной проблемы. Использование проектного метода помогает получить лучше результаты и вызывает особый интерес у обучающихся.

Повышению интереса к изучению грамматики и достижении высокого результата в понимании грамматических структур также помогает моделирование различных ситуаций с использованием обозначенных конструкций, составление диалогов и мини-рассказов.

По структуре онлайн-занятия для обучения особенностям грамматического строя языка можно поделить на три этапа: презентация, практика и воспроизведение.

На первом «теоретическом» этапе онлайн-обучения грамматике возможно применение таблиц и схем, так как наглядность способствует запоминанию сложных грамматических конструкций. На втором этапе, связанным с практикой – следует прибегнуть к использованию обучающимися разнообразных онлайн-тестов и упражнений с автоматической проверкой для тренировки и закрепления полученных на первом этапе теоретических знаний. Для этих целей подойдут тесты на выбор, дополнительные структуры, продолжение и трансформация грамматических структур и предложений. Целью подобных заданий является «автоматизация введенного материала в условиях учебной ситуации. При сравнении с упражнениями предыдущей группы, они ставят перед учащимися в процессе их выполнения определенные речемыслительные задачи, связанные с выбором формы высказывания в зависимости от содержания задания», то есть позволяют выполнить третий этап – воспроизведение [7, с. 281].

Но речевая практика или этап воспроизведения может быть ограничен аудиторными часами и за счёт дистанционного обучения можно увеличить эффективность такого занятия посредством тренировок грамматических структур [1, с. 305; 2, с. 396].

Показателем сформированности грамматических навыков выступает чтение и письмо, поэтому в дистанционном курсе необходимо, так же опираться на программные письменные средства, например: электронная почта, различные чаты, текстовые редакторы типа Microsoft Office [7].

Полезными при обучении иностранным языкам являются интерактивные онлайн-платформы и электронные курсы, которые уже имеют все необходимые встроенные инструменты для дистанционного образования. Самыми известными являются: Moodle, Sakai, LOTUS Learning Space, eFront и другие. На платформе, преподаватель может создавать курсы, наполняя их содержимым в виде текстов, вспомогательных файлов, презентаций, опросников и т.п. Для использования платформы достаточно иметь любой web-браузер, что делает применение этой учебной среды удобной как для преподавателя, так и для обучаемых. По результатам выполнения заданий, преподаватель может выставять оценки и давать комментарии. Таким образом, подобные платформы являются центром создания учебного материала и обеспечения интерактивного взаимодействия между участниками учебного процесса.

МООС (Massive open online course), название, предложенное американскими исследователями Брайаном Александром и Дейвом Кормье, представляют собой открытый онлайн-курс с массовым интерактивным участием и применением технологий сетевого обучения. Онлайн-курс имеет открытый доступ через Интернет и выступает в качестве дополнения к традиционным материалам учебного курса. Массовые открытые онлайн-курсы дают возможность использовать интерактивные форумы пользователей, которые помогают создавать и поддерживать сообщества студентов и преподавателей, что способствует развитию и совершенствованию не только грамматических навыков, но и письменной компетенции.

Использование уже готовых внешних курсов, дает возможность сохранить время преподавателя и провести дополнительное закрепление материала. Такой вид сетевого обучения выступает хорошим тренажёром для отработки грамматических структур. Разнообразие заданий по видам и уровням сложности стимулирует эффективное формирование грамматических компетенций. Положительной чертой e-learning выступает возможность изучать дисциплину в удобное время и в комфортном темпе, но исключая контакт обучающегося с преподавателем. Также следует отметить, что многие курсы находятся в бесплатном доступе, требуя только регистрацию. Среди таких курсов можно выделить МООС, Coursera, Future Learn и другие. Такой вид дистанционного образования, как МООС, удобно использовать при повышении квалификации или самообразовании.

Относительно дистанционного обучения в Севастопольском государственном университете, то оно осуществляется с использованием платформы Moodle (Модульная объектно-ориентированная динамическая учебная среда). Moodle – свободная система управления обучением, которая ориентирована на организацию взаимодействия между преподавателем и обучающимся, а также подходит для поддержки очного обучения.

С целью определения целесообразности использования дистанционного обучения в связке с практическими занятиями при обучении грамматике английского языка нами был проведен эксперимент. Данное исследование также направлено на выявление эффективности применения информационно-компьютерных технологий для самостоятельной работы студентов, как одной из форм закрепления полученных знаний на практических занятиях по английскому языку.

Для эксперимента был взят курс Moodle «Английский язык: уровень Elementary A2» продолжительностью 72 часа для очного обучения в неязыковом вузе, очная часть составляет 72 часа работы на практических занятиях. Задания курса рассчитаны не только на совершенствование грамматических навыков, но и на развитие всех языковых компетенций.

При работе со студентами первого курса неязыкового направления было проведено тестирование по грамматической теме: Present Simple: positive and negative, Present Simple:

questions and short answers. Тест проходили 16 студентов первого курса. Задачами эксперимента являлись мотивация студентов к обучению, закрепление теоретического материала на практике и развитие коммуникативной способности слушателей.

Перед началом изучения грамматических структур Present Simple студенты прошли тестирование по данной теме со средним баллом в 63,8. Следующее тестирование они прошли после объяснения и отработки материала на практических занятиях. Результатом тестирования стал средний балл в 70,8. Таким образом, уровень овладения темой повысился на 11%. Затем студенты выполнили задания по данной теме в Moodle и вновь прошли тестирование. Результат теста показал увеличение среднего балла на 15,4 %, что составило показатель среднего балла – 81,4.

Исходя из полученных данных, можно сделать вывод, что именно системное применение дистанционной формы обучения дает положительный результат. Комбинирование сетевого обучения с очным при работе с грамматическим материалом способствует оптимизации и закреплению приобретенных теоретических и практических знаний на занятиях по английскому языку. Использование информационно-компьютерных технологий позволило автоматизировать контроль усвоения приобретённых навыков и умений, что также является преимуществом данного подхода. При выборе заданий для курса необходимо учитывать педагогические методики, которые будут способствовать эффективному усвоению содержания курса: ролевые игры, проектная деятельность, интерактивные задания, аудио и видео материал. Дистанционный компонент способствует развитию самостоятельности и дисциплинированности у студентов, с одной стороны, способствуя их саморазвитию и совершенствованию полученных знаний и умений, с другой стороны. Среди преимуществ дистанционной формы обучения следует отметить также гибкость (время и место организации образовательной деятельности), моментальность проверки выполненных заданий и получение статистики преподавателем. К сложностям реализации дистанционного образования относятся трудоемкость составления заданий и поддержание мотивации учеников.

Список литературы:

1. Вайндорф-Сысоева, М. Е. Методика дистанционного обучения: учебное пособие для вузов: Издательство Юрайт, 2019. 194 с. URL: <https://urait.ru/bcode/433436/p.11> (дата обращения: 18.11.2020).
2. Владимирова Л.П. Проблемы интеграции формального и неформального образования в условиях единой информационно-образовательной среды // Открытое образование: науч. практ. журн. 2013. № 5 (100), С. 34–35.
3. Владимирова Л.П. Дистанционное обучение иностранным языкам: специфика и перспективы. URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/3fb/distancionnoe-obuchenie-inostrannym-yazykam.pdf> (дата обращения: 07.08.2020).
4. Гальская Н.Д., Гез Н.И. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика учеб. Пособие для студ. Лингв. Ун-ов и фак. Ин.яз. высш. пед. учеб. Заведений 3-е издание, стер. - М. : Издательский центр «Академия», 2006. 336 с.
5. Зимняя И.А. Педагогическая психология: Учебник для вузов. Изд. Второе, доп., испр. и перераб. М.: Логос, 2004. 384 с.
6. Козлова Д.А. Дистанционное обучение как инновационный подход в реализации непрерывного образования // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. 2013. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/distantsionnoe-obuchenie-kak-innovatsionnyy-podhod-v-realizatsii-nepreryvnogo-obrazovaniya> (дата обращения: 18.11.2020).
7. Овчинникова М.В. Дидактические особенности обучения грамматике английского языка в дистанционной форме. Этап проектирования. Журнал «Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук». Москва, 2013. № 1. С. 296–299.

8. Подласый И.П. Педагогика. Новый курс. Учебник для студентов пед. вузов. В 2 кн. Кн. 1. Общие основы. Процесс обучения. М.: ВЛАДОС, 2003. 576 с.
9. Полат Е.С. Теория практика дистанционного обучения. Учеб. Пособие для студ. Высш. пед. учеб. заведений-М. Издательский центр «Академия», 2004.
10. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/9ab9b85e5291f25d6986b5301ab79c23f0055ca4/ (дата обращения: 07.09.2020).

УДК 81-2

**АНАЛИЗ ВОСПРИЯТИЯ СТУДЕНТАМИ НЕЯЗЫКОВЫХ
СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ СМЕШАННОГО ОБУЧЕНИЯ В КУРСЕ
«АНГЛИЙСКИЙ ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ»**

Семёнкина Ирина Артуровна
кандидат психологических наук, доцент

**STUDENTS' PERCEPTIONS OF BLENDED LEARNING: ANALYSIS IN THE CASE OF
“ENGLISH FOR SPECIAL PURPOSES”**

Irina A. Semyonkina
PhD in Psychology, associate professor

АННОТАЦИЯ. В статье предпринята попытка проанализировать восприятие студентами Севастопольского государственного университета преимуществ, ограничений и проблем смешанного подхода к обучению при изучении специального английского языка. В исследовании также были изучены предложения студентов по повышению качества курсов. Был проведен анонимный письменный опрос 240 студентов первого и второго курсов. Участники опроса оценили 23 утверждения и ответили на 3 открытых вопроса. Результаты показали, что студенты отмечают развитие навыков чтения и письма; улучшение их знания грамматики и пополнение словарного запаса. В качестве преимуществ курсов смешанного обучения участники отметили подлинность материалов, возможность общения с учителем, эффективное использование времени, наличие гибкого расписания и мультимедийный характер формата. В качестве основной проблемы формата респонденты выделили технические проблемы, а серьезные ограничения - мошенничество и плагиат. Практические предложения по решению проблем включали в себя в первую очередь решение технических проблем, обеспечение надлежащего обучения студентов, повышение качества курсов и улучшение общения с учителями. Комплексный анализ результатов исследования может помочь повысить эффективность смешанного курса обучения иностранным языкам.

Ключевые слова: смешанное обучение, восприятие, иностранный язык для специальных целей, владение иностранным языком, преимущества, ограничения.

ABSTRACT. The article attempts to analyse Sevastopol State University students' perception of advantages, limitations, and problems of the blended learning approach in the course of English for Special Purposes. The study also explored the students' suggestions for improving the quality of the courses. An anonymous written survey of 240 first and second-year students was conducted. The survey participants estimated 23 statements and answered 3 open-ended questions. The results indicated that the students note the development of reading and writing skills; improvement in their knowledge of grammar and vocabulary enrichment. As the advantages of the blended learning courses, the participants pointed out the authenticity of materials, the ability to communicate with a teacher, effective use of time, the availability of a flexible schedule, and the multimedia nature of the format. Technical problems were highlighted by the respondents as the main challenge of the format, followed by cheating and plagiarism as serious limitations. Practical

suggestions for dealing with the problems included pre-eminently solving technical problems, providing proper training to students, enhancing the quality of the courses, and improving communication with the teachers. The comprehensive analysis of the research results can help improve the efficiency of the blended learning course for teaching foreign languages.

Keywords: blended learning, perception, foreign language for special purposes, foreign language skills, advantages, limitations.

The need to improve the quality of teaching foreign languages, and higher education in general, in the context of a competency-based learning model, raises questions of finding the most efficient organization model of the educational process in Russian universities. In the modern conditions, any qualified professional is required to be fluent in a foreign language (FL) and confidently use it as an instrument for achieving their professional goals.

Application of innovative information technologies is one of the possible ways to solve the problem of improving the quality of foreign language education in the context of a limited number of class hours, etc.

REVIEW OF RELATED LITERATURE. Blended learning has become one of the leading trends in the application of information and communication technologies in teaching foreign languages.

The term “blended learning” appeared in the methodological literature in the late 1990s [14], and the peak of discussions about its potential, effectiveness, capabilities, and application difficulties came in the early 2000s [8; 11]. However, even today, interest in blended learning among researchers and practicing teachers remains high.

Over the time “blended learning” has become an umbrella term and is often used to mean a combination of various methods of teaching a foreign language, pedagogical approaches, information and communication technologies, and other technologies existing in the modern world.

According to Graham [10], “Blended learning combines face-to-face with distance delivery systems... but it’s more than showing a page from a website on the classroom screen...those who use blended learning environments are trying to maximize the benefits of both face-to-face and online methods.”. Garrison and Kanuka (2004) defined “blended learning as “the thoughtful integration of classroom face-to-face learning experiences with online learning experiences” [9].

Bower et al. 2015, p. 1). defines blended synchronous learning as follows: “Learning and teaching where remote students participate in face-to-face classes by means of rich-media synchronous technologies such as video conferencing, web conferencing, or virtual worlds” [4].

Many universities all over the world today use learning management systems (platforms) for teaching various disciplines and also call them blended learning courses [12].

Watson (2008) highlights some of the most widely used variations of the blended learning model: “1) Fully online curriculum with all learning done online and at a distance and no face-to-face component; 2) Fully online curriculum with options for face-to-face instruction, but not required; 3) Mostly or fully online curriculum with select days required in classroom or computer lab; 4) Mostly or fully online curriculum in computer lab or classroom where students meet every day; 5) Classroom instruction with significant, required online components that extend learning beyond the classroom and beyond the school day; 6) Classroom instruction integrating online resources, but limited or no requirements for students to be online; 7) Traditional face-to-face setting with few or no online resources or communication” [15].

Each of these variations has its own sphere of application depending on specific conditions, (technical) capacities, goals of the educational process. With the development of the informational communicational technologies and the modernization of teaching, educators and students gain experience with many variations of blended learning.

Advantages of blended learning

Numerous works discussed the idea that traditional and online teaching should complement each other by combining different advantages (e.g., Bicen et al. 2014; Cakir and Bichelmeyer 2016;

Deschacht and Goeman 2015) [5; 6; 7]. Zacharis (2015) stated in his studies that blended learning could support learning beyond the classroom [16].

T.P. Popova, T.A. Nenasheva [2] include the following factors as the advantages of blended learning: “automation of the educational process, continuous access to educational materials and recording the results of student learning activities, continuous monitoring of the progress of cognitive activity by the teacher, the opportunity of asynchronous learning, objective control; flexibility (the independent study of theoretical material at an individual pace with subsequent active communicative activity in the classroom); development of critical thinking and ability to autonomous activities aimed at finding the necessary material, analysis, generalization, use of information for their purposes; information accessibility and multiplicity of materials application; taking into account the individual characteristics of students (the type of higher nervous activity, cognitive abilities, etc.); interactivity”.

It should be pointed out that successful implementation of blended learning implies, along with other pre-conditions, a student’s digital competence - “the individual’s ability to confidently, efficiently, critically and safely choose info-communication technologies ... as well as their readiness for this activity” [3]. The students’ work with information resources and technologies, interaction with other users of the learning environment contribute to the development of both digital and cognitive skills (self-development, organization, managerial skills) as well as achieving results.

PROBLEM STATEMENT. Teaching English for students of non-linguistic specialties of Sevastopol state university is carried out in the form of blended learning using Moodle learning platform, as well as massive open online courses of the leading educational platforms (Futurelearn, Edx, etc.).

The students are offered a model that includes three components: 1) traditional classroom instruction, involving a direct contact with the teacher; 2) a significant amount of online components that require systematic work outside the classroom after classes; 3) group online training (forums, wikis, etc.)

Online courses covering A2-B2 levels and including all the variety of media available in the learning environment have been developed by the department staff on the basis of authentic English-language materials for Moodle platform

Students start learning a foreign language on Moodle platform (in parallel with the traditional classroom instruction) from the first semester and continue their studies in this format for the next three semesters - throughout the entire required course of studying a FL. The first year of study is aimed at improving the level of the English language as part of the General English course. In the second year of study, students work to improve English for Special Purpose (ESP) skills, depending on the field of study. In addition, students take MOOCs of leading platforms as an additional type of independent work. The choice of an additional online course is made in compliance with a student’s major.

The 1st and 2-nd year students, who took part in the study, belong to the so-called “digital” generation. Among the factors that determine the specific features of the generation, the following can be distinguished: the era of the Internet and smartphones (and other gadgets), the development of artificial intelligence and nanotechnologies, global threats: terrorism, climate change; the availability of alternative explanations for many phenomena. In the generalized version, proponents of the of generation theory believe that digital aborigines are technologically advanced and technologically focused, “born with a button on their finger”, they are dominated by online reality [14]. It should be noted that such a characteristic of the digital generation, from the point of view of a number of researchers, is nothing more than myths that are either not confirmed at all or partially confirmed [1].

Assuming that the representatives of the digital generation possess the specific characteristics listed above, we should expect an unambiguously positive perception of the blended

learning model, a complete readiness to study in this format, the absence of “global” problems and acceptance of the format as a whole. However, this study shows a slightly different reality.

RESEARCH QUESTIONS. In the study of students' perceptions of the implementation of blended learning, the following questions were brought into our focus: how the students assess the impact of blended learning on the development of foreign language skills; which advantages and disadvantages of blended learning the students point out; what students offer for improving the educational process in the framework of blended learning, and, therefore, how to increase the effectiveness of blended learning.

The purpose of the study was to analyze the students' perceptions of the implementation of blended learning in the course of “English for Special Purposes”, as well as to study ways to improve the model of blended learning for students of non-linguistic specialties.

METHODS AND MATERIALS. To solve the stated problems, the following methods of theoretical analysis were used: the study of scientific and methodological literature, Internet sources on the topic of research, as well as empirical methods - a written survey, consisting of both structured and unstructured questions, and further processing of the survey results.

For the purposes of the study, 240 first-year and second-year full-time students were offered a written questionnaire consisting of 23 statements and questions about the suggestions of improving the course of a FL. The survey was conducted anonymously and consisted of four blocks. In three structured blocks, respondents could express their attitude in the form of one of the five proposed options (from “strongly agree” to “strongly disagree”). The questionnaire included the following blocks: 1) students' perception of the impact of blended learning on the development of foreign language skills; 2) students' perceptions of the benefits of blended learning; 3) students' perceptions of the shortcomings of blended learning; 4) students' proposals for improving the blended learning format used in the educational process.

RESULTS. The survey data for the first three blocks are presented in the tables below. (SA – strongly agree, A - agree, NS – not sure, D - disagree, SD – strongly disagree.)

1. Development of foreign language skills and FL aspects

Table 1. Students' perceptions of the impact of blended learning on the development of foreign language skills and FL aspects

	SA		A		NS		D		SA	
	%	N	%	N	%	N	%	N	%	N
listening	10	24	20	48	21,6	52	32,5	78	15,8	38
speaking	1.6	4	14.1	34	18.3	44	40.8	98	25	60
reading	9.1	22	52.5	126	18.3	44	16.6	40	3.3	8
writing	5	12	33.3	80	16.6	40	40.8	98	4.1	10
spelling	8.3	20	25	60	26.6	64	31.6	76	8.3	20
pronunciation	5	12	11.6	28	16.6	40	45	108	21.6	52
grammar	8.3	20	51.6	124	18.3	44	13.3	32	8.3	20
vocabulary	20	48	54.1	130	12.5	30	10	24	3.3	8

As the survey showed, most students point out the development of reading skills (61.6%). More than one-third of respondents (38.3%) indicated the development of writing skills. 59.9% of students notice an improvement in grammar knowledge and 74.1% - an increase in vocabulary in the learning process.

Low ratings of the development of speaking, listening, and pronunciation indicate the inadequate use of interactive LMS tools in the blended learning format, for example, videoconferencing.

2. Benefits of Blended Learning

Table 2. Students' Perception of the Benefits of Blended Learning

	SA		A		NS		D		SD	
	%	N	%	N	%	N	%	N	%	N

convenience	10	24	10	24	25	60	18.3	44	36.6	88
multimediality	13.3	32	28.3	68	25	60	21.6	52	11.6	28
interesting and useful	6.6	16	26.6	64	33.3	80	25	60	8.3	20
flexibility	6.6	16	36.6	88	11.6	28	20	48	25	60
time efficiency	7.5	18	36.2	87	11.2	27	20	48	25	60
authenticity	16.6	40	43.3	104	25	60	11.6	28	3.3	8
communication with the teacher	22.5	55	38.8	93	15.6	37	16.3	39	6.9	16

According to the survey results, students appreciate the authenticity of materials, the ability to communicate with a teacher, effective use of time, the availability of a flexible schedule, and the multimedia nature of blended learning. Nonetheless, only 33.2% of respondents consider online learning interesting and useful.

3. Problems and limitations of blended learning

Table 3. Students' perceptions of problems and limitations of blended learning

	SA		A		NS		D		SD	
	%	N	%	N	%	N	%	N	%	N
complicacy	13.3	32	13.3	32	21.6	52	35	84	16.9	40
technical problems	40	96	28.3	68	10	24	18.3	44		8
cheating and plagiarism	22.5	55	29.4	70	17.5	42	18.1	43	12.5	30
less efficient in comparison with the traditional form	19.1	46	35.8	86	16.6	40	19.5	47	8.8	21
no computer access	4.1	10	8.3	20	3.3	8	37.5	90	46.6	112

The students consider technical problems as the main problem of the blended format – reported by 68.3% of respondents. 51.9% of students consider cheating and plagiarism as a limitation of blended learning. 54.9% of survey participants do not consider online learning as more effective than the traditional form of learning.

Among the students' suggestions for improving the blended learning model, the solution of technical problems ranked the first (63%). The respondents also offered to enhance the quality of content of online components (22%), conduct proper training to prepare for working with online components (8%), and improve communication with the teacher (7 %).

CONCLUSION. The survey data showed that the respondents' dissatisfaction with the blended learning model was mainly caused by technical difficulties in working online, failures and limitations in the functioning of the learning platforms, and the insufficient level of digital skills.

Thus, the idea of the universal high digital competence of students does not reflect the real situation. For the successful implementation of the educational process in the format of blended learning, students need technical support to master the functionality of training platforms and increase digital competence in general. Frustration caused by the inability to use information and communication technologies can adversely affect the perception of the blended learning format as a whole.

The survey participants noted the development of reading and writing skills, as well as grammar, and vocabulary of the FL. They also indicated the authenticity of materials, the ability to communicate with a teacher, efficient use of time, the availability of a flexible schedule for studying and well as multimediality as the advantages of using blended learning.

Summing up the above, we can say that the effective use of the didactic potential of blended learning requires a strategic approach to the development of online courses. The design, development, implementation, assessment, and modernization of the course should be based on clearly defined goals, an objective assessment of the effectiveness of training, regular monitoring of students' perceptions of the learning process, responding to problems and careful “tuning” of the learning process, taking into account the data received.

References:

1. Богачева Н. В., Сивак Е. В. Мифы о «поколении Z». М.: НИУ ВШЭ. 2019. 64 с.
2. Попова Т.П., Ненашева Т. А. Информационные технологии в обучении иностранным языкам в вузе (модель смешанного обучения) // Историческая и социально-образовательная мысль. Т. 8. № 6-1. 2016. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnye-tehnologii-v-obuchenii-inostrannym-yazykam-v-vuze-model-smeshannogo-obucheniya> (дата обращения: 20.12.2020).
3. Солдатова Г.У. Рассказова Е.И. Нестик Т.А. Цифровое поколение России: компетентность и безопасность. М.: Смысл, 2017. 375 с. (дата обращения: 20.12.2020).
4. Bower M., Lee M. J. & Dalgarno, B. Collaborative learning across physical and virtual worlds: Factors supporting and constraining learners in a blended reality environment. *British Journal of Educational Technology*, 48(2), 2017. Pp. 407–430. URL: <https://doi.org/10.1111/bjet.12435>. (дата обращения: 20.12.2020).
5. Bicen H., Ozdamli F. & Uzunboylu H. Online and blended learning approach on instructional multimedia development courses in teacher education // *Interactive Learning Environments*. 22(4). 2014. Pp. 529-548. URL: <https://doi.org/10.1080/10494820.2012.682586>. (дата обращения: 20.12.2020).
6. Cakir H., Bichelmeyer B.A. Effects of teacher professional characteristics on student achievement: An investigation in blended learning environment with standards-based curriculum // *Interactive Learning Environments*. 24(1). 2016. Pp. 20-2. URL: <https://doi.org/10.1080/10494820.2013.817437>. (дата обращения: 20.12.2020).
7. Deschacht N., Goeman K. The effect of blended learning on course persistence and performance of adult learners: A difference-in-differences analysis. *Computers & Education*, 87. 2015. Pp. 83-89. URL: <https://doi.org/10.1016/j.compedu.2015.03.020> (дата обращения: 20.12.2020).
8. Driscoll M. Blended learning: Let's get beyond the hype // *e-Learning*. 1(4), 2002. Pp. 1-4. URL: https://www.academia.edu/download/7691892/blended_learning.pdf (дата обращения: 20.12.2020).
9. Garrison D. R., & Kanuka H. Blended learning: Uncovering its transformative potential in higher education // *Internet and Higher Education*. 7, 2004. Pp. 95-105. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S1096751604000156?via%3Dihub> (date of access: 12.12.2020).
10. Graham C. R. Blended learning systems: Definition, current trends and future directions // C. J. Bonk & C. R. Graham (Eds.). *The handbook of blended learning: Global perspectives, local designs*. San Francisco: Pfeiffer, 2006. Pp. 3-21.
11. Oliver M., Trigwell K. Can ‘blended learning’ be redeemed? *E-learning and Digital Media*. 2(1), 2005. Pp. 17-26. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.2304/elea.2005.2.1.17> (date of access: 12.12.2020).
12. Park Y., Yu J. H., Jo I. H. Clustering blended learning courses by online behavior data: A case study in a Korean higher education institute. *Internet and Higher Education*, 29. 2016. Pp. 1-11. <https://doi.org/10.1016/j.iheduc.2015.11.001> (date of access: 12.12.2020).
13. Senge P. M. *The fifth discipline: The art and practice of the learning organization*. New York, NY: Doubleday, 1990. 445 p.

14. Töröcsik M., Szucs K. How Generations Think: Research on Generation Z. // Acta Universitatis Sapientiae, Communicatio. Vol 1. 2014. P. 23-45.
15. Watson J. Blended learning: The convergence of online and face-to-face education // Promising Practices in Online Learning. North American Council for Online Learning. Published on Jun 19, 2014. URL: <https://issuu.com/acsathens/docs/nacolpp-blendedlearning-lr> (date of access: 12.12.2020).
16. Zacharis N. Z. A multivariate approach to predicting student outcomes in web-enabled blended learning courses // Internet and Higher Education. 27, 2015. Pp. 44–53. URL: <https://doi.org/10.1016/j.iheduc.2015.05.002> (date of access: 12.12.2020).

УДК 336.764

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МОДЕЛИ ФАМА-ФРЕНЧА ДЛЯ ФИНАНСОВЫХ РЫНКОВ В КРИЗИСНЫЕ ВРЕМЕНА

Шеметев Александр Александрович
кандидат экономических наук, доцент

USING THE FAMA-FRENCH MODEL FOR FINANCIAL MARKETS IN TIMES OF CRISIS

Alexander A. Shemetev
PhD in Economic Sciences, associate professor

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена отдельному направлению финансов – взаимным инвестиционным фондам, которые набирают популярность, в частности, в США. В статье приводится оценка использования модели Фама-Френч для прогнозирования динамики доходности взаимных фондов в кризисные времена (проблематика исследования). В целом, модель Fama-French предоставляет мощный инструмент для анализа. Она может помочь оценить оптимальный паевой инвестиционный фонд для любого типа инвестора и увидеть его потенциальные результаты (гипотеза исследования). Более рискованный инвестор должен взять актив с максимальным доходом; минимально рискованный инвестор может взять активы, не склонные к риску. Выбор между фондами VEVFX и FLPSX должен быть сделан каждым инвестором индивидуально, в зависимости от его предпочтений и рискованности. Исследование рекомендует выбрать FLPSX, потому что он является самым сильным в модели с высоким R^2 в течение длительных периодов. Инвестирование в кризисные времена: мы не смогли найти общую картину - фонд, в который вы могли бы инвестировать в любой кризисный период со значительными альфами. Если вы рискуете - вы можете использовать VEVFX - но также возможны высокие риски - этот фонд имел самые высокие значимые альфы при моделировании ежедневных данных во время кризиса 2008-2011 годов. Таким образом, не существует фонда средств правовой защиты, который мог бы стать спасением для капитала, гарантирующего высокий доход и стабильность в кризисные времена.

Ключевые слова: Фама-Френч, финансы, взаимные фонды, эконометрическое моделирование.

ABSTRACT. Financial markets are developing in the modern world. There is a separate area of finance - mutual investment funds, which are gaining popularity, in particular, in the United States. The paper provides an assessment of the use of the Fama-French model for predicting the dynamics of the profitability of mutual funds in times of crisis (research question). In total, the Fama French model provides a powerful tool for the analysis. It can help to estimate the optimal mutual fund for any type of investor and see its potential outputs (hypothesis of research).

The more risky investor should take the asset with the maximum income; the minimum risky investor can take the risk-averse assets. The 2 mentioned choices between VEVFX and FLPSX funds should be made by each investor individually depending on his preferences and riskiness. I would strongly suggest choosing FLPSX because it appears the strongest in the model with the highest R2 for the longest periods. Investing in crisis times: We could not find the total pattern – a fund that you could invest in any crisis time with significant alphas. If you are risky – you can use VEVFX on daily basis – but be high risks are possible as well – this fund had the highest significant alphas on the daily-data modeling in the 2008-2011 crisis. So, there is no remedy-fund that could be an escape for capital that guarantees high income and stability in crisis times.

Keywords: Fama-French, finance, mutual funds, econometric modeling.

Financial markets are developing in the modern world. There is a separate area of finance - mutual investment funds, which are gaining popularity, in particular, in the United States. The paper provides an assessment of the use of the Fama-French model for predicting the dynamics of the profitability of mutual funds during crisis periods.

First, we studied the datasets (there are 2 datasets of the Fama-French model provided at their official site; each dataset is suggested primary regression coefficients for certain periods). It was clear that the Fama-French datasets are available from February 1980 until the end of June 2019. These datasets were merged to create the dataset number 2. No newer data is available for 2020 in the dataset 2.

Fama-French is available from February 1980 until February 2020 (February 2020 is included) in the dataset 1. The regression model from the dataset 2 has low R2 with the mutual funds data (around 5-20%). The regression model from the dataset 1 has relatively high R2 (around 85-98%). This means that the first dataset fits the data better. Both datasets are from the official site of the Fama-French.

Then we studied the Yahoo finance data from February 1980 until February 2020 (February 2020 is included). The data are updated on a daily base. After that, we studied the momentum factor data from the Fama-French Official site from 1927 until 2020; this data is provided on a monthly and annual basis in the same dataset (2020). And, finally, we studied the data at the governmental bonds statistics from February 1980 until February 2020 (2020). The rates for the US bonds differ from the risk-free rates of the Fama-French models.

The goal of the paper is to show an opportunity to apply the Fama-French model for econometric modeling of financial assets' value in times of financial crises. Financial instability causes different patterns for the behavior of most of the assets.

The descriptive statistics methods applied to check, verify, and describe the data. It helped to deal with non-available values of some trust funds. Time series simulation methods were used (SARIMA, Seasonal model) to simulate the insufficient time series data for the Fama-French model from June 2019 until February 2020. We have the newest data on mutual funds'trends and no newer data on the Fama-French. Providing forecasts for 8 months in the past for predicting the best mutual fund may have no sense in the modern financial market conditions. Thus, the time series analysis mentioned above revealed the most probable estimated values for the future period.

In addition, correlation and regression analysis methods are used to see the main dependencies in trends and factors of the Fama-French model and to estimate the market alphas. The risk-free rate substitution method is used to see the dependencies of the Fama-French model on changing the risk-free rate for the excessive return necessary for the Fama-French regressions to see if the best mutual funds behave in the same way. It is suggested that the mutual funds should have maximum trustworthy. Meanwhile, if investors invest in more valuable risk-free instruments at rates significantly higher than in the Fama-French dataset, it will become a new risk-free rate [expectation hypothesis from subject Monetary policy is used for evaluation].

Dataset 2 showed that some alphas are not significantly different from 0 (UNWPX, GSIFX) with t-statistics p-values below 0.01 [t-statistics value is above 3]; some funds have only few

differences from 0 (like VTSMX, AESGX, BSCFX, FMAGX). Based on the p-values they are not significantly different from p-values above 0.01. If we take regressions from the earliest past (02.1980) or from the nearest past (beginning of 1990) until the present – 2 alphas will be statistically insignificant with t-statistics p-values above 0.10 [GSIFX, UNWPX] which means (Hanousek and Kočenda, 2011) they are moving with the market trends.

The Alpha of VTSMX is close to 0 with a t-statistics p-value above 0.05. It has the recent jump in the return of this fund that started in 2020. It made a little change to the significance of alpha (it is checked). For simulating this data, we had to use the SARIMA seasonal time series analysis to fulfill the absent observations from the provided in the dataset Fama-French model. The simulation is used, because financial data outdated for more than 8 months. This may lead to lower values. Fama-French database doesn't have this newer data. Vanguard Total Stock Market Index Fund Investor Shares invests in the equity market, including small-, mid-, and large-cap growth and value stocks. The specifics of such investments sufficiently increase the chances the alpha will be close to 0 and the fund will be following the common market trend more than provide us (potential investors) with the opportunity of additional income.

As explained above, alphas at the UNWPX and GSIFX are not statistically different from 0 with t-statistics values below 1 (p-values above 0.1). If we take other funds with alphas close to 0 with p-values above 0.05 and below 0.1 – we will notice FMAGX, AESGX, VTSMX. The trends of these funds are very close to the common market trends and they are not the best funds to provide extra-income based on alphas. The alphas of some other funds can be close to 0 with t-statistics above 1.96 but below 3.1 (with p-values above 0.01 and below 0.05); these are such funds as VFINX, BSCFX, and VEVFX. And we may be totally sure that some alphas are different from 0 with t-statistics above 3.1 and p-values below 0.01; these are such funds as VSMGX, VWINX, VWELX, FLPSX, listed here with raising their alphas (the minimum alpha among these funds is VSMGX and the maximum is VEVFX). If we range all funds based on their alpha values starting from minimum to maximum, we receive the following list: UNWPX (0), GSIFX (0.003), VSGMX (0.005), FMAGX (0.006), VWINX (0.006), AESGX (0.007), VTSMX (0.007), VFINX (0.007), VWELX (0.007), BSCFX (0.01), FLPSX (0.011), VEVFX (0.012). The alternative analysis and interpretation are represented in the table below. Alpha – excess returns – shows the funds with the maximum potential to earn more than under the risk-free rate – these funds are ranged here by the alphas.

The most profitable funds are FLPSX (10.66% average annual income) and VEVFX (11.6% average annual income – with higher risks, however). These 2 funds are of high interest for us. We would pick up the VEVFX among these 2 – it has higher income (even notwithstanding the fact it has higher risks – the excess return was even negative for this fund in some periods). We would prefer the VEVFX fund because it has the highest excessive return (with higher risk as well).

We could call the UNWPX Global Investors World Precious Minerals Fund as the worst, because the standard deviation is twice as high as its return and there are huge chances to earn, in the best way, as much as the market gives or less, based on alpha equal to 0. Plus it has a positive correlation with VSMGX – investing in UNWPX will not get hedge for portfolio, because we need different signs of correlation, at least, and the strongest opposite correlation possible for creating a portfolio. Based on alphas, this fund is useless in both directions: as an individual investment tool (when we invest in the only fund) and as a portfolio investment, because there are better tools with higher alphas and lower standard deviations with relation to alphas.

If the market is efficient, we could expect zero values for all alphas – all the funds would flow within the market trends – no opportunity to earn more than the market in the effective market. Zero values for alphas means the trends for these mutual funds perfectly fits the market trends. That is why it reduces opportunities to earn additional profits (a surplus to the market return); this only is fair if there are no market inefficiencies that could potentially create arbitrage opportunities for earning. The alphas are supposed to be close to 0 if the market is efficient. Alphas from this analysis do not support the notion that financial markets are efficient because many of them are different

from zero. Efficient markets should not provide opportunity even for arbitrage, that is, make all the alphas 0. The financial market is not efficient. Therefore, some funds may have alphas distant from 0. Consequently, investors have opportunities for excessive returns and earnings trying to maximize their profit (choosing the biggest alphas) adjusted to the risk factor (analyzing standard deviations and t-statistics for all alphas). These games may stimulate market inefficiencies and provide opportunities to earn. That is why we do not observe here all alphas to be 0.

We can also set 1997 October as the first month to analyze all funds in the same time period. The results for this change with one of the cut-offs with the assumption that the risk-free rate to be TNX. This is one of the measures because investors can have opportunities to invest in this potentially risk-free tool from the point of view of expectation hypothesis. The highest constant is still at VEVFX. Changing the periods – from 1990-s and so on does not change the fact that this fund is the most attractive: 9.64% excessive to risk-free rate income (if the risk-free rate is TNX) and 11.68% excessive to risk-free rate income (if the risk-free rate is aggregated in a way described before). So, this fund is now the most attractive. However, VEVFX has a less risky and more stable competitor called FLPSX, but it provides some lower-income as well: second largest alpha with less risk (we are more confident alpha is different from 0 (99% CI)); it has 9.02% excessive to risk-free rate income (if the risk-free rate is TNX) and 10.66% average excessive income if the risk-free rate is aggregated in a way described before. So, if you would like to accept high income with lesser risk – this second variant could become a very good alternative too.

Dataset 1 proves that the FLPSX fund is the best fund. It has the highest alpha and this alpha is significant. The R² of the dataset 1 is much higher than in the dataset 2 which means the model from the Fama-French official dataset 1 explains more market trends than the previous dataset. Although, we should analyze both datasets under different angles in order to have objective results. So, the best fund in versions of both datasets is FLPSX.

The recent situation is more likely to be the beginning of the financial crisis in the US and in the world. This potential crisis is mostly caused by the Coronavirus. In addition to this, it can be (with probability up to 0.05%) caused by Syntia (synthetically created and released bacteria to remove the oil dirt from the ocean). For example, Russia may change its trade policy to the US because this is the new panic in Russia due to US epidemic with this bacteria and its supposed relation to the coronavirus mutation. This unusual theory is suggested by a famous Russian microbiology scientist, which is widely discussed in the Russian government. This crisis may also be caused (with the probability up to 0.05%) by the panic due to the new mutated Chinese Hanta-Virus appeared very recently (in our opinion, mass-media overestimated this Hanta-“virus” threat at their first mentioning).

We made tests for the behavior of the models in the crisis times with 5-year or so periods with 3 scenarios: the model starts a couple of years before the crisis and end some year(s) after it; the model ends with the crisis end; model begins with the crisis begins. 3 most recent crises were chosen for the analysis: 2001 crisis after the 9/11 tragedy due to the most terrible act of terror in history; 2008-2011 crisis due to financial collapse; and the recent trade war with China-US crisis that started in 2019 and smoothly goes to join the consequences of the global corona virus (and maybe some other viruses/bacteria) pandemic.

Random scenario revealed that VEVFX could be super-risky but with the highest alpha fund, which highest value and significance may appear only in some periods of the crisis on the data taken on the daily basis. In all the other intervals it is so volatile than actually can become a pain to invest in this fund. So, if you are risky enough and ready to work with the daily data and be ready for quick actions – VEVFX is a perfect fund for this (risks are huge, and this scenario worked only for the crisis 2008-2011).

Thus, the conclusion is as follows: Investing in good times: In total, the Fama-French model provides a powerful tool for the analysis. It can help to estimate the optimal mutual fund for any type of investor and see its potential outputs. The riskier investor should take the asset with the maximum income; the minimum risky investor can take the risk-averse assets. Each investor

individually depending on his preferences and riskiness should make the choice between VEVFX and FLPSX funds. I would strongly suggest choosing FLPSX because it appears the strongest in the model with the highest R² for the longest periods.

Investing in crisis times: We could not find the total pattern – a fund that you could invest in any crisis time with significant alphas. If you are risky – you can use VEVFX on daily basis – but be ready to act fast and too high risks as well – this fund had the highest significant alphas on the daily-data modeling in the 2008-2011 crisis. Alphas' significance disappeared when we chose the other start and end dates for modeling the regression analysis in the crisis times. So, there is no remedy-fund that could be an escape for capital that guarantees high income and stability in the crisis times.

References:

1. Fama-French 5 Factors (2x3, daily) // Kenneth R. French Databases. URL: <http://mba.tuck.dartmouth.edu/> (date of access: 24.09.2020).
2. Fama-French Momentum Factor (Mom, daily) // Kenneth R. French Databases. URL: <http://mba.tuck.dartmouth.edu/> (date of access: 24.09.2020).
3. Governmental Bonds // DBnomics. URL: <https://db.nomics.world/> (date of access: 24.09.2020).
4. Hanousek J., Kočenda E. Foreign news and spillovers in emerging European stock markets // Review of International Economics. 2011. Vol. 1. № 1467.
5. Mutual Funds // Yahoo Finance. URL: <https://finance.yahoo.com/mutualfunds> (date of access: 24.09.2020).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Аргунов Василий Васильевич

Аспирант, кафедра французской филологии, Институт Зарубежной филологии и регионоведения, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, Якутск, Российская Федерация, e-mail: vasyarum@gmail.com.

Баранова Анастасия Викторовна

Кандидат филологических наук, доцент кафедры «Иностранные языки», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет», Севастополь, Россия, e-mail: baranskikh@yandex.ru.

Бойко Галина Ахметовна

Научный руководитель, старший преподаватель кафедры финансов и кредита, экономический факультет, ЯрГУ им. П.Г. Демидова, г. Ярославль, Российская Федерация, e-mail: boiko.inc2@gmail.com.

Гарсиа Ланда Хосе Анхел

Магистр университета Брауна, доктор философии по английской филологии, Университет Сарагосы, старший преподаватель английского языка, Университет Сарагосы, кафедра английской и немецкой филологии, Сарагоса, Испания, e-mail: garciala@unizar.es.

Глотова Александра Валерьевна

Старший преподаватель кафедры иностранных языков, Филиал Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова в г. Севастополе, г. Севастополь, Российская Федерация, e-mail: glotova@glotova.com.

Жиганов Глеб Валерьевич

Магистрант, кафедра финансов и кредита, экономический факультет ЯрГУ им. П.Г. Демидова, г. Ярославль, Российская Федерация, e-mail: gieb.2354.rt@mail.ru.

Зубкова Мария Александровна

Старший преподаватель кафедры «Иностранные языки», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Российская Федерация, e-mail: m.a.zubkova@gmail.com.

Иваненко Владимир Александрович

Доктор философии по экономике, Университет Западного Онтарио, Лондон, Канада, e-mail: ivanenko60@yahoo.com.

Иванцова Юлия Александровна

Кандидат филологических наук, доцент кафедры «Иностранные языки», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Российская Федерация, e-mail: julsan84@mail.ru.

Ильичев Антон Владимирович

Магистрант, кафедра «История», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Российская Федерация, e-mail: ilichev-toni@mail.ru.

Кабанкова Елена Николаевна

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Иностранные языки», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Российская Федерация, e-mail: lenatatushko@rambler.ru.

Карпунина Ирина Владимировна

Старший преподаватель, кафедра иностранных языков № 3, ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова», г. Москва, Российская Федерация, аспирант, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», e-mail: petrovairina0@yandex.ru.

Комуцци Людмила Владимировна

Доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры «Теория и практика перевода», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Российская Федерация, e-mail: ltataru@yandex.ru.

Левцова Регина Сергеевна

Магистрант, кафедра гражданского права и процесса, МГУ им. Н.П. Огарева, г. Саранск, Российская Федерация, e-mail: levtsovar@gmail.com.

Лобков Александр Евгеньевич

Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры «Теория и практика перевода», Институт Общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Россия, e-mail: alexev1975@yandex.ru.

Лысенко Владлена Владимировна

Аспирант института стратегии развития образования РАО, г. Москва, старший преподаватель кафедры «Иностранные языки», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Российская Федерация, e-mail: radasan@mail.ru.

Малыгина Ксения Артуровна

Старший преподаватель кафедры «Иностранные языки», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Российская Федерация, e-mail: visart2015@gmail.com.

Маслиева Екатерина Сергеевна

Старший преподаватель кафедры «Иностранные языки», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Российская Федерация, e-mail: maslieva_k@rambler.ru.

Михайлова Алла Григорьевна

Старший преподаватель кафедры «Иностранные языки», Институт Общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, старший преподаватель кафедры «Иностранные языки», Черноморское высшее военноморское ордена Красной Звезды училище имени П.С. Нахимова, Севастополь, Российская Федерация, e-mail: Steba1971@mail.ru.

Огурцова Дарья Александровна

Студент, кафедра «Дошкольное и начальное образование», Гуманитарно-педагогический институт, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Российская Федерация, e-mail: evgenbaza1212@gmail.com.

Осадчая Ирина Юрьевна

Старший преподаватель, кафедра «Теория и практика перевода», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Российская Федерация, e-mail: osadchayalis@mail.ru.

Павлова Татьяна Александровна

Ассистент кафедры «Иностранные языки», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Российская Федерация, e-mail: tatyana_bokhan@mail.ru.

Потовская Ксения Сергеевна

Ассистент, кафедра «Иностранные языки», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Российская Федерация, e-mail: xevia25@mail.ru.

Роговенко Наталья Сергеевна

Старший преподаватель кафедры «Иностранные языки», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Российская Федерация, e-mail: ottom6131@mail.ru.

Руденко Наталья Сергеевна

Кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой «Теория и практика перевода», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Российская Федерация, e-mail: nsrudenko@sevsu.ru.

Секрет Ксения Анатольевна

Ассистент, кафедра «Иностранные языки», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Российская Федерация, e-mail: poloskova.v@gmail.com.

Семёнкина Ирина Артуровна

Кандидат психологических наук, доцент кафедры «Иностранные языки», Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Российская Федерация, email: isemyonkina@mail.ru.

Сессорова Светлана Александровна

Ассистент кафедры «Иностранные языки», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Российская Федерация, e-mail: sessoreta96@gmail.com.

Федорова Клавдия Ивановна

Научный руководитель, кандидат филологических наук, доцент, кафедра английской филологии, Институт Зарубежной филологии и регионоведения, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, Якутск, Российская Федерация, e-mail: fki110252@gmail.com.

Хапаев Вадим Вадимович

Научный руководитель, кандидат исторических наук, доцент кафедры «История», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Российская Федерация, e-mail: khapaev007@mail.ru.

Шеметев Александр Александрович

Кандидат экономических наук, доцент кафедры Государственного и муниципального управления, Северо-Западный Институт Управления Российской Академии Народного Хозяйства и Государственной Службы при Президенте РФ, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: alexandershemetev@gmail.com.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Argounov Vasily

Postgraduate student, Department of French, Institute of Modern Languages and International Studies, North-Eastern Federal University, Yakutsk, the Russian Federation, e-mail: vasyapym@gmail.com.

Baranova Anastasiia

PhD in Philology, Associate Professor, Foreign Languages Department, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, the Russian Federation, e-mail: baranskikh@yandex.ru.

Boyko Galina

Senior lecturer of the Department of Finance and Credit, the Faculty of Economics, P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, the Russian Federation, e-mail: boiko.inc2@gmail.com.

Fedorova Claudia

Scientific advisor, PhD in Philology, Associate Professor, the Department of English and International Studies, Institute of Modern Languages and International Studies, North-Eastern Federal University, Yakutsk, the Russian Federation, e-mail: fki110252@gmail.com.

García Landa José Angel

MA Brown University, PhD in English Philology, University of Zaragoza, Senior lecturer in English, University of Zaragoza, Department of English and German Philology, Zaragoza, Spain, e-mail: garciala@unizar.es.

Glotova Aleksandra

Senior lecturer of the Department of Foreign Languages, Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol, Sevastopol, Russian Federation, e-mail: glotova@glotova.com.

Ilyichov Anton

Graduate student, History Department, Institute of Social Sciences and International Relations Sevastopol State University, Sevastopol, the Russian Federation, e-mail: ilichev-toni@mail.ru.

Ivanenko Vladimir

Doctor of Science in Economics, Western University, London, Canada, e-mail: ivanenko60@yahoo.com.

Ivantsova Yuliya

PhD in Philology, Associate Professor, Foreign Languages Department, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, the Russian Federation, e-mail: julsan84@mail.ru.

Kabankova Elena

PhD in Pedagogy, Associate Professor, the Department of Foreign Languages, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, the Russian Federation, e-mail: lenatatushko@rambler.ru.

Karpunina Irina

Senior lecturer, Foreign Languages Department, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, postgraduate student, Belgorod State National Research University, the Russian Federation, e-mail: petrovairina0@yandex.ru.

Khapaev Vadim

Scientific advisor, PhD in History, Associate Professor, History Department, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, the Russian Federation, e-mail: khapaev007@mail.ru.

Komutstsi Liudmila

Doctor of Science in Philology, Associate Professor, Professor, the Department of Theory and Practice of Translation, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, the Russian Federation, e-mail: ltataru@yandex.ru.

Levtsova Regina

Graduate student, Department of Civil Law and Process, Ogarev Mordovia State University, Saransk, the Russian Federation, e-mail: levtsovar@gmail.com.

Lobkov Alexander

PhD (Kandidat der Philologie), Dozent am Lehrstuhl für Theorie und Praxis der Translation am Institut für Sozialwissenschaften und internationale Beziehungen der Sewastopoler Staatlichen Universität, Sewastopol, Russland, e-mail: alexev1975@yandex.ru.

Lobkov Alexander

PhD in Philology, Associate Professor at the Department of Theory and Practice of Translation, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, the Russian Federation, e-mail: alexev1975@yandex.ru.

Lysenko Vladlena

Postgraduate student, Institute for Strategy of Education Development of the Russian Academy of Education, Moscow, Senior lecturer of Foreign Languages Department, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, the Russian Federation, e-mail: radasan@mail.ru.

Malygina Kseniya

Senior lecturer, Foreign Languages Department, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, the Russian Federation, e-mail: visart2015@gmail.com

Maslieva Yekaterina

Senior lecturer, Foreign Languages Department, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, the Russian Federation, e-mail: maslieva_k@rambler.ru.

Mikhaylova Alla

Senior lecturer of Foreign Languages Department, Sevastopol State University, Senior lecturer of Foreign Languages Department, Nakhimov Black Sea Higher Naval School, Sevastopol, the Russian Federation, e-mail: Steba1971@mail.ru.

Ogurtsova Darya

Student, Department of Primary School Education, The Institute of Education and Humanities, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, the Russian Federation, e-mail: evgenbaza1212@gmail.com.

Osadchaya Irina

Senior lecturer, Department of Theory and Practice of Translation, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, the Russian Federation.

Pavlova Tatiana

Assistant lecturer, Department of Foreign Languages, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, the Russian Federation, e-mail: tatyana_bokhan@mail.ru.

Potovskaya Kseniya

Assistant lecturer, Foreign Languages Department, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, the Russian Federation, e-mail: xevia25@mail.ru.

Rogovenko Natalia

Senior Lecture, Department of Foreign Languages, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, the Russian Federation, e-mail: ottom6131@mail.ru.

Rudenko Natalia

PhD in Philology, Associate Professor, Head of the Department of Theory and Practice of Translation, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, the Russian Federation, e-mail: nsrudenko@sevsu.ru.

Sekret Kseniya

Assistant lecturer, Department of Foreign Languages, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, the Russian Federation, e-mail: poloskova.v@gmail.com.

Semyonkina Irina

PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, the Russian Federation, email: isemyonkina@mail.ru.

Sessorova Svetlana

Assistant lecturer, Foreign Languages Department, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, the Russian Federation, e-mail: sessoreta96@gmail.com.

Shemetev Alexander

PhD in Economic Sciences, Associate Professor of the Department of State and Municipal Administration, North-West Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, St. Petersburg, the Russian Federation, e-mail: alexandershemetev@gmail.com.

Zhiganov Gleb

Postgraduate student, the Department of Finance and Credit, the Faculty of Economics, P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, the Russian Federation, e-mail: gieb.2354.rt@mail.ru.

Zubkova Mariya

Senior lecturer, Foreign Languages Department, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, the Russian Federation, e-mail: m.a.zubkova@gmail.com.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**Dictum – factum:
от исследований к стратегическим решениям**

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

по материалам

Второй Всероссийской молодёжной научно-практической конференции

с международным участием

«LinguaNet»

(г. Севастополь, 22 – 23 октября 2020 г.)

ВЫПУСК 2

Главный редактор Комуцци Л.В., научный редактор Иванцова Ю.А.,

Редакционная коллегия: Баранова А.В., Кабанкова Е.Н., Лобков А.Е. и др.

Компьютерная верстка – Иванцова Ю.А.

ФГАОУ ВО "Севастопольский государственный университет"
Институт общественных наук и международных отношений
Кафедра "Иностранные языки"

299053, г. Севастополь, ул. Университетская, 33
тел. кафедры: +7 (8692) 435-195
e-mail: Dictum.Factum.Conf@gmail.com

ООО Издательско-полиграфический центр
«ПОЛИТЕРРА»

г. Белгород, ул. Студенческая, 16, офис 19.
Тел. 8(910)360 14 99
e-mail: polyterra@mail.ru
www.polyterra.ru